

Александр Бондарь

Сорока на рододендроне

Часть первая

Глава I

6 мая 2005 год. 9 часов 15 минут. Швеция. Гётеборг. Ботанический сад.

Первые дни мая. Время, когда расцветают рододендроны. Изумительное по красоте зрелище. Если кому-то выпадает счастье видеть это великолепие, он никогда в жизни его не забудет. Память такие вещи не стирает.

* * *

Карл Киплеса, служащий парка, коренастый шестидесятилетний мужчина, принялся за работу, которую в парке выполнял уже лет сорок. Было солнечное мягкое утро, и денек обещал быть тоже теплым. Карл проверил газонокосилку — работает. Он принялся стричь траву на склоне небольшого холма. Карл не то чтобы обожал свою работу. Нет! Просто он всей душой любил этот чудный парк. Считал его, и не без оснований, одним из красивейших мест на свете. В самом центре города, разбитый на месте крепостных валов парк представлял коллекцию растений, собранных со всего мира. Редкие деревья и кустарники, множество цветов. Весной, когда все цвело, здесь было особенно восхитительно! Самое главное — ведь цвели рододендроны! Множество сортов этого растения, представленных в парковой коллекции, расположенных различными композициями, привлекали такое же множество посетителей. Сколько туристов приезжает в этот парк в это время, чтобы специально застать этот миг весеннего пробуждения легендарного кустарника. И Карл сегодня тоже с утра любовался своим парком. Кроме парка, в котором жили олени и множество птиц, Карл обожал свой город — Гётеборг. Тут он родился и прожил всю свою жизнь. Отец его и мать тоже родились и жили здесь, и деды, и прадеды. Это был их город.

Старому Карлу в его седую голову и прийти не могло, что он сможет жить где-то в другом месте. По выходным дням он любил побродить по улицам Гётеборга. Он любил главную улицу — Avenyn. Если идешь по одной ее стороне, то на тебя смотрят здания, построенные во французском стиле, а на противоположной стороне находятся дома, исполненные, как сонаты Генри Пёрселла, в типично английском стиле. В английском архитектурном стиле...

Здесь, на Avenyn, расположены музей искусств, городская библиотека, художественные галереи и магазины, торгующие предметами искусства и

народных промыслов. Эта улица попала в Книгу рекордов Гиннесса. Ведь именно там, в одном из ресторанов, накрывают самый грандиозный в мире шведский стол! Любой желающий — житель города или его гость — мог пойти туда, хорошенько выпить и закусить. Улица заканчивается площадью Гётаплатсен, в центре которой находится фонтан «Посейдон», созданный скульптором Карлом Миллесом. Здесь же, на площади, находится концертный зал, построенный в 1935 году. Его выдающаяся акустика принесла ему славу одного из лучших в мире. Ежегодно в конце лета на площади устраивается удивительный праздник — Geteborg Party. Он продолжается четыре дня и ночи. И все это время играет музыка, звучат песни, идут театральные представления...

Но больше всего Карл, набожный и прилежный лютеранин, все-таки любил посещать церкви родного города — знаменитые кирхи Гётеборга. И то сказать — в городе их больше трех десятков! В Гётеборге даже выпустили специальную карту, на которой указали все местные кирхи. Одна из любимых церквей Карла — кирха Кристины. Немецкий архитектор Ройсс восстановил ее после пожара, случившегося, дай бог памяти, в 1746 году. Здесь же, в этой кирхе, находится замечательный орган. Лучшие органисты мира почитают за честь играть в кирхе Кристины, воздвигнутой в честь восхитительной шведской королевы...

В описываемое утро у Карла Киплеса, истинного шведа, было отменное настроение. После работы он намеревался посетить фотовыставку, посвященную цветению рододендронов, что открылась в одной из галерей на Avenyn. Потрудившись минут двадцать, Карл обратил внимание на сороку, прыгавшую на ветках пылающего розовым цветом кустарника. Не так как-то она прыгала, эта городская птица-вещунья. Даже безмятежному старому Карлу что-то показалось необычным в ее поведении. А уж он-то изучил поведение птиц и животных в своем парке. За сорок лет служения парку он изучил даже, как распускаются цветы, мог назвать точную дату, когда распустится любой бутон. Сорока прыгала на землю, а потом на куст. Вновь спускалась на землю и тут же поднималась на куст. Карл отключил жужжащую газонокосилку и стал наблюдать за необычным поведением птицы. Он улыбнулся и крикнул ей: «Что это ты сегодня распрыгалась, дорогая?» Но, услышав знакомый голос, сорока не успокоилась — наоборот, эта почти ручная (насколько сорока вообще может стать ручной) птица стала кричать, стрекотать. И еще больше распрыгалась.

Карл отметил про себя: «Странно как-то все это. Даже кувыркается. Что ее взбудоражило? Надо подойти поближе — посмотреть». И подошел. И увидел.

Под кустом рододендрона лежала женщина. Одета она была в изящное черное платье, рядом валялись черная шляпка и фотоаппарат с большим объективом. Профессиональный.

«Господи», — вырвалось у вмиг оторопевшего Карла. Рассмотрев женщину, он пробормотал: «Да ведь она мертвая...» Впервые в жизни он обнаружил труп человека. Да еще и в своем парке. Он снял бейсболку, вытер мгновенно вспотевшую лысину клетчатым платком. И, причитая: «Боже мой! Боже мой! Боже мой! Боже, ответь, что все это значит?» — поспешил в администрацию Ботанического сада. Через полчаса в парке уже работали эксперты и сыщики. На место происшествия прибыл сам комиссар полиции Дэвид Криспа — немолодой мужчина, худощавый и седой, с умными серыми глазами. Он сразу отметил: платье на убитой молодой женщине — дорогое и красивое, стройная шея повязана длинным розовым шарфом, а сумочка подобрана в тон шарфу. «Из высоких кругов, бедолага... Или богема. Не иначе», — подумал комиссар. И, как оказалось позже, не ошибся.

— Господин комиссар! Она русская, — подавая документы женщины, взятые из сумки, проговорил один из сыщиков, работавший на месте убийства. Комиссар взял паспорт.

— Извольская Лидия Викторовна. 1970 года рождения. Гражданка Российской Федерации. Проживала в Москве. Ну, дела... Этого мне еще не хватало.

Настроение у комиссара испортилось сразу. Но работу свою он любил и быстро забыл про настроение. Потому что — профессионал.

— Курт, — обратился он к одному из сыщиков, — надо срочно узнать, где проживала убитая. Если в отеле, то опросить служащих, может, расскажут что интересное для нас. А ты, Виктор, срочно свяжись с Интерполом, пусть выйдут на коллег из России. Нам нужна срочно информация на Извольскую.

Подойдя к эксперту, комиссар спросил: «Что у тебя, Густав?»

— Огнестрельное. Прямо в сердце. Убита одним выстрелом. Похоже, сработал профессиональный киллер.

— Понятно. Прошу проконтролировать вскрытие трупа. Необходимо извлечь пулю для проведения экспертизы, сам понимаешь.

— Все будет сделано, господин комиссар.

— Когда наступила смерть?

— Судя по всему, часов двенадцать-четырнадцать назад.

Комиссар посмотрел на часы. Стрелки показывали 11 часов 20 минут.

— Стало быть, убийство произошло вчера вечером с восьми до девяти часов...

— Примерно так.

— Ладно. Жду официального заключения. И попрошу — не затягивай. Все-таки иностранка. К тому же из России. У меня такое за всю мою полицейскую жизнь впервые. А служу я уже тридцать лет.

Криспа подошел к стоящему рядом Карлу:

— Итак, милейший, расскажите-ка мне все поподробнее.

— Господин комиссар, сегодня утром я, как всегда, приступил к работе. Кто бы мог подумать, что увижу такое? Я ведь в этом парке сорок лет работаю...

Комиссар жестким голосом перебил Карла:

— Ближе к делу, пожалуйста.

— Да-да, господин комиссар. Я и говорю, что работаю в этом парке...

— Видели ли вы кого-нибудь здесь вчера вечером?

— Вчера я ушел в пять часов. Как всегда, тут были туристы. Японцы, немцы, русские... Все как обычно. А сегодня утром я обратил внимание на сороку. Она как-то необычно себя вела. Прыгала и прыгала...

— Кто прыгал-то?! — сердито спросил комиссар.

— Сорока... Она прыгала, кувыркалась. Я и подошел к этому месту. Увидел женщину, понял, что она мертвая, и побежал в администрацию, все рассказал. Боже мой! Такое в нашем парке впервые. Ох, ох-ох...

Комиссар поморщился:

— А больше ничего не видели?

— Нет. Больше ничего сказать не могу.

— Да... Немного, — усмехнулся комиссар. — Но и это кое-что. Спасибо.

— К вашим услугам, господин комиссар.

Комиссар погладил серебристую щеточку усов, отошел в сторону, про себя размышляя: «В нашем тихом городе, да еще в Ботаническом саду — такое впервые. Огнестрельное. Прямо в сердце. А женщина красивая. Красивая и молодая. И убили прямо под рододендронами. И место тоже красивое... Ладно. Будем работать — выясним».

— Я в управление, — буркнул комиссар своим и двинул в сторону выхода из парка, рассматривая по пути цветущие рододендроны. «Как среди таких

изумительных растений можно лишить кого-то жизни?.. Тем более — человека? Не могу этого ни понять, ни объяснить, ни простить».

На следующий день, получив информацию об убитой, комиссар пешком отправился на фотовыставку работ Извольской, выставленных в одной из галерей Авенюп. У входа в выставочный зал висела афиша, с которой на посетителей смотрела улыбающаяся, красивая — и живая — Лидия Извольская. На афише была простенькая подпись — название выставки: «Мои рододендроны». Лаконично.

Чуть ниже располагались пять снимков цветущих рододендронов. Задержавшись на секунду у афиши, комиссар вошел в здание галереи. Его встретила приветливая служащая: — Пожалуйста, проходите. Просмотр бесплатный.

— Спасибо, — буркнул комиссар и прошел в небольшой зал, где, кроме него, никого в это время не было. Он просмотрел фотоработы, где было множество рододендронов на восходе и закате солнца. Вот удачно показаны раскрывающиеся бутоны цветов. А вот дети бегают среди кустов рододендрона, сами как цветы.

«Ничего не могу сказать — красиво. Но ведь за это не убивают. Не убивают за потрясающей красоты снимки. За что тогда убили эту бедную молодую русскую?» С этими мыслями комиссар вышел из зала, подошел к служащей галереи.

— Комиссар полиции Дэвид Криспа, — представился он.

— Марта Йонсон, — ответила женщина.

Спокойным твердым голосом Криспа продолжил:

— Марта, вчера был обнаружен труп Извольской. Ее нашли в парке, видимо, она работала там — делала снимки рододендронов.

— О! Не может быть! Это ужасно! Ужасно, — вскрикнула Марта, моментально изменившись в лице.

— Марта, Марта... Возьмите себя, пожалуйста, в руки, Марта, и постарайтесь ответить на некоторые мои вопросы.

— Да-да, конечно, — пролепетала Марта, всхлипывая.

— Как давно вы знаете Извольскую? Как она оказалась в нашем городе? Кстати, организация выставки подобного уровня стоит немалых денег, не так ли?

— Видите ли, господин комиссар, в Европе существует Клуб любителей рододендронов... — начала Марта.

— Что-что? Какой еще клуб?

— Европейский клуб любителей рододендронов — солидная международная организация. Я являюсь одним из членов этого клуба. Все, кто входит в этот клуб, обязаны делать лишь одно — любить эти растения и, конечно, помогать — кто чем сможет — для их разведения и охраны. В том числе и финансово. В нашем клубе, поверьте, много состоятельных людей, увлеченных любовью к рододендронам. По секрету скажу, кое-кто из королевской семьи Швеции тоже входит в этот клуб.

— Это все прекрасно, но давайте-ка поближе к делу. Давайте об Извольской, пожалуйста.

— Она является членом нашего клуба. Два года назад Лидия написала заявление с просьбой принять ее. Ее приняли. И вот она приехала в наш город, привезла свою фотовыставку, посвященную рододендронам. Извольская — профессиональный фотохудожник.

— И кто же финансировал выставку?

— Клуб. Все по закону. Есть документы. Могу показать.

— Скажите, дорогая моя Марта, как вы думаете, мог ли кто-то желать смерти этой русской?

— Только не ищите среди нас — я имею в виду клуб. Поймите, любители таких прекрасных растений не могут быть убийцами.

— Ну да, конечно, — задумчиво проговорил комиссар, потом добавил: — Знаете, в нашем мире возможно все, дорогая моя. Даже матери убивают своих детей, не то что...

Марта перебила комиссара:

— Когда найдете настоящего убийцу, господин комиссар, вы вспомните мои слова.

— Хотелось бы, — невесело усмехнулся комиссар...

— Кстати, а у нее здесь был друг, любовник, какая-то иная сердечная привязанность? — неожиданно спросил он Марту.

— Нет. И приехала она одна. Неделю назад. Мы готовили выставку и были все время вместе. С утра до поздней ночи. Она была одна. Я это точно знаю.

— Вы так уверенно говорите, что это наводит на определенные мысли, — с иронией произнес комиссар.

— Если вы об этом, то мы не лесбиянки! — вспыхнула Марта. — И, соответственно, не были любовницами! Я еще раз повторяю, что в нашем городе она была одна. Конец апреля и начало мая — самое время для цветения рододендронов. Мы специально подготовили эту фотовыставку. Извольская с благодарностью приняла наше приглашение, она много работала — снимала рододендроны.

— А в России у Извольской есть родственники?

— Она говорила, что живет с мамой в Москве, что была замужем. С мужем разошлась, но причину я не знаю. Она не рассказывала, я не спрашивала. Знаете, это чужая жизнь, зачем в нее совать свой нос.

— У вас есть ее адрес?

— В клубе есть ее анкета.

— А дети? У нее есть дети?

— Нет.

— Можно я еще посмотрю ее работы?

— Конечно, конечно, господин комиссар, сколько угодно. Скажите, а кто будет сообщать о смерти Извольской ее маме?

— Криспа задумался на секунду.

— Я думаю, это должны сделать вы. Ведь она приехала именно к вам.

— Да, я понимаю. Сделаю это сегодня же.

— Значит, договорились.

Комиссар еще раз прошелся по залу, рассматривая фотоработы Извольской, потом вышел из галереи и отправился в управление. Вызвал к себе в кабинет Курта:

— Собери всю информацию об Европейском клубе любителей рододендронов. В деле убийства русской фотохудожницы это первая зацепка. Извольская была членом этого клуба. Может, что и нароем там.

— Шеф, понял. Все сделаю.

— Обрати особое внимание на финансовые дела клуба. Со слов Марты Йонсон, они существуют на взносы влиятельных членов. И вот это как раз необходимо проверить. Через три дня доложишь. Управишься?

— Постараюсь, шеф.

— Курт вышел, а комиссар задумался: «Есть над чем поработать. Наизнанку вывернем этот клуб любителей цветов. Интуиция мне подсказывает, не все тут просто. Нужно срочно связаться с Москвой, пусть выяснят насчет этой Извольской. Может, что и найдут».

...Дэвид Криспа вообще-то был человек уравновешенный, спокойный. Но в этот день он сорвался. Комиссар гремел как языческий Тор — был бы у него молот, метнул бы в подчиненных. Мишенью его гнева стали ближайшие подчиненные: Виктор и Курт.

— Прошло два месяца! Два! С момента убийства русской прошло столько времени, а мы топчемся на месте. Ничего у нас нет! Мне интересно, а за что вы деньги получаете?!

Разбушевавшегося шефа детективы Курт и Виктор слушали молча. Такое бывало редко. Да и гнев шефа — они знали — проходил быстро. Вот и сейчас он покричал, покричал и... перешел к делу:

— Итак, что у вас есть сказать мне и прессе? Журналисты уже обвиняют меня в профнепригодности, а подобные издевательства я терпеть не намерен.

Курт поднял взгляд. Во время вспышки он сидел с опущенной головой, в такие моменты смотреть в глаза начальству не рекомендовалось.

Итак, Курт поднял взгляд и открыл рот:

— Шеф, мы отработали Клуб любителей рододендронов совместно с Интерполом. Отработали Москву. Ты все прекрасно знаешь. И мы ни черта не нашли. Ее убил — и ты это тоже прекрасно знаешь — профессиональный киллер. Никаких следов не оставил. Кроме пули от пистолета «Кольт-Браунинг» калибра 45 миллиметров, а мы с Виктором отработали все пистолеты этой марки, находящиеся в Швеции. И нет ничего! Мы в тупике, шеф.

— Да знаю я все это, знаю. Результата нет — вот что плохо. Но, ребятки, нам просто необходимо раскрыть это убийство, — уже спокойнее молвил комиссар.

Вслед за Куртом и Виктор решил вставить слово:

— Шеф, давайте начнем все сначала...

Это была ошибка. Комиссар вновь сорвался на крик:

— Не пори чушь! С какого начала? Такую работу проделали, и что сказать журналистам? Да они меня с вами в придачу сожрут и не подавятся!

Комиссар шумно выдохнул, а Виктор невозмутимо продолжил:

— Я предлагаю изучить все похожие убийства не только в Швеции, но в Европе и России.

— А Россия вам что? Не Европа?

— Россия, шеф, это скорее Евразия.

— Ладно. Выхода другого не вижу. Согласен с твоим предложением, — пробурчал комиссар.

Глава II

29 августа 2007 года. Москва. По всем информационным агентствам, радиостанциям и телевизионным каналам прошло сенсационное сообщение: «Вчера поздно вечером у подъезда своего дома выстрелом из крупнокалиберного пистолета был убит депутат Государственной Думы Григорьев Константин Федорович. В российских политических кругах он был известен как видный борец с коррупцией. Генеральный прокурор Российской Федерации взял расследование убийства под личный контроль. Глава МВД России сделал официальное заявление о том, что раскрытие данного преступления является делом чести его ведомства».

На следующий день все газеты предсказуемо вышли с заголовками: «За что убили депутата Григорьева?», «Кому мешал депутат Григорьев?», «Убийство депутата Григорьева — вызов власти». Ну и так далее...

Старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Олег Викторович Шмаков, принявший к производству уголовное дело по факту убийства депутата Государственной Думы Григорьева, просматривал публикации, связанные с Григорьевым, и тщетно искал хоть какую-то зацепку. Так, известный журналист Леонид Кашеев в своей статье «В плену у коррупции» писал: «Депутат Государственной Думы Константин Федорович Григорьев объявил себя врагом российских коррупционных кругов. Именно Григорьев недавно с группой известных юристов и экономистов опубликовал доклад «О состоянии коррупции в России». В этом докладе показано состояние теневого сектора экономики. Итог исследований — удручающий. Ежегодно в России отмывается «грязных» денег до 27 процентов от ВВП. Возникает прямая, серьезная угроза олигархического реванша. Установлено, что из бюджетов всех уровней воровство идет в огромных масштабах! Воруют не миллиардами, а триллионами рублей. Россия все больше

отделяется от мировой экономики. Вместо открытого рынка ключевыми игроками становятся государственные компании, возглавляемые чиновниками. Для развития экономики это большой минус уже хотя бы потому, что чиновник, сидящий в такой компании, заинтересован не в ее стратегическом развитии, а лишь в контроле за ее финансовыми потоками. И самое страшное то, что это является фундаментальным распадом ткани государства в части соблюдения законов. Чиновник может сесть в тюрьму, только пострадав в результате клановой борьбы. Но из-за того что он украл, сесть не может. Сегодня власть в России ведет себя по отношению к бизнесу как конкурент. Не как арбитр, устанавливающий правила и следящий за их исполнением, а как игрок. Причем игрок с замашками рэкетира. Власть захватывает компании, используя суды и прокуратуру. И происходит это для личного обогащения чиновников. В этих условиях заниматься бизнесом не просто невыгодно, а опасно».

В одной из газет Шмаков прочел «Обращение депутата Григорьева к думающим людям России»: «Я обращаюсь к вам, к разумным жителям страны. Вы прекрасно видите, что происходит в нашем государстве. Обществом манипулируют открыто и нагло. Власть навязывает народу новых визирей и вельмож. Тасуется одна и та же колода, состоящая из царедворцев, охочих до власти и денег. При этом стране и миру внушают, что есть большая озабоченность сохранением конституции и соблюдением законности. У нас карманный парламент, обслуживающий власть и олигархов. То, что создала верховная власть, не более чем карикатура на демократию. Россия на глазах превращается в гигантскую потемкинскую деревню. Страна тонет в болоте лжи и авторитаризма. Пора остановиться. Пора навести порядок. Почему крошечная часть населения завладела огромными богатствами, созданными поколениями наших дедов и отцов? Не вкладывая средства в производство, олигархи покупают замки во Франции, яхты в Испании, футбольные клубы в Англии. Россия на втором месте в мире по количеству миллиардеров и почти на последнем по продолжительности жизни. Это нормально? Почему при 600 миллиардах долларов, которые правительство держит в иностранных банках, учителя и врачи получают нищенские зарплаты? Люди, работающие на земле, едва сводят концы с концами? Средняя пенсия 3,5 тысячи рублей — в два раза ниже содержания заключенного.

Почему из 74 миллионов трудоспособных граждан России 55 миллионов человек получают зарплату меньше 5 тысяч в месяц? Почему прожиточный минимум равен 2600 рублям? Это на 700 рублей ниже мирового порога бедности!

Почему из каждых 100 долларов дохода от продажи нефти в казну поступает лишь 34, тогда как в США — 60, а в Объединенных Арабских Эмиратах — 91?

Много шума вокруг национальных проектов «Здоровье», «Образование», «Жилье». Но одновременно идет ликвидация сельских школ, больниц и медпунктов. Здравоохранение и образование на деле становятся платными, а качество их ухудшается. Только 16 процентов населения может позволить себе купить или построить новое жилье».

В интервью другой газете Григорьев рассказывал, что среди депутатов у него появилось прозвище «Григорьев — смерть олигархам». Далее он с горькой иронией и сарказмом говорил, что жизнь в России «безусловно, налаживается». «Вдвое увеличилось число миллиардеров. Это, конечно, огромная победа русского народа! Я горжусь страной, которая каждый год увеличивает число миллиардеров. Это не под силу ни одной стране в мире. Мы стали лучше жить. Особенно в Рублево-Успенском треугольнике. А то, что русские деревни вымерли, что заводы и дороги не строят... Главное, чтобы на Рублевке все было в ажуре».

Нашел Шмаков и статью под заголовком «Откат как норма жизни». Здесь Григорьев подробно показал схемы откатов на госзаказах. У чиновников даже появился новый термин «норма отката». Это некий процент в отрасли, о котором не зазорно договариваться чиновнику и бизнесмену. По данным различных источников, норма отката колеблется от десяти до тридцати процентов. Если на важное государственное учреждение понадобились лампочки или туалетная бумага, то откат десять процентов, а если идет заказ на автомобили, то норма отката пятнадцать процентов, для застройщиков — тридцать процентов. Но есть заказы и более серьезные, там уже свои правила и нормы откатов.

В статье «В поисках справедливости» Григорьев писал: «В России наблюдается сильнейшее расслоение общества на бедных и богатых. Сегодня люди в стране ощущают чудовищное неравенство, и оно увеличивается. Даже официальные источники свидетельствуют, что в России средний богатый богаче среднего бедного в 41 раз. В Европе тоже есть неравенство, но там его коэффициент — лишь 6–9. А в США и того меньше. Россиян раздражает не неравенство, а несправедливость. И то, что образ жизни российских нуворишей, живущих за высочайшими заборами, приобретает все более оскорбительный для основной массы населения характер. Заборные «небожители» даже не пытаются проявить хоть какую-то скромность. А бездарное телевидение еще и демонстрирует их «красивую жизнь». Но у населения есть четкое представление о том, как и кому досталось это богатство. В результате мы имеем то, что имеем. Россия скатилась в число самых коррумпированных стран мира...»

Олег Шмаков отложил все прочитанные статьи: «Да... Уже по этим материалам видно: Григорьев был политиком неудобным. И для власти, и для олигархов. Враги у него водились в изобилии».

Шмаков в Генпрокуратуре был на хорошем счету. Немало громких дел он довел до суда. Но тут загвоздка в другом была... Григорьева убрали по политическим мотивам. Кому-то из сильных мира сего он крепко насолил. И поскольку генеральный прокурор взял расследование на контроль, то он уже дважды вызывал Олега к себе с докладом. Но особо докладывать было не о чем. Одни лишь версии. Зацепки — ни одной. Эксперт по баллистике дал заключение, что убит Григорьев из пистолета марки «Кольт-Браунинг» 45-миллиметрового калибра. Судмедэксперт подтвердил: смерть была мгновенна. Выстрел в сердце. Убийца — явно профессионал, которого найти будет по определению нелегко. Но это почти все, что известно. А ведь есть заказчики, и сидят они в высоких кабинетах — вот к ним, к ним как подступиться? Мысли Шмакова прервал телефонный звонок. На проводе оказался старший оперуполномоченный по особо важным делам Московского уголовного розыска Юрий Антонович Балакирев. Бравый муровец докладывал:

— Олег Викторович, мы с группой полностью отработали оружие убийства депутата. Это кольт-браунинг 45-миллиметрового калибра, такой пистолет очень редко используется в подобных целях. В настоящее время разосланы ориентировки по всем управлениям органов внутренних дел России. Может, где-нибудь что-то и всплывет. Но пока глухо.

— Хорошо. Завтра собираемся со всеми, кто работает по делу, в девять ноль-ноль.

— Вас понял. До свидания.

— Пока. Жду завтра.

«Еще один удар ниже пояса. И здесь ничего. Что я скажу генеральному?» — подумал с тоской Шмаков.

Глава III

28 апреля 1999 года. Город Андорра-ла-Велья. Столица Андорры, крохотного государства в Европе.

Оздоровительный комплекс «Калдеа». Великолепное архитектурное сооружение в горах, стоящее на берегу бурной речки, пересекающей небольшую, но древнюю экзотическую столицу. Бассейны с термальной водой, массажи, джакузи, турецкие и индо-романские бани, сауны, ледяной двор с настоящей прорубью, циркулярные души, водопады, ручьи и гейзеры и многое другое, о чем говорить равнодушно просто невозможно. Великолепие!..

11 часов 30 минут. Служащий центра, молодой мужчина среднего роста по имени Вигор, одетый в желтые шорты и яркую красную рубашку с

короткими рукавами, со свистком на груди и рацией на ремне, во время очередного обхода своего участка вошел в индо-романскую баню. Зал бани был заполнен плотным паром — не видно ни зги. Вигор постоял некоторое время, чувствуя, что в зале что-то не так. Он не мог понять, что его насторожило. На одном из сидений, прикрытая полотенцем, сидела женщина. Вроде бы ничего необычного. И все-таки... Вигор подошел к ней вплотную: «Мадам, у вас все в порядке?» Женщина не ответила. Более громким голосом Вигор повторил: «Мадам, у вас все в порядке?» Сидящая в густом пару женщина молчала. Согласно инструкции, Вигор по рации вызвал старшего смены. Тот прибыл немедленно. Вдвоем они подошли к сидящей неподвижно женщине. Старший смены осторожно приподнял полотенце. По телу женщины текла кровь, пар окутывал ее фигуру, скрывая детали. «Я вызываю полицию, оставайся здесь», — распорядился старший.

Детектив местной полиции Маттео, родившийся и выросший в Андорре, с красивой шевелюрой густых темных волос, — смуглокожий сорокадвухлетний мужчина, улыбчивый и любивший подшутить над немногочисленными коллегами. Маттео любил свою Андорру. Крошечное государство, которое не так просто и отыскать на карте Европы.

Точка. Маленькая точка, а ведь это самостоятельное государство со своей историей. И даже непростой историей. За двадцать пять минут на машине можно проехать от одной границы до другой. Здесь нет армии, нет высших учебных заведений. Штат дорожной полиции — 60 человек. Больше и не надо. Добраться в Андорру можно только на автотранспорте. Поезда сюда не ходят. Самолеты в горную страну не летают — для аэродрома просто нет места. Здесь есть госпиталь и тюрьма аж на 22 «посадочных места». Аборигены называют ее «пятизвездочным отелем». Потому что рассказы о тюремном сервисе поражают даже туристов. Не говоря уже о «постояльцах».

Княжество Андорра... Здесь все размеренно, чинно, неспешно. Андоррцы живут по принципу «не стоит делать завтра то, что можно сделать послезавтра». После Швейцарии Андорра самая высокогорная страна Европы и самая солнечная горнолыжная страна. Лыжный сезон начинается в декабре и заканчивается в середине апреля. Маленькая Андорра ежегодно принимает у себя двенадцать миллионов туристов, где их ждет уникальное предложение «три в одном». Великолепные горнолыжные курорты — раз, зона беспошлинной торговли — два и известный на весь мир огромный термальный комплекс «Калдеа» — три. Именно здесь Вигор и обнаружил мертвую женщину. Именно об этом и сообщили детективу Маттео.

Предки Маттео были родом из Испании, но не испанцами, а жителями Каталонии — каталонцами. Он тоже считал себя каталонцем. Узнав об убийстве, Маттео крепко выругался на каталанском языке, прибавив: «Закончился сезон. Вот и съездил к родне в Барселону. Не везет — так не

везет. Ну почему, Пресвятая Дева, мне такой подарок? У нас-то и кражи редко происходят, а тут — убийство!» И он еще раз выругался.

Через десять минут детектив был на месте преступления. У входа в центр «Калдеа» Маттео встретил генеральный директор Александро Шелл. Оба они давно знали друг друга. Имели много родственников в Каталонии. Любили вино и каталонскую кухню.

— Что там у тебя случилось, черт побери?» — с раздражением спросил приятеля Маттео.

— В одной из бань обнаружили труп женщины, — в сильном волнении ответил Александро.

Ему было от чего волноваться: ничего подобного в «Калдеа» не происходило за все время существования центра.

— Да ты и сам знаешь — чего мне перед тобой оправдываться, у нас вообще никогда никаких происшествий не было, — уже спокойнее молвил директор.

— Ну что ж, веди меня в эту треклятую баню. Хорошо, что не сезон, — народу немного. Мешать не будут.

К приходу детектива в зале индо-романской бани было отключено автоматическое поступление пара, видимость была отличной. Когда детектив вошел в зал, он при ярком освещении увидел полукруглой формы помещение радиусом около десяти метров. У стен находились мраморные сиденья в виде диванов, в центре располагался фонтан с холодной водой. У фонтана три лежака. Напротив входа в зал находился большой серый камень, из-под которого поступал пар. В верхней части помещения располагались купол темно-синего цвета и лампочки разных размеров, что создавало эффект звездного неба. Рядом с камнем находился небольшой диванчик, на нем сидела жертва, прикрытая полотенцем темно-вишневого цвета. Голова ее была запрокинута назад, глаза широко раскрыты, но в них не было ужаса. Скорее — безмерное удивление. Детектив подошел поближе к трупу, откинул полотенце и увидел пулевое отверстие в области сердца. Скорее для себя, чем для присутствующих Маттео произнес негромко: «Одним выстрелом прямо в сердце... А место какое выбрали для убийства... Хм...»

В «Калдеа» пройти с пистолетом практически невозможно, его просто не спрячешь. Надо же было проследить, когда женщина войдет в баню.

Преступник в густом пару вошел в зал, подошел близко, совсем близко к жертве и в упор выстрелил. В зале никого в этот момент не было, да и если бы кто был — тут ни черта не видать, да и пистолет с глушителем...

Детектив подумал еще минуту, посмотрел на убитую: «Красивая была. Надо срочно установить, кто она такая».

Покинув баню, детектив позвонил в полицию, вызвал судмедэксперта и следователя для осмотра места происшествия. Сам начал опрашивать служащих центра. За два часа он опросил почти всех. Но ничего существенного, что помогло бы в расследовании, не узнал. Опрошенные в один голос заявили, что женщина пришла в центр одна, ни с кем не общалась. Плавала в бассейнах тоже одна. На вопрос, был ли кто подозрительный в это время в центре, все отрицательно мотали головами. Никто в тот день не заметил ничего необычного. Опросив свидетелей, детектив вернулся на место убийства. Там уже работали его коллеги. Но и они ничего нового не добавили. Судмедэксперт подтвердил, что жертва предположительно была убита из крупнокалиберного пистолета — о чем свидетельствовало входное пулевое отверстие.

— Тогда вы тут заканчивайте, а я пойду — займусь установлением личности покойной. Осмотрю ее вещи. Скорее всего, это иностранка. При ней должны быть документы.

Маттео не ошибся: среди вещей убитой был паспорт на имя Ларисы Ланге, гражданки Российской Федерации.

«И что тебя занесло в нашу Лилипутию, — грустно усмехнулся детектив, глядя на фотографию в паспорте. — А главное — кто и за что тебя убил? Теперь вот мне нужно найти его. Работа моя такая. А убийца, скорее всего, уже либо во Франции, либо в Испании».

Детектив нашел среди содержимого сумочки убитой визитную карточку отеля. Это был самый дорогой отель Андорры. «А ты не из бедных, — подумал детектив. — И телефон дорогой, Vertu, весь в золоте. Посмотрим, кому ты звонила и кто звонил тебе. Может, что-то прояснится».

Маттео позвонил по одному из номеров. Ответили по-испански. Мужской голос.

— Лариса, где ты? Почему нигде не могу найти тебя? Я тут в Барселоне переживаю уже.

Детектив выслушал говорившего мужчину и по-испански же ответил ему:

— Здравствуйте, меня зовут Маттео. Я детектив из Андорры. А с кем я говорю?

На другом конце возникла пауза, затем тот же голос раздраженно продолжил:

— Какой еще детектив? Какая Андорра? Мне нужна Лариса Ланге. Что с ней? И почему вы звоните с ее номера?

— А мне бы хотелось узнать, с кем я говорю! Повторяю: я — детектив из Андорры. Меня зовут Маттео.

— Хорошо, хорошо, — взволнованно проговорил абонент. — Мое имя Корсано Тимьян. Скажите, что с Ларисой?

Детектив спокойно ответил:

— Она здесь. В Андорра-ла-Велья. Ее убили.

— Как убили? Кто убил?! — закричал в трубку Корсано.

— Вот это я и выясняю.

— Я срочно выезжаю в Андорру!

— Отлично. Тогда я жду вас завтра в полиции. Еще раз повторяю: мое имя Маттео. Если что — меня тут все знают. Так что до завтра, дон Корсано.

— Да-да. Завтра я буду у вас. Боже, как такое могло произойти? Такая женщина... Убили... Поверить не могу.

Маттео не стал продолжать разговор, отключил телефон и подумал: «Ну вот, уже кое-что». И принялся за дальнейший осмотр вещей убитой. Три кредитные карточки, немного наличных, косметичка, где лежало дорогое кольцо белого золота. Все это детектив сложил в специальный бумажный пакетик, опечатал его при понятых и забрал с собой.

Ближе к вечеру Маттео был в отеле, где остановилась Ланге. Вместе с сотрудником отеля он осмотрел ее номер. Ничего особенного не обнаружил: личные вещи в двух чемоданах, сувениры. Обычная туристка.

Опрос сотрудников отеля тоже ничего не дал. Прожить она успела тут два дня, завтракала и ужинала одна, никто к ней не подходил, она ни с кем не общалась.

Детектив вышел на улицу. Уже стемнело.

«Что-то не припомню, чтобы я так задерживался на работе, — усмехнулся Маттео. — Да и убийство в моей практике впервые. Драки были: подвыпьют эти русские богачи, морды друг другу начистят, вот и весь криминал в нашей стране. А тут, видать, профессиональный киллер работал. Завтра придет ее приятель, этот Корсано, прояснит что-то, надеюсь».

По дороге домой Маттео заглянул в кафешку, стоящую на набережной бурной горной реки. Бармен, добрый знакомый (а тут все были знакомыми и почти все — добрыми) приветствовал детектива:

— Хороший вечер, Маттео. Тебе как обычно?

Маттео улыбнулся:

— Не такой уж и хороший. Дай-ка чего-нибудь покрепче...

— А что случилось у нашей доблестной полиции? Проблемы?

— Ага. Проблемы. Да еще какие. В «Калдеа» убийство.

— Иди ты! Тут действительно нужно покрепче.

— Знаешь... Убили русскую, так что давай водки!

— Русскую... Кто ее в нашей Лилипутии мог убить? Только приезжий — Гулливер.

— Вольно тебе шутить, приятель, а мне вот совсем не до шуток.

— Ладно. Держи свою водку. Что желаешь на закуску?

— Ничего. Только водку.

Детектив залпом опрокинул рюмку, поморщился от непривычного горького вкуса и пошел вдоль реки — домой. Как же хороша была Андорра-ла-Велья ночью! Свет фонарей создавал ощущение сказочного уюта в крохотной столице крохотного государства. Прохожих было немного. И то ли от выпитой водки, то ли от внезапного приступа одиночества Маттео захандрил. А тут еще усталость от напряженного дня навалилась... «Надо мне отдохнуть. Завтра, на свежую голову, продолжу расследование», — пронеслось в курчавой голове андоррского детектива.

Жастина, жена детектива Маттео, худенькая миниатюрная женщина с некрасивым лицом, плоской грудью и крашеными рыжими волосами, встретила мужа строго:

— И где ты пропадал? Почему не звонил? Почему отключил мобильный? И почему так поздно?

— Почему, почему... Столько вопросов... Я сильно устал, Жастина. У нас в городе — убийство. Можешь представить, чтобы у нас в городе произошло убийство! Убили русскую женщину. Где бы ты думала? В «Калдеа»! Прямо в бане. Прямо в сердце. В одной из наших великолепных бань. Женщина сидела, получала удовольствие... И на тебе!

— Невероятно... — прошептала шокированная услышанным Жастина. — Знаешь, милый, я приготовила тебе ужин. Ты поешь?

— Спасибо, дорогая, я не голоден. По дороге домой зашел в бар, пропустил рюмашку. Какой-то бешеный день... За всю мою службу это самый напряженный, пожалуй.

Жастина слушала мужа, приоткрыв рот и качая головой:

— Но согласись, дорогой, это так интересно — расследовать настоящее убийство. И ведь ты его раскроешь, я не сомневаюсь. Ты же в полиции — самый умный. Представляешь, как заговорят о тебе в городе. И наверняка будет повышение.

Жастине, как и многим домохозяйкам, было свойственно бурное воображение. И вот она уже вся была охвачена мечтой о мужнином успехе, о его, а значит — и ее — известности. О! Это будет замечательно! А что скажут соседки! Карлита так просто погибнет от зависти. И поделом — нечего постоянно хвастаться своим благоверным — жалким бухгалтером. Но тут ее мечты прервал Маттео:

— Знаешь, я пойду прилягу. Приму душ и прилягу. Надо хорошо выспаться. Завтра у меня снова трудный день. Из Барселоны придет знакомый убитой женщины.

Тимьян Корсано приехал рано утром, припарковав новенький «Мерседес» рядом с офисом полиции. Спросив у дежурного, как пройти к Маттео, он отправился на встречу с детективом. Перед кабинетом он глубоко вздохнул и открыл дверь.

— Здравствуйте! Тимьян Корсано, — представился он.

Маттео встал из-за стола, подошел к Корсано и, глядя ему в глаза, ответил:

— Очень рад. Я детектив Маттео. Присаживайтесь, — добавил, указывая на стул.

— Где Лариса? — дрожащим голосом спросил Корсано.

— В морге, — невозмутимо ответил детектив, — нам с вами необходимо произвести опознание. Потом вы будете допрошены в качестве свидетеля.

Вечером того же дня детектив Маттео тоже был допрошен, но уже Жастиной. Допрос начался прямо с порога:

— Так, что там с расследованием, дорогой мой детектив? Как продвинулись дела?

— Сейчас, любимая, сейчас все расскажу, только душ приму. Отвечу на все твои вопросы.

Сидя за столом, уже за чашкой кофе, под пристальным взглядом жены, Маттео отчитывался о ходе расследования убийства русской женщины:

— Представляешь, этот Корсано на опознании тела русской чуть в обморок не грохнулся. Оказывается, как он признался чуть позже у меня в кабинете, он был ее любовником и... вел общие дела с ее мужем.

Жастина ахнула:

— Как?

— А вот так. Любовник жены партнера по бизнесу.

— Ну-ка, ну-ка, поподробнее, — заинтересовалась супруга.

— Этот Тимьян живет в Барселоне, занимается поставками в Россию испанских вин. Компаньон его в России Владимир Ланге и есть муж нашей убитой. Ему, кстати, уже сообщили о гибели супруги.

— Ты позвонил? — перебила Жастина.

— Нет. Позвонил и все объяснил Тимьян. Завтра Ланге вылетает в Барселону, потом едет сюда.

— А как этот Тимьян выглядит? И не он ли убил свою любовницу? Ах! Как интересно! Представь, любовник в бане убивает любовницу! Ну, какой, какой он из себя?

— Довольно красивый испанец. Среднего роста, черные глаза, немного полноват, но это его не портит. Одет с иголочки. И ты права, моя дорогая, сейчас он подозреваемый номер один.

Жастина немного подумала и спросила:

— Но ведь и муж мог ее убить, узнав, что у нее любовник. Не сам, конечно, но заказать убийцу мог бы.

— Не думаю. Он мог бы это все и у себя в России провернуть. Это было бы проще, не говоря о том, что дешевле. У них там убить человека не так уж и сложно. И таких людей убивают, что о-го-го! Это у нас жизнь спокойная, а там страсти такие! Хотя... Насчет дешевле... Этот Ланге в своей России не самый последний человек — очень богат. Корсано рассказывает, что он весь винный бизнес по стране контролирует. Я имею в виду торговлю испанскими винами. А еще он занимается поставками апельсинов из Испании и Африки, в частности — из Марокко. И еще какой-то бизнес у него есть. Человек непростой.

— Знаешь, дорогой, я буду помогать тебе в расследовании этого дела.

— ???

— Ну не смотри на меня так. У меня предчувствие. Мои предчувствия меня никогда не обманывали, ты же знаешь. Главное, держи меня в курсе, я тебе подскажу, где надо. Думаю, что и Корсано, и Ланге тут оба замешаны.

— Другого пока ничего на ум и мне не приходит, ты права. Ладно, пора спать.

Но уже лежа в постели и прижимаясь к мужу, Жастина продолжала размышления вслух: — Думаю, что убил ее все-таки муж, не мог простить измены.

— Да-да. Ты права, — сонным голосом пробормотал Маттео.

Жастине не дал Господь детей. Так бывает. Но супруги любили друг друга. Жастина посвятила жизнь своему дорогому Маттео. Сама занималась только домом и отчасти поэтому всегда подробно интересовалась делами Маттео по службе. Сейчас, лежа в темноте и прислушиваясь к похрапыванию мужа, она выстраивала свою версию загадочного убийства русской. Она и не сомневалась, что убил ее или любовник, или, что вероятнее всего, обманутый супруг, узнавший об измене с компаньоном из Барселоны.

Вечером следующего дня Жастина с нетерпением ждала возвращения Маттео. Не успел детектив переступить порог дома, как Жастина приступила к очередному «допросу»:

— Что нового?

— Подожди хоть минуту, дай я приведу себя в порядок.

— Я целый день жду тебя, прямо сгораю от нетерпения. Как выглядит муж убитой? Что он говорит по поводу убийства своей жены? — тархтела благоверная Жастина, заглядывая в ванную к мужу.

— Ты рассказывай, мойся и рассказывай, чтобы времени не терять.

— Муж как муж, — стоя под душем, бурчал Маттео. — По-моему, не очень-то он опечален ее смертью.

— Как? Ведь это его жена! Он совсем не расстроился?

— Да он даже и не пытался разыгрывать скорбь. В морге вел себя спокойно и после опознания распорядился, чтобы тело отправили в Россию.

— Вот видишь, дорогой! Ты тоже думаешь, что это он ее убил?

— М-м-м... Ну, такого варианта я теперь не исключаю, — вытираясь полотенцем, ответил детектив.

— А ты его арестуешь?

— Нет. Против него ни одной улики. Ни прямой, ни косвенной.

— И что же — он так и уедет?

— Так и уедет. Даже если он и является заказчиком убийства, то сначала надо выйти на киллера, а потом уже на него как на заказчика, если это действительно он.

Облекшись в домашний халат, детектив за ужином продолжал:

— В нашей карликовой стране для всей нашей полиции, и для меня в том числе, это дело будет главным, пока мы не найдем и не накажем убийцу. И прежде чем о нем забудут, немало воды утечет.

— Дорогой, я верю, ты найдешь убийцу. Я тебе буду помогать, хочешь? Что мне делать?

— Спасибо, малышка, ты хорошая жена.

— Скажи все-таки... Как выглядит этот русский?

— Знаешь, далеко не красавец. Такие грубые черты лица. Крупный нос, уши оттопыренные, маленькие глазки, рот губастый. Когда опознавали труп, я наблюдал за ним и думал, что нашла в этом, я бы сказал, уроде такая эффектная дамочка. И... неужели так можно любить деньги?

— Ха! Конечно! Конечно, деньги, — твердо сказала Жастина.

— Если и так, то вот вам и конец истории любви... за деньги.

— А установили, из какого пистолета убили русскую?

— Да, и это очень мощный пистолет. Кольт-браунинг. Киллеры редко пользуются такими. И в Андорре это вообще впервые, разумеется. Сейчас это оружие — основная зацепка. Будем работать по этому пистолету по всей Европе. Ну, и в России, конечно. Свяжемся с Интерполом...

— Дорогой, я вот о чем думаю... Убийца же далеко не дурак, если выбрал такое место. Смотри, в зале бани густой пар — ничего почти не видно. На женщине темно-вишневое полотенце, как ты говорил, и крови на теле не видно тоже.

— Да, этот умник все рассчитал. Пистолет был с глушителем. Он вошел в зал в халате, оружия не видать. Вплотную подошел к сидящей в стороне от всех жертве, выстрелил в упор, накинул захваченное с собой темное полотенце. Спрятал под халат пистолет и спокойно вышел. Служащие делают обход через час, значит, преступник знал, что женщину обнаружат только через это время. В «Калдеа», ты же знаешь, делается обход всех помещений по графику. А за час можно и выйти из центра, и сесть в автобус, и выехать из города и страны. В момент обнаружения трупа преступник мог находиться уже в Испании или во Франции. Но это лишь предположения. Короче, как я уже сказал, тут без помощи Интерпола, боюсь, нам точно не обойтись.

Глава IV

18 августа 2000 года. Якутск. Республика Саха-Якутия, Российская Федерация. 21 час 40 минут.

«Срочно всем отделам внутренних дел Якутии! Вводится план «Перехват». Сегодня, 18 августа 2000 года, в 21 час 05 минут, у своего подъезда выстрелом в грудь был убит начальник республиканского управления по борьбе с организованной преступностью полковник милиции Иванов Анатолий Иннокентьевич. Всем начальникам управлений и отделов внутренних дел приказано принять меры по задержанию и поимке преступника. Всем постам ГАИ-ГИБДД досматривать подозрительный автотранспорт с целью задержания причастных к убийству. О выполнении плана «Перехват» каждый час докладывать в дежурную часть МВД Якутии.

Министр внутренних дел Якутии генерал-лейтенант Генеров В. А.».

Утром следующего дня в кабинете у министра начальник управления уголовного розыска полковник милиции Юрий Климович Андреев докладывал:

— Товарищ министр, по вашему указанию на раскрытие убийства начальника управления по борьбе с организованной преступностью полковника милиции Иванова брошены лучшие силы уголовного розыска. Вчера до полуночи совместно с прокуратурой республики проведен осмотр места происшествия. По предварительным данным, Иванов был убит из крупнокалиберного пистолета прямым выстрелом в сердце. Основная версия убийства — профессиональная деятельность полковника Иванова. Для раскрытия убийства создана оперативно-следственная группа во главе со старшим следователем по особо важным делам прокуратуры республики Яшиным Валерием Георгиевичем.

Глава МВД Якутии, коренной выходец из этих мест, 52-летний мужчина невысокого роста с узкими глазами на широком смуглом лице, был явно не в духе. Еще бы! Убит один из лучших сотрудников милиции. Отличный офицер, профессионал экстра-класса.

— Докладывать мне о ходе расследования каждый час! — резко приказал генерал.

— Есть, товарищ генерал-лейтенант.

— Я понимаю, как и все присутствующие, что убийство заказное. Стрелял в полковника профессиональный киллер. Уверен, что заказчиками являются или высокопоставленные лица республики, или серьезные криминальные круги, к которым полковник Иванов подобрался достаточно близко. Именно с этим и нужно вам разобраться. Кто? И за что? Найти срочно и

исполнителей преступления, и заказчиков. Через пять часов Москва проснется, я буду докладывать лично министру. Если не раскроем это убийство, нам придется туго... Да уж... Кое-кто в Москве меня давно хочет сожрать, а теперь у них есть отличный повод. Так что нам нужно работать и работать. Уяснили?

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

— Какие нужны дополнительные силы, средства — обращайтесь. Помогу. Сделаю все, что в моих силах. С прокурором республики я уже переговорил. Он, кроме следователя по особо важным делам, выделит еще двух сотрудников.

— Спасибо, товарищ генерал. Это нам не помешает, — расцвел улыбкой начальник управления уголовного розыска. — Сегодня уже начнем проверять особо значимые уголовные дела, по которым работал Иванов. И вот что я думаю... Нужно выделить три категории дел. Первая — дела, связанные с расхищением алмазов в фирме «АЛРОСА». Вторая — дела по взяткам в министерстве промышленности и транспорта. Третья — работа по делу «Оборотни в погонах». Вам, товарищ генерал-лейтенант, все эти моменты хорошо известны.

— Мне нравится ход ваших мыслей, полковник! Согласен с вами. Но не забывайте и об организованной преступности.

— Товарищ генерал-лейтенант, но все эти дела так или иначе связаны с «братвой».

— Тоже верно, — вздохнул министр. — Все они, подлючьи хари, повязаны преступным миром. Особенно обидно за гаишников. Связались со шпаной из Приморья, ставили на учет угнанные машины, потом продавали их в Закавказье.

Министр еще раз тяжело вздохнул, посмотрел в глаза начальника управления уголовного розыска и уже более мягким голосом проговорил:

— Юрий Климович, не подведи, дорогой. Вся надежда на твою службу. Конечно, все прочие службы будут тебе помогать. Сегодня подпишу приказ о назначении исполняющего обязанности начальника управления по борьбе с организованной преступностью. Надо подумать, на кого возложить это... все... возложить. А уж тебе-то точно известно, что в последнее время там кое-что шло совсем не так...

— Известно, товарищ генерал-лейтенант. Вы же в курсе, что там один из замов подключил в борьбу с уже убитым полковником Ивановым ФСБ.

— Знаю, знаю... Знаю, что это за... субъект... И пока это в моих силах — не видать ему кресла Иванова. Итак, первые две недели для вас время доклада — шесть вечера ежедневно. Там посмотрим.

— Понял, товарищ генерал-лейтенант. Разрешите идти?

— Идите. Жду завтра в восемнадцать ноль-ноль.

— Есть.

Полковник Юрий Андреев был отличным специалистом своего дела. Как бы это банально ни звучало. Небольшого роста, поджарый, мускулистый, в молодости он занимался вольной борьбой. Прошел путь от рядового милиционера до начальника управления уголовного розыска республики. Профессии был предан. Как и глава МВД Якутии, он тоже был коренным якутом. В работе он опирался не только на сыщиков-якутов, но и на русских. Сотрудники его любили и уважали — было за что.

На следующий день в 18.00 Андреев снова был в приемной министра. Секретарь министра Римма Васильевна, приятная средних лет якуточка, пригласила его войти к генерал-лейтенанту Генерову: «Владимир Анатольевич ждет вас».

— Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант!

— Здравствуй, Юрий Климович. Проходи, присаживайся. Слушаю вас, полковник.

— Начну с главного. Эксперты-баллисты дали предварительное заключение. Иванов был убит из крупнокалиберного пистолета марки «Кольт-Браунинг» 45-миллиметрового калибра.

— Ого! Оружие серьезное. Но им же редко кто пользуется? Я так понимаю, что сейчас вы все силы бросите на розыск пистолета.

— Да, на данный момент это серьезная зацепка. И пока единственная в этом убийстве. Сейчас проверяем по всем учетам это оружие. Проверяем и все нераскрытые убийства, возможно, этот пистолет где-то и проходит.

— Я с вами полностью согласен, Юрий Климович. Что еще?

— Пока это и все. Судебные медики дадут официальное заключение о смерти Иванова к концу недели. Убежден, что они только подтвердят: смерть наступила в результате пулевого выстрела в сердце.

— Что по хищениям якутских алмазов?

— Пока ничего. Только приступили к оперативно-розыскным мероприятиям. Сразу прошу подписать разрешение на скрытое наблюдение за неким Русановым Русланом Дмитриевичем, 1968 года рождения, уроженцем Читы. В деле о хищении алмазов он являлся курьером по переправке похищенных драгоценностей. От уголовной ответственности ушел ввиду недоказанности улик.

— И на сколько дней просите?

— На тридцать дней. Нужно пробить его связи. Возможно, что выйдем на какой-то след по убийству.

— Так... Что еще?

— От одного из наших источников поступило сообщение, что Иванова могли убить представители спецслужб.

— Передай источнику — это полная чушь. Зачем им смерть Иванова?

— Источник утверждает, что Иванов перешел дорогу в «крышевании» влиятельного преступного авторитета Кабана. Это Крылов Евгений Иванович, 1959 года рождения. Наш доморощенный бандит. Родился и вырос в Якутске.

— А спецслужбам этот Кабан на кой?

— Так он на них работает. Сдаёт всю нужную информацию по республике, а те его и «крышуют».

— Не думаю, что за это будут убивать. Тем более ФСБ. «Комитет» работает по-другому. Приняли бы все меры по снятию Иванова с должности. По отработанной схеме. Скажем, за нарушение режима секретности. У них сейчас такой мощный рычаг появился. Убивать они не станут. Но проверьте эту информацию тоже. Хотя я в это не верю.

— А мы проверим. И последнее: нужна срочно помощь МВД России.

— Зачем?

— Необходимо разослать запросы по всем органам МВД страны за подписью не ниже замминистра, не всплывал ли этот кольт-браунинг где-нибудь по стране.

— Хорошо. Сейчас же подготовьте шифротелеграмму. Сам подпишу.

— Есть. Разрешите идти?

— Идите. До завтра.

...Прошло два месяца после убийства начальника управления по борьбе с организованной преступностью Якутии. Полковник милиции Андреев, начальник республиканского управления уголовного розыска Якутии, на раскрытие этого преступления бросил лучшие силы, лучших сыщиков. Но, к сожалению, дело не сдвинулось с места. Полковник докладывал министру о ходе расследования уже только раз в месяц.

В этот раз Андреев шел на доклад к министру с тяжелым сердцем. Ничего нового он сказать не мог. Он знал, что министр вздрючит его по полной программе. Так и вышло.

— Прошло два месяца! Два! А вам, товарищ полковник, даже сказать нечего!
— кричал на своего подчиненного министр. — Ничего не сделали за два месяца! Убит наш коллега!

Полковник стал оправдываться:

— Не согласен, товарищ генерал-лейтенант. Да — убийцу мы не нашли, но работу по делу провели немалую.

— Работу они провели! — злился генерал. Где они — результаты этой вашей работы? Где?! А?! Где они, результаты этой немалой работы? Кто убил? Кто заказал? Кроме предположений, нет ни хрена! Я уже подумал, а можете ли вы вообще возглавлять наш уголовный розыск в республике? Может, пора вам на отдых? Во вневедомственную охрану?

— Если я вас, товарищ генерал, не устраиваю, рапорт готов написать немедленно.

Министр на минуту затих, потом рубанул по-генеральски:

— Прямо здесь и сейчас. И свободен. Я подумаю, где вас можно использовать по службе, товарищ полковник.

Глава V

4 мая 2002 года. 23 часа 15 минут. Испания. Барселона.

Дворец каталонской музыки. Один из лучших концертных залов мира. И один из красивейших. Здание в стиле модерн построено архитектором Доменек-и-Монтанером в 1908 году для местного хорового общества. В 1997 году Дворец каталонский музыки был объявлен ЮНЕСКО объектом Всемирного культурного наследия. Ежегодно во дворце более полумиллиона зрителей наслаждаются музыкальными спектаклями, концертами симфонической, камерной, джазовой и фольклорной музыки. Занимающий очень удобное место в городе рядом с Готическим кварталом, он привлекает сюда туристов также и необычностью своей архитектуры. Дворец считается эталоном модернистского направления в мировом зодчестве.

Вечером после концерта люди выходили из дворца. Хорошо одетые пожилые пары, демократичные небольшие группы иностранных туристов, молодежь — они возвращались с концерта фортепианной музыки. За роялем в тот вечер был всемирно известный пианист из России Николай Петров. Иностранцев среди публики и вправду было немало: японцы, американцы, немцы, жители Скандинавии и, конечно, русские, что пришли послушать знаменитого земляка. И все они переговаривались, обсуждая, вероятно, виртуозное исполнение произведений Шумана, Шопена, Бетховена.

Среди вышедших из дворца был и некто Альтшулер. Иосиф Карлович Альтшулер сорока восьми лет. Щуплый, невысокий, с очень морщинистым — не по возрасту — лицом и с небольшим ореолом седых волос, обрамлявших смуглую лысину.

Иосиф Карлович жил и работал в Москве. Звезд с неба не хватало, но семью содержал. Семья его — жена Зинаида и дочь Катерина, окончившая довольно неплохо в этом году среднюю школу. Работал Альтшулер в небольшой компании менеджером средней звена — по хозяйственной части. Он занимался закупкой канцелярских товаров. Деньги платили ему небольшие, зато регулярно. Правда, Зинаида, прожившая с Альтшулером почти двадцать лет, все эти годы не переставала пилить мужа: дескать, никто ты, Оська, и ничто. Ни денег заработать приличных не можешь, а значит, и дочери обеспечить приличное образование тоже. Но были в жизни Иосифа Карловича и светлые секунды. Вот недавно — ровно неделю назад — генеральный директор компании вызвал Альтшулера к себе и сообщил, что... премирует его за добросовестный труд на благо фирмы недельной поездкой в Испанию. Альтшулер тогда чуть дара речи не решился. Такое признание заслуг! Он и мечтать об этом даже... не мог, короче. Да и теперь ему не верилось, что он в Барселоне. И хотя по путевке поселили его не в самый фешенебельный отель, но зато в Готическом квартале. А это, между прочим, самый старый район города — почти музей под открытым небом. Альтшулер, по правде говоря, за границей был впервые...

Здесь он уже пять дней. Наблюдая здешнюю жизнь, Иосиф Карлович и свою переосмыслил. Зачем он вообще живет на этой земле? А ведь он не был глупым человеком. И даже во время учебы в университете подавал в математике большие надежды. Но куда-то все эти надежды сгнули, испарились, изошли росой. И он стал тем, кем стал, — завхозом. И только здесь, в Барселоне, он впервые почувствовал красоту этой жизни. Именно здесь, в Испании, Альтшулер уловил те нити духовности, которой ему так не хватало в России. Банально звучит, но эти пять дней в Испании действительно духовно обогатили, возродили его. Особенно впечатлило его знакомство с бессмертным творчеством Гауди. Часами Альтшулер любовался храмом Святого Семейства — Саграда Фамилия. Садился в скверике на скамейке и уносился мыслями куда-то далеко, откуда возвращаться совсем не хотелось. Он приобрел небольшую, специально

рассчитанную на туристов книгу о жизни и работах Гауди. Разумеется, книга была на русском языке, и он прочел ее от корки до корки. Гауди посвятил своему храму сорок лет жизни. Чтобы работать над его созданием, он поселился на стройке, не хотел терять времени на дорогу к нему. Никакого сомнения нет в том, что это самое прекрасное творение Гауди.

Рождественский фасад храма состоит из трех порталов, символизирующих три христианских добродетели: Надежду, Веру и Милосердие. Обилие скульптурных фигур в художественной форме повествует о разных эпизодах жизни Христа. Строительство храма продолжается до сих пор. Такова была грандиозность замысла, что сам Гауди не успел его закончить. По его проекту должно быть закончено создание 18 башен-колоколен. Высота башен от 98-ти до 112 метров. И они будут возвышаться над всеми тремя фасадами храма. Двенадцать из них посвящены апостолам. Пять других — Иисуса Христа. И одна башня-колокольня, завершающая апсиду, — Деве Марии. По замыслу Гауди, колокола этих строений должны звучать вместе с пятью органами, смонтированными внутри храма, и 1500 голосами церковного хора, который должен располагаться по обеим сторонам нефа со стороны фасада Славы. Когда храм будет закончен, то ему как культовому сооружению не будет равных в мире.

Побывал Альтшулер и в парке Гуэль. Это тоже одно из творений Гауди. Остаться равнодушным к этому чудному месту просто невозможно. Гуляя по дорожкам парка, Альтшулер просто задыхался от восхищения. Он останавливался возле каждого необычно оформленного уголка, поднимался к каменному кресту, где тусовалась шумная молодежь. Отсюда открывался великолепный вид на Барселону. Альтшулер присел отдохнуть на витой скамье, покрытой мозаикой из битой керамики и стекла, украшенной великолепными коллажами. Эта скамья с точки зрения оригинальности замысла и новаторского декора была одним из творческих успехов Гауди.

«Боже, спасибо тебе, что послал на моем пути такого директора, — возносил благодарственные молитвы в адрес Всевышнего счастливый Альтшулер. — Мне посчастливилось увидеть один из красивейших городов мира». Он решил пообедать на Королевской площади, где было множество недорогих кафе. В центре здесь стояли великолепно оформленные фонари, освещавшие старинную площадь по ночам. И это тоже было творение Гауди. Саму площадь строил Франсеск-Даниэль Молина, архитектор, некогда выигравший конкурс на право ее строительства. Площадь строилась с 1850-го по 1859 год, а позже, в 1878 году, окруженная великолепной аркадой площадь превратилась в сквер. В это время Гауди получил заказ на изготовление двух фонарей. Альтшулер долго любовался их великолепием. Шестиламповые, эти фонари были похожи на деревья с распустившимися кронами. В этом небольшом проекте тогда еще молодой Гауди проявил все свои таланты в работе с различными материалами, удачно используя декоративные детали в качестве конструктивных элементов. Альтшулер

надолго остался под впечатлением от увиденного. А потом в путеводителе прочитал, как найти дом Висенс. «Надо бы обязательно осмотреть и его», — решил Иосиф Карлович и вскоре свое желание выполнил.

Дом являл собой нечто невероятное. «Просто фантастика!» — выдохнул Альтшулер. Осмотрев дом Висенс, Альтшулер решил ознакомиться со всеми чудесами, созданными Гауди. Потому что другой такой возможности не будет.

Итак, дом «Каприз». В декоре этого здания Гауди использовал глазурованную плитку в виде цветов подсолнуха. Этот дом был задуман в качестве летней виллы для богатого холостяка Максимо Диаса де Кихано. Над парадным входом в угловой части дома высокая утонченная башня, напоминающая минарет, что говорит лишний раз о влиянии арабского искусства на испанскую культуру. Она же, эта башня, придает дому необычайное изящество и элегантность. Высокие окна, открывающиеся по принципу «гильотины», издающие мелодичные звуки в момент открывания. Интересные балкончики с оградками из кованого железа, с металлическими украшениями, которые тоже позванивают, когда открываются окна. Альтшулер вспоминал обо всем этом, когда по узким, но хорошо освещенным улочкам возвращался в гостиницу. Взяв ключи, он поднялся на третий этаж, в свой небольшой уютный номер.

«Да, осталось всего два дня жизни в этой сказке», — со вздохом сожаления подумал Альтшулер. Дома сварливая жена и вечно недовольная дочь ждали его. В Барселоне останется навсегда красота, которую удалось ему увидеть. Останется в его памяти. Он встал, взял цифровой фотоаппарат и стал просматривать сделанные за эти дни снимки. Перед ними проходили вновь и вновь творения Гауди. Павильон усадьбы Гуэль по адресу: Авингуда де Педральбес, 7. Парадный выезд в ворота со знаменитым крылатым драконом. Фигура дракона настолько выразительна, что кажется, будто ворота созданы специально для того, чтобы поддерживать это чудище. За воротами простирается поместье, а дракон, стало быть, предназначен для «охраны».

Греческая легенда о садах Гесперид гласит о драконе Ладоне с недремлющим оком, охраняющем сады и укрощенном самим Гераклом.

«Так, так, так. Это дворец Гуэль по улице Ноу-де-ла-Рамбла, 3-5. Здесь офис ассоциации «Друзья Гауди», — бормотал Альтшулер.

Каков фасад дворца! Арки закрыты коваными решетками. Великолепно! На небольшом участке земли Гауди построил здание со сложнейшим внутренним объемом. Какова монограмма владельца здания, расположенная в верхних отделах...

Альтшулер не был любителем и знатоком архитектурных изысков. Его поразило искусство Гауди, и в себе он открыл что-то новое. Никогда Иосиф Альтшулер не думал, что сможет так увлечься чем-то.

На террасе дворца, расположенной на крыше, прямо парк скульптур: дымоходы и вентиляционные отверстия представляют собой отличающиеся друг от друга формой и разноцветным керамическим покрытием скульптурные сооружения. А вот на мониторе пошли снимки колледжа сестер ордена Святой Терезии. В 1888 году к Гауди обратился святой отец Энрик д'Оссо-и-Сервельо. Он предложил архитектору завершить уже строящееся здание колледжа сестер ордена Святой Терезии...

При строительстве использовался самый дешевый строительный материал — кирпич. Само здание украшено только конструктивными элементами. Например, параболические арки. Это полностью относится к архитектуре длинных и узких коридоров второго этажа, расположенных симметрично. Уходящая вдаль череда параболических арок формирует глубокую перспективу. Белизна стен подчеркивается приглушенным дневным светом, который проникает через окна, выходящие во внутренний двор. На уровне крыши стены имеют зубчатую форму. По углам украшения в виде башенок-пинаклей с крестом наверху.

А теперь на дисплее фотоаппарата показался знаменитый дом Батло. Семья Батло — богатые текстильные магнаты, которым на аристократическом проспекте Грасиа, 43 принадлежал особняк. И на основе существующей конструкции Гауди создал неповторимый фасад дома. Самое знаменательное в архитектуре дома Батло, как во внешнем, так и во внутреннем оформлении, — это почти полное отсутствие прямых линий. Символику оформления фасада интерпретируют по-разному. Для одних фасад дома — это поэтическое видение моря, для других — сцены карнавала, а для третьих — гигантский дракон, которого пронзает башня-копье, увенчанная крестом. Фасад здания сверкает чешуей дракона, здесь же символически представлены и жертвы дракона — множество костей, черепа. И все это в виде балконов дома. Как во всех своих проектах, Гауди и здесь с особым тщанием разрабатывал любые, даже самые мелкие, детали.

Рядом с домом Батло, на проспекте Грасиа, 92, находится дом Мила-и-Кампса. Альтшулер внимательно рассматривал его снимки, восстанавливая в памяти собственные впечатления. По мере строительства этого дома барселонцы придумали ему довольно ироничное прозвище — Pedrera. На каталанском это означает «Каменоломня». Также его называли и «Осиное гнездо», и даже «Паштетный пирог». Но когда строительство завершилось, жители города были в растерянности, так как поняли, что создано что-то необыкновенное. Для одних это было изображение горы, окутанной большим облаком, другим фасад дома напоминал разбушевавшееся море. Альтшулер увидел и то и другое. Ему было ясно, что, когда Гауди создавал это здание,

он черпал вдохновение у природы и Бога! Не зря ЮНЕСКО в 1984 году объявило это здание объектом Всемирного культурного наследия.

Альтшулер просмотрел снимки театра Лисео, простого снаружи и изящного внутри. Долгие годы Гран Театро дель Лисео был центром оперной культуры Барселоны, да и всей Испании тоже. Он находится на знаменитой улице Рамблас. Эту улицу Сомерсет Моэм назвал самой красивой улицей в мире. Театр выстроен в стиле барокко. Главное его богатство, конечно, артисты, блиставшие на его сцене. Федор Шаляпин, Мария Каллас, Пласидо Доминго, Энрике Карузо, Альфред Краус. Здесь начинали карьеру Монсеррат Кабалье и Хосе Каррерас.

«Ведь никто не поверит, что я здесь слушал оперу «Турандот» Пуччини, здесь я слушал *Nessun dorma*», — с тоской думал Альтшулер. «О! А вот и кафедральный собор», — сам себе сказал Альтшулер. Когда-то на его месте находился обычный храм в романском стиле. Потом, аж в 1298 году, началось строительство этого красивейшего в мире собора. В интерьере собора выделяется крипта Святой Евлампии, расположенная под клиросом с почти плоским сводом, разделенным на двенадцать арок. Саркофаг Святой Евлампии опирается в нарезные колонны из полированного алебаstra. Хоры украшены великолепной резьбой по дереву и камню, ажурными коваными решетками. Большую художественную ценность представляет главный алтарь, освященный в 1337 году.

Отложив фотоаппарат в сторону, Альтшулер вздохнул. Он вспомнил образ Христа, находящийся в капитулярном зале. Раньше он был на галере Хуана Австрийского во время морского сражения у Лепанто. В той самой битве юный Сервантес потерял руку...

Альтшулер подошел к окну. Ночная Барселона жила своей жизнью. Напротив отеля был ресторанчик. Альтшулер смотрел в его окна — там в основном молодежь. Люди сидели и пили пиво, вино... Что-то говорили друг другу, размахивая руками, смеялись...

Иосиф вспомнил свою молодость в Советском Союзе. «А у нас было светлое будущее, и только», — неожиданно озлобленно подумал он. Отошел от окна, разделся и направился в душ. Стоя под струями воды, прикрыл от удовольствия глаза. И вдруг почувствовал чье-то присутствие. Открыл глаза... И увидел направленное на него дуло пистолета! Падая на кафель душевой, он только и успел подумать: «За что? Меня?»

Горничная отеля, полноватая чернокожая женщина с печатью обиды на лице, после обеда вошла в номер Альтшулера. В это время она всегда производила уборку в номере. В душевой она увидела труп голого мужчины в странной позе. Сизоллу, так звали женщину, от увиденного потеряла дар речи. Но уже через мгновение она вопила во весь голос: «О боже! Помогите! Помогите!»

Перепрыгивая через ступеньки, она понеслась к стойке ресепшен. «Энни! Энни! Энни! В номере 312 — мужчина! Он совсем мертвый! А! А! А!»

Молодая испанка по имени Энни — худая жердь с узким лицом, на котором всей красоты — огромные черные глаза, прервала стенания Сизоллу: «Ты что разоралась? Всех постояльцев распугаешь. Мертвый мужчина? Надо вызывать полицию, а не орать без удержу. И хозяйке нужно сообщить».

Сизоллу присела на диван в холле, стала потихоньку приходить в себя. «Железная» Энни поднялась в номер 312, убедилась в правдивости рассказа горничной. «Странно. Такой был тихий, незаметный, а главное — приветливый господин. И вот тебе. Убили. Прямо в сердце выстрелили».

След от выстрела был виден даже невооруженным глазом. Спустившись вниз, Энни позвонила в полицию и хозяйке Леннике Тиллер.

Инспектор местной полиции из «убойного отдела» Леонидо Квеза уже через десять минут был на месте происшествия. Хозяйка отеля Ленника Тиллер подъехала чуть позже и сразу поднялась в номер 312, где работали Квеза, эксперт-криминалист и судебный медик.

— Что случилось, инспектор? — спросила Ленника.

— Убийство, сеньора, случилось в вашем отеле.

— Но это невозможно. В моем отеле ничего подобного никогда не случалось.

— Стало быть, поздравляю с почином. Взгляните сами. Убит прямо в сердце из крупнокалиберного пистолета. Когда принимал душ, его и убили.

— Вот так неприятность, инспектор.

— Угу, — подтвердил Квеза. — Неприятность. Особенно для убитого. Человек помыться решил, а чем все закончилось...

— Инспектор, — проговорила полушепотом Ленника. — Вы же понимаете, все это так некстати. Мой отель не должен попасть... хм... в историю.

— Он уже попал в нее, сеньора.

— Ох! Не узнали бы постояльцы. Иначе...

— А что иначе, сеньора? Ваш отель находится в таком удобном месте, от клиентов отбоя нет и не будет, поверьте. Никто не обратит внимания, что тут произошло. Кроме вас и сотрудников, никто об этом и не вспомнит. Даже через месяц, — инспектор ухмыльнулся в рыжеватые усы. — А вот полиции придется поработать. И не месяц. Никаких следов преступник не оставил. Профессионал. Этот русский погиб мгновенно.

— А он — русский?

— Да. Точнее — русский еврей. Я установил его личность. Альтшулер Иосиф Карлович. Сорок восемь лет. Проживал в Москве. Убийца его тоже, наверное, из России. А может, и нет. Будем искать, надеюсь на вашу помощь, сеньора.

— О! Разумеется, инспектор. Все, что от меня зависит.

— Ну и отлично. Начнем с того, что вы дадите мне списки всех проживающих в отеле на сегодняшний день. Конечно, меня интересуют в первую очередь те, кто сегодня выехал. Есть вероятность, что среди них был убийца.

— Я все сделаю. Что еще?

— Вы не могли бы выделить мне кабинет? Нужно будет опрашивать людей, понимаете. Всех сотрудников.

— Инспектор, вы можете работать в моем личном кабинете.

— Спасибо.

Ленника Тиллер спустилась вниз на ресепшен:

— Энни, если дорожишь своим местом, никому ни слова. Ты поняла меня?

— Так точно, сеньора.

— И горничную предупреди, чтобы не болтала.

— Будет исполнено, сеньора.

— Теперь... Для инспектора приготовьте списки постояльцев и выбывших сегодня.

— Хорошо. Сделаю.

Ленника Тиллер, каталонка в четвертом поколении, коренная жительница Барселоны. Ей пятьдесят восемь лет. Ухоженная красивая дама. Не по возрасту стройна и всегда элегантно одета. Она вошла в свой кабинет. «Отелю более ста лет. Такое впервые произошло. Чем я провинилась перед тобой, Господи?» — произнесла вслух Ленника. Тут же решила позвонить мужу, профессору истории. Он всю сознательную жизнь занимался историей Барселоны.

— Дорогой! У меня в отеле произошло убийство! Убили русского мужчину. Работает полиция. Все это так неприятно. Может, приедешь?

На другом конце провода помолчали, потом профессор истории произнес:

— Есть убийцы. И есть жертвы. Так было и будет всегда. Для того чтобы ловить убийц, есть полиция. Ты сказала, что они уже работают. Они занимаются тем, чем должны заниматься. Я занимаюсь историей. Это мое дело. Каждый должен заниматься своим делом. Я тебя целую, дорогая.

— Я тебя тоже, — ответила, вздохнув, Ленника, положила трубку и прикрыла лицо рукой.

«С ним так всегда. У него — только его треклятая история. Всю жизнь ему ничего не нужно, кроме нее. Сидит на своем холме Манжуик. Сначала изучал историю расположенной там крепости, которую построили — о господи — аж в 1640 году. Потом что-то еще стал искать. Вечно что-то кому-то доказывает, а на мне — отель. А с ним такие хлопоты. Одни ремонты чего стоят? Поддерживать такое старое здание совсем не просто. Теперь вот убийство русского...»

Размышления хозяйки прервал вошедший в кабинет инспектор:

— Спасибо. Списки мне подали. Можно мне занять ваш кабинет? Вы уж извините.

— Пожалуйста, располагайтесь.

Леонидо Квеза. Больших габаритов тридцативосьмилетний мужчина, напоминающий со спины шкаф, с короткой стрижкой и лицом, словно его вырубили топором. Рыжие усы и вечная трубка во рту. Красавцем не назовешь, но... колоритный мужик. «Настоящий детектив, — оценила его про себя Ленника. — Будет рыть до конца. Такие своего всегда добиваются».

— Не буду вам мешать, инспектор, — проговорила хозяйка отеля и вышла из кабинета.

В одиночестве Квеза стал просматривать списки постояльцев. Проживало в отеле шестьдесят восемь человек, выбыло в этот день четырнадцать. Среди этих восьмидесяти двух надо искать предполагаемого убийцу. Вероятно, что он все-таки среди выехавших. То есть четырнадцать человек нужно изучить. Инспектор сделал соответствующие пометки в блокноте и приступил к опросу персонала. Сотрудников было немного, все находились на месте. Проработав до поздней ночи, инспектор ничего стоящего и нового для себя не узнал. Все они заявляли, что убитый был спокойным вежливым человеком. Женщин в номер не приводил. Вообще в номер никого не приводил. Не выпивал и не конфликтовал ни с кем. «Ангел, — сделал для себя заключение Квеза, окончив опрос последнего свидетеля. — Убили ангела и не побоялись Божьей кары».

Домой инспектор вернулся глубокой ночью. Жил он один в небольшой квартире из трех комнат. Нет, не один. Его всегда с радостью встречала Лайла. Это собака. Пудель. Персикового окраса. Конечно, для такого мужчины пудель как-то не совсем подходил. У детектива должна была быть собака иной породы. Что-то вроде добермана, ротвейлера или боксера. Но именно пудель жил у Квеза. Добрая, ласковая и преданная Лайла. Много можно рассказать о человеке, если знаешь, какая у него собака. Лайла была красавица. Ухаживал за ее красотой, конечно, не сам детектив. На это у него просто не было времени. Водить Лайлу в салон-парикмахерскую, а иногда выгуливать он просил консьержку, а точнее — ее дочку, которые жили в этом же доме. Лайла подпрыгнула к нагнувшемуся хозяину. Лизнула его за ухом, радостно заскулила.

— Заждалась меня, хорошая собака? Извини, ты же знаешь, какая у меня работа. Сегодня вот произошло убийство. Сложное дело. Предчувствую, что непростое. Понимаешь, зверь, в отеле убили русского. Теперь нужно отработать восемьдесят два человека. Ведь кто-то из них вошел в номер этого русского, когда тот мылся в душе. Вошел и выстрелил тому прямо в сердце.

Лайла внимательно слушала хозяина. Она любила его и его рассказы о работе, понимала все, что он говорил. Это был благодарный слушатель. А какие у нее были умные глаза!

— Поздно уже, собака. Но пойдем прогуляемся. Ты не против? Я знаю — ты никогда не против.

О! Лайла не была против гулять с хозяином в любое время дня и ночи. Она завизжала от радости, запрыгала, крутясь вокруг своего хвоста. Прогуливаясь в сквере у дома, инспектор продолжал рассуждения, а Лайла обнюхивала траву, кусты в сквере: занималась своими собачьими делами. Присев на скамейку, инспектор закурил трубку и обратился к пристроившейся рядом собаке:

— Ну что, Лайла? Зачем же убили русского? Скажу, что у меня возникли на этот счет кое-какие мысли. Неплохие, я считаю, мысли. Надо завтра связаться с Интерполом. Нужна их помощь. Надо собрать всю информацию об убитом в России. Думаю, что там заказали это убийство. Сам же завтра начну проверять постояльцев отеля.

Детектив встал с лавочки и направился к дому. Умная Лайла молча шла рядом. За одиннадцать лет совместной жизни она хорошо изучила характер хозяина. Она очень любила его. В данный момент, когда хозяин начинал рассуждать о работе, Лайла понимала, что мешать ему ни в коем случае нельзя. В своей собачьей жизни у Лайлы была лишь одна любовь — хозяин. Правда, иногда он доставлял ей неприятности. Это было, когда он приводил

в дом подружек. Но, к счастью Лайлы, это бывало очень редко. В эти дни она сильно переживала, спрятавшись в укромный уголок, и, положив морду на передние лапы, грустила. Она прощала хозяина, как только подружки уходили. Квеза был убежденным холостяком. Он считал женщин глупыми никчемными созданиями. Это было его решение, но другим он его не навязывал. Просто он жил так, как хотел жить.

Прогулявшись по скверику, инспектор и Лайла вернулись домой. Инспектор покормил Лайлу, а себе сварил кофе. Ложась в постель, инспектор в очередной раз подумал: «Непростое убийство. Убийца — профессионал высокого класса. Да...»

Лежавшая рядом с кроватью инспектора Лайла думала совершенно другое: «Как хорошо, когда хозяин рядом. Завтра он уйдет. А я целый день опять буду ждать его. Элиза погуляет, конечно, со мной, но мне хорошо с хозяином, — собака вздохнула почти как человек и потом уже более спокойно решила: — Зато с Элизой можно наперегонки побегать! Тоже неплохо».

Утром Лайла провожала до двери любимого хозяина. Неприятный это был для нее момент. Она опустила голову, не глядя на инспектора.

— Ну что ты, Лайла? Увидимся вечером, — ласково потрепал ее за шею хозяин. — Не переживай. Ты ведь понимаешь — работа у меня такая. Вечером я тебе все расскажу, как идут мои дела, зверь ты мой дорогой.

Погладив собаку по голове, инспектор вышел. Лайла, немного постояв у двери, прислушиваясь к звукам спускающегося лифта, отправилась на свой любимый кожаный диван. Именно он лучше всего пах хозяйским табаком, поэтому Лайла так любила его. Свернувшись в клубочек, Лайла прикрыла глаза и стала ждать возвращения хозяина. Каждый день она так ждала этого огромного, с большими руками, постоянно курящего свою трубку мужчину. Распорядок ее дня был несложным. Сначала она лежала на диване, потом за ней приходила девочка Элиза. Она ее кормила, выгуливала. Потом Лайла лежала на коврике в спальне хозяина, ходила по кухне, опять лежала на кожаном диване, вдыхая запах хозяина, потом, наконец, приходил вечер, а значит, наступало время возвращения любимого хозяина. Ага! Собака насторожилась. Знакомые шаги у входа в подъезд, она уже там слышала их, звук прибывшего лифта, ключи в двери, и...

— Гав! Гав! Гав! — приветствовала Лайла своего инспектора. Сколько радости! Визг, виляние хвостом собаки и поглаживание ее по голове хозяином.

— Пойдем погуляем сразу, потом покормлю. Ты согласна?

Еще бы! Да она вообще согласна не есть, лишь бы быть с ним чаще рядом. Собака, подпрыгнув, ухватила его зубами за руку. Не сильно. Даже ласково.

— Успокойся! Пойдем!

В лифте Лайла прижалась к ноге хозяина в знак благодарности, заглядывая ему в глаза. Гуляя в скверике, инспектор отчитывался собаке:

— Сегодня я связался с Интерполом. Завтра запросы по личности убитого уйдут в Россию. Убит он был из крупнокалиберного пистолета марки «Кольт-Браунинг» 45-миллиметрового калибра. Прямое попадание в сердце. Мгновенная смерть. Это вот главная деталь в деле на данный момент.

Лайла шла рядом и внимательно слушала.

— А еще, — продолжал Квеза, — прибыла жена убитого для опознания тела. Я ее, конечно, допросил. И ты понимаешь, не очень-то жена за мужа, вернее, за его смерть, переживала. Больше всего ее волновала страховка, вот это меня и насторожило — не она ли заказала это убийство? Будем отрабатывать и эту версию. Об этом я и Интерполу скажу. Ты хороший слушатель у меня. Но хватит о делах. Завтра ко мне придет женщина. Ее зовут Тэрри. Я тебя предупредил, чтобы не было неожиданности.

Лайла поняла все. Опустив голову, уже в плохом настроении побрела за хозяином. Ей не хотелось уже ни бегать, ни резвиться. Она чуть ли не хвост поджала от горя. Строгим голосом инспектор обратился к собаке:

— Ну, Лайла, ты не права. Тэрри тебе понравится. Тебя я люблю больше всех, ты же знаешь. Мы с тобой друзья навеки. А подружки приходят и уходят. Все это тебе известно. Хватит дуться. Все равно будет по-моему. Завтра Тэрри останется у нас ночевать. Вопрос решен. Если ты будешь шагать в таком настроении, то пойдем лучше домой.

Лайла ничего не хотела понимать. Она ни с кем не хотела делить хозяина. Но одно ее утешало — что подружки действительно приходят и уходят. А она, Лайла, остается. В очередной раз собака смирилась с действительностью, но дома сразу залезла под кровать хозяина, отказавшись, и зря, как она подумала потом, от еды.

— Ну что, голодовка? И черт с тобой, — пробормотал хозяин. — Все равно Тэрри завтра будет здесь. Я так решил. А Лайла решила: «Завтра тоже есть не буду. Хотя посмотрю еще на эту Тэрри. Что-то не помню я ее. Кто-то из новеньких...»

Утром Лайла даже не вышла проводить хозяина, так и осталась под кроватью.

— Ты все же не права, — проговорил хозяин. — Проводить меня могла бы. Я, кстати, тебе оставил куриные котлетки. Ты их любишь. Я все равно вечером приду с Тэрри. Пока.

«Ушел, — грустно подумала Лайла. — Есть не буду. Правда, котлетки действительно мои любимые. Подумаю, может, и съем».

Вечером хозяин вошел в квартиру с новой подружкой, стал звать собаку на прогулку, но она из своего убежища не вышла. Котлетки нетронутые лежали в миске.

— Ладно, — пробурчал инспектор. — Завтра поговорим без свидетелей.

— С кем ты разговариваешь, — спросила Тэрри. — Вроде бы никого не видно, да ты и говорил, что живешь один.

— Да с Лайлой. Собака у меня. Второй день от еды отказывается.

— Почему?

— Из-за тебя.

Тэрри рассмеялась:

— Это она ревнует.

— Еще как. Только собаки могут так свои чувства искренне выражать. Они могут любить и дружить по-настоящему. Среди людей я такого не встречал.

— Ты так действительно считаешь?

— Конечно. Это мое твердое убеждение. Что будешь пить? Виски? Коньяк?

— Пожалуй, виски.

— А я буду коньяк.

— Как твое новое дело? Об убийстве русского.

— Не хочу говорить о деле. Устал за день.

Инспектор лукавил. Он и Лайла знали, что о делах на работе он рассказывал только своей Лайле.

Когда утром инспектор уходил со своей подружкой, Лайла по-прежнему не вышла его провожать.

— Вот ведь характер, — произнес с досадой хозяин. Но где-то он даже и гордился, что его так любят. Бескорыстно совершенно.

Вечером он пришел один. Лайла как ни в чем не бывало встретила хозяина повизгиванием, помахивая красиво подстриженным хвостиком. Инспектор ласково погладил ее:

— Какая ты у меня ревнивая, сучка. Пошли гулять.

Лайла запрыгала от радости.

— Хитрюга-собственница. Пойдем, расскажу тебе о своих делах.

В скверике никого так поздно не было. Лайла, побегав по своим собачьим делам, вернулась к хозяину и стала внимательно его слушать.

— Проверил я всех постояльцев отеля на день убийства. Заинтересовали меня трое. Мужчины. Один из России. Виктор Кизюра. Второй из Польши — Вацлав Вихтевский. Третий из Бразилии — Андре Хеллер. Почему они для меня представляют интерес? Русский в первую очередь. Это бизнесмен средней руки. Он очень нервничал во время беседы. На вопрос, знал ли он убитого Альтшулера, ответил отрицательно. Но при этом покрылся красными пятнами. Даже адвоката потребовал. Явно чего-то недоговаривает. Оснований для его задержания не было, сегодня он выехал в Россию. Всю информацию о нем я передал в Интерпол. В России с ним будут плотно работать. Интересен и Вацлав Вихтевский. На мои вопросы отвечал неуверенно, несколько раз просился в туалет. Я уже даже вынужден был спросить, в чем дело. Он объяснил, что, когда сильно волнуется, туалет ему крайне необходим. По этому поляку тоже всю информацию сбросил в Интерпол. Буду ждать ответ. Третий. Бразилец по паспорту. Выехал рано утром в день убийства Альтшулера. Сделал запрос в отношении него в Рио-де-Жанейро. Еще я проверил по всем нераскрытым убийствам пистолет «Кольт-Браунинг». Но ничего пока нет стоящего. Буду через Интерпол делать запросы по всей Европе и России.

Внимательно слушавшая хозяина Лайла была счастлива тем, что они одни и что он все ей опять рассказывает. Инспектор тоже был доволен своим слушателем. На этих прогулках он много размышлял, рассуждал, что помогало ему выходить на след преступников. Но по делу русского он понимал, что все больше заходит в тупик. В этом тупике не было ни мотива, ни свидетелей, ни улик. Не было реальных зацепок. Что делать? Только версии и предположения. А с этим преступника не поймаешь. Инспектор раскурил трубку. Присев на скамейку, он стал гладить пристроившуюся рядом Лайлу.

— Почему люди такие злые, бездушные? Предают, завидуют друг другу, а потом из зависти убивают. Я убедился, что собаки гораздо честнее. У вас душа есть. Вы не предаете. Пойдем, Лайла, домой, поужинаем, телевизор посмотрим.

Лайла согласилась с радостью.

Глава VI

8 часов 05 минут. Март 1997 года. Петропавловск-Камчатский. Россия.

Генерал-майор пограничной службы Степан Витальевич Волков, крепкий мужчина среднего роста, 45 лет. Обветренное лицо и карие пронзительные глаза. Попрощавшись с женой и сыном, он вышел из квартиры. Пешком с третьего этажа направился к выходу из подъезда. Между третьим и вторым этажами в пролете навстречу поднимался мужчина лет пятидесяти, в темной куртке и такой же темной спортивной шапочке, низко надвинутой на лоб. Генерал-майор был в неплохом настроении. Служба шла нормально. Жена Эльвира любила его. Четырнадцатилетний сын Андрей хлопот не доставлял. Что еще нужно? До встречи этих двух людей оставалось не больше десяти секунд. Генерал отметил, что поднимавшегося ему навстречу мужчину он никогда раньше не встречал. Это насторожило военного. Но было уже поздно. Он ощутил острую боль в сердце и рухнул на пол коридора. Лишь одна мысль пронеслась в голове: «Жена... сын... Что с ними будет?»

— Милиция! Это милиция? — кричала в телефонную трубку соседка генерала Клавдия Ивановна Помольцева. — По адресу Гагарина, десять, в первом подъезде на втором этаже, убили генерала Волкова! Срочно приезжайте!

Дежурный сыщик по городскому отделу внутренних дел старший лейтенант милиции Дмитрий Соколов выехал в составе оперативно-следственной группы на место происшествия. Тело генерала лежало в лестничном проеме. Вместе со следователем прокуратуры и экспертами Соколов приступил к работе. Следователь прокуратуры Вадим Плотников, молодой, но уже страдающий одышкой из-за лишнего веса человек, обратился к сыщику:

— Дима, пока мы тут будем заниматься осмотром места происшествия, обойди всех соседей. Может, кто-нибудь что-то видел, слышал.

Сыщик кивнул головой и отправился обходить квартиры. Начал с Помольцевой, соседки генерала, которая обнаружила труп и позвонила по 02.

— Пожалуйста, — попросил он женщину, — Клавдия Ивановна, расскажите все поподробнее.

— Вы знаете, генерал был таким вежливым, обходительным, всегда здоровался, здоровьем интересовался. Ох! Какое горе-то для семьи.

— Давайте, Клавдия Ивановна, ближе к делу.

— Да-да, конечно. Извините. Я по утрам всегда своего Пупсика выгуливаю.

— Кого вы выгуливаете? — перебил ее сыщик.

— Собаку свою. Ее вообще-то Джерри зовут, но я называю Пупсик. Тридцать минут я с ней погуляла, ровно тридцать минут, и пошла домой. И вот все это увидела. Какой ужас!

— Во сколько вы со своим Пупсиком вышли?

— В восемь сорок пять.

— Значит, вернулись в девять пятнадцать?

— Да. Именно так и было.

— А кого-нибудь видели незнакомого? Ведь именно в эти тридцать минут был убит генерал.

— Видела. Мужчину видела в темно-синей куртке, в спортивной темной шапке.

— А описать сможете его? Как он выглядел?

— Среднего роста, коренастый. Но лица не разглядела. Из подъезда он вышел и быстро так пошел в сторону центральной площади.

— Клавдия Ивановна, скорее всего, это и был убийца. Вспомните, может, что-то было в нем примечательное? Какая у него была походка?

— Быстрая. Быстрая у него была походка, спортивная. Я еще подумала, что вроде бы немолодой, а быстро так идет.

— Хорошо. А еще что-нибудь припомните?

— Ой, нет, товарищ начальник. Ничего больше не припоминаю. Как теперь по подъезду-то ходить? Вот ведь страсти же какие.

Дальше слушать причитания Клавдии Ивановны у сыщика не было времени. Он позвонил в отдел и сообщил приметы предполагаемого убийцы для срочной ориентировки личного состава милиции. Вдруг повезет? Приметы неплохие. Темная куртка, спортивная темная шапочка. Спортивная походка.

Затем Соколов стал опрашивать других. После опросов, которые совершенно ничего не дали, Соколов понял, что самый ценный и, пожалуй, настоящий свидетель — это Клавдия Ивановна. Кроме нее, никто ничего толком сказать не мог. Сама же Клавдия Ивановна в этот день не могла прийти в себя от увиденного. Она обзвонила всех своих подруг и знакомых, в деталях пересказывая случившееся. А еще она с гордостью добавляла, что является единственным свидетелем, так как только она видела убийцу. Ближе к

вечеру, поговорив со всеми приятелями, Клавдия Ивановна позвонила Соколову:

— Дмитрий Юрьевич, это Помольцева вам звонит.

— Слушаю вас, Клавдия Ивановна, — почти с радостью ответил Соколов в надежде услышать от нее что-нибудь новое. Но как раз что-то новое хотела услышать от него Клавдия Ивановна:

— Дмитрий Юрьевич! Вы еще убийцу не словили?

— К сожалению, пока он на свободе.

— А вы знаете, я думаю, что мне нужна охрана. Ведь, кроме меня, убийцу никто не видел. А он может и меня убить. Я ведь единственный свидетель.

— Не переживайте, не убьет. Но если вам будет угрожать реальная опасность, то мы, конечно, возьмем вас под защиту.

— Ой... Спасибо вам за заботу-то.

— Это наша работа. К сожалению, я сейчас занят. До свидания, Клавдия Ивановна.

— До свидания. Вы уж обо мне не забывайте, Дмитрий Юрьевич.

— Нет-нет. Не забудем. Не переживайте.

На следующее утро у кабинета сыщика сидела Клавдия Ивановна. Увидев ее, Соколов ощутил некоторую нервозность.

— Что случилось, Клавдия Ивановна?

— Поговорить бы мне с вами, Дмитрий Юрьевич.

— Пройдемте.

— Я еле утра дождалась. Всю ночь не спала.

— Что так?

— Не поймали? Убийцу-то?

— Нет еще. Но ловим. Вам спасибо за помощь.

— Дмитрий Юрьевич, а что вы предприняли для моей охраны? Я же боюсь.

— Так я же вчера вам сказал, что, как только возникнет угроза вашей жизни, мы примем срочные меры для вашей охраны. Пока такой угрозы нет.

— Ох, Дмитрий Юрьевич, боязно...

— И что же? Вам звонил кто-то? Или на улице встретился предполагаемый убийца? Или что-то другое?

— Нет. Ничего такого не было.

— Так чего же вы боитесь?

— Убийца же охотиться за мной будет. Ведь только я его видела.

— Вы, Клавдия Ивановна, успокойтесь. Основная версия убийства генерала Волкова — его профессиональная деятельность. Он наступил на пятки рыбной мафии, которая занималась браконьерством в российских территориальных водах. Они решили избавиться от генерала, наняли киллера и убили. А вас убивать не за что. Вы меня понимаете?

— Нет. И меня они тоже убьют. Как генерала.

— Да никто вас и не собирается убивать. Киллер уже, наверное, покинул наши края. Но мы его будем искать по всей России. Тем более у нас есть хорошая зацепка. Волкова убили из крупнокалиберного пистолета марки «Кольт-Браунинг». Это редкий пистолет. По нему мы обязательно выйдем на убийцу. А сейчас вы меня извините, очень много работы.

Клавдия Ивановна нехотя вышла. Коллега Соколова, майор Дремлюга, сидевший в том же кабинете, едва за посетительницей захлопнулась дверь, рассмеялся:

— Ну, Дима, поздравляю. Теперь тебя достанет она по полной программе. Поверь, я на таких насмотрелся.

— Ох, Иван... Сплюнь.

— Плюй не плюй, но сон она тебе нарушит, это точно. Покоя теперь не жди.

Через три недели уже весь отдел в подробностях знал, какой свидетель появился у Соколова. Каждый старался высказаться по этому поводу. Даже начальник отдела милиции полковник Орлов на планерке с улыбкой спросил Соколова насчет мер, принятых по поводу охраны свидетеля.

Через два месяца работы по делу стало ясно, что оно вошло в разряд «висяков», но свидетель продолжала ходить в отдел как на работу. Каждое утро приходила в отделение Клавдия Ивановна, присаживалась на стульчик у кабинета Соколова и ждала...

Она продолжала просить выделить для нее охрану. Начальник штаба отдела полковник милиции Хруленко, большой шутник и тот еще ценитель женской

красоты, предложил Соколову самому переехать на жительство к Клавдии Ивановне, чтобы постоянно осуществлять ее охрану. «Да и вообще, — говорил он, — женщина в самом соку. Старше тебя всего на пятьдесят лет. Вот я тебе сейчас такой случай расскажу...» И дальше шли байки, которые весь отдел знал наизусть.

Соколов решил прекратить все это. На рынке он купил пластиковый браслет и в очередную встречу с Клавдией Ивановной официально заявил, что с этого дня за ее передвижениями будет осуществляться тщательное наблюдение. Для чего на руку он и надел ей купленный дешевенький браслет. Серьезным голосом он добавил:

— Очень прошу вас, не снимайте его, он должен быть с вами постоянно. Ну, вы, я думаю, все понимаете?

Клавдия Ивановна, семидесятилетняя женщина, проработавшая всю жизнь на рыбозаводе и в юности никогда не бывшая красавицей, но сумевшая побывать трижды замужем, правда, за алкашами, рассыпалась в благодарностях:

— Спасибо вам за заботу. Ну, теперь-то я хоть спать начну. А то ведь, сами понимаете, сейчас такое время... Чуть что не так, сразу убьют. Передайте мою благодарность вашему начальству.

— Обязательно передам. А теперь мне работать, работать и работать. До свидания, дорогая Клавдия Ивановна.

Через секунду Дремлюга хохотал так, что стены тряслись:

— А ты, Дима, хороший нашел выход. Молодца!

Два месяца Клавдия Ивановна в отделе не появлялась. И все уже стали забывать эту историю с беспокойной свидетельницей. Не тут-то было! Как-то, придя утром на работу, Соколов увидел сидевшую у кабинета знакомую фигуру. Про себя он даже застонал, как от зубной боли.

— Ой! Дмитрий Юрьевич! А я к вам! — радостно проговорила старушка.

Они вошли в кабинет, где уже находился Дремлюга. Тот сразу понял что к чему, хмыкнул и приготовился наблюдать за ситуацией.

— Дмитрий Юрьевич, — серьезно проговорил Дремлюга, — видимо, вам пора перезаряжать браслет.

Соколов на шутку не ответил.

— Что случилось? — вежливо обратился он к старушке.

— Вы знаете, уже три месяца прошло со дня убийства. Как у вас идут дела? Мне как основному свидетелю это очень интересно. Вы нашли убийцу?

С серьезным видом сыщик ответил:

— Я вам уже объяснял, что убийство заказано, скорее всего, рыбной мафией, которая и наняла киллера. Мы работаем. Разрабатываем и другие версии.

— Вы понимаете, я волнуюсь, потому что от этого ведь и моя жизнь зависит. Шутка ли, я одна видела этого убийцу.

— Ну, мы же вам обеспечили круглосуточную охрану через спутниковую связь.

— За это, конечно, спасибо. Но мне бы хотелось знать хоть какие-то подробности по делу...

— Про версию с рыбной мафией вы уже знаете. Мы отработываем еще версию, что его могла заказать и его... ну, скажем, любовница.

— Так у него еще и любовница была? Вот это да! Это для меня абсолютная новость, знаете ли. Никогда бы не подумала.

— Ну, я надеюсь, это останется между нами. Это строго конфиденциальная информация.

— Что вы, что вы! Конечно! Интересно, а кто эта его любовница?

— Этого, к сожалению, я сказать вам не могу. В интересах следствия.

Старушка прямо сгорала уже от любопытства и разочарованно ответила:

— Я понимаю. В интересах дела. Да, да, да. Вы знаете, у вас такая интересная работа.

— И не говорите — интересная. Даже очень. И времени занимает много. Вот сейчас срочно надо ехать в прокуратуру. Браслет вам мой коллега подзарядит. Познакомьтесь, Иван Андреевич, — отыгрался за утреннюю шутку Соколов, обращаясь к Дремлюге. — Он в нашем отделе ответственный за подзарядку секретных браслетов, если что с браслетом не в порядке, обращайтесь. Прямо к нему.

Дремлюга показал Соколову кулак. Но тот уже выходил из кабинета.

...На следующий день на планерке начальник отдела обратился к личному составу:

— Тут в нашем отделе свой, оказывается, Клуб веселых и находчивых существует. Вчера ко мне пришла на прием всем известная свидетельница по

делу об убийстве генерала Волкова. Пришла с жалобой на майора Дремлюгу. Видите ли, он отказался подзарядить ее браслет, выданный Соколовым. Браслет выдан для постоянного контроля за свидетелем через спутниковую связь. Мне хотелось бы знать, у нас тут милиция или что?!

В актовом зале, где проходила планерка, раздался дружный хохот.

— Прекратить! — потребовал начальник милиции.

Но это было непросто. Через пять минут, когда стражи порядка успокоились, шеф грозно молвил:

— Планерка на сегодня закончена. Кавээнщики, ко мне! В кабинет! Призы получать! «КиВиНа» золотого, мать вашу. За удачный юмор.

И долго еще потом в отделе вспоминали эту историю...

А на праздник, на День милиции, Клавдия Ивановна напекла пирогов и принесла в отдел. Угощались все, приговаривая: «Эх! Побольше бы таких свидетелей!»

Соколов же грустно сказал жующему Дремлюге:

— Пирожки мы съели, а дело так и зависло.

— Брось, Дима. Одним меньше, одним больше. Зарплату все равно дают. Пусть и небольшую. Зато каждый месяц.

— Эх, Ваня, в нашем деле ведь еще, кроме зарплаты, есть азарт поимки преступника, романтика сыска. Элементарное сострадание к жертвам? А к их родственникам? Пусть нас, ментов, сейчас люди не жалуют...

— Да и хрен с ними, с людьми с этими, — вставил Дремлюга.

— Извини, я не могу по твоей философии ни жить, ни работать. Я по-честному хочу.

— О чем ты говоришь, друг мой? За такую зарплату? По-честному! Ха! Государство, выплачивая нам такие деньги, делает вид, что платит, а мы делаем вид, что служим.

— И все-таки ты не прав, Дремлюга, — насупился Соколов. Помолчав немного, он добавил: — Я часто думаю, почему у нас в стране так? Никак не ладится. Ведь это так просто понять: человеку не должно быть стыдно за то, что он работает в школе, в больнице или в научном институте. В милиции, наконец! За такую мизерную зарплату! А вот как-то не по себе. Живем в богатой нефтью и газом стране, а приоритеты все на стороне вороватых

чиновников. У народа словно сбился прицел в сторону подлецов. Нам самим надо к себе присмотреться, понять, кто мы? Почему все это допускаем?

Дремлюга, внимательно слушая Соколова, перебил его:

— Да ты революционер, Соколов. Прямо Ленин. Ты к чему призываешь?

— Я не революционер, Иван. Я — честный мент, который хочет получать достойные деньги, жить в нормальной квартире и раз в год выезжать с семьей на отдых. Дети подрастут — хочу им дать образование. Это что? Так много? Это тот минимум, который я заслужил своей работой. Я не хочу быть «поколением напуганных», как наши родители и деды. Хочу быть свободным в мыслях и поступках, в действиях. И хочу, чтобы мое правительство это понимало. Семьдесят процентов россиян чувствуют себя незащищенными перед чиновниками. Люди не верят в государственное правосудие, не верят, что «маленький человек» может найти поддержку у власти.

По конституции у нас вроде бы все равны да? Но вспомни, как год назад собака вице-губернатора покусала женщину. Та пролежала с тяжелыми травмами в больнице больше месяца. А что в результате? А в результате получилось, как в рассказе писателя Чехова: «Пострадавшая сама оказалась виноватой, нечего дразнить знатных собак».

Дремлюга засмеялся:

— А ты, Соколов, прав. Я сам этот материал рассматривал и по указанию начальника областного УВД сделал отказной.

Соколов улыбнулся:

— Ну вот видишь. И так по всей нашей России. Правды и справедливости добиться практически невозможно. Почему власть не боится, что народ не вечно будет терпеть?

Дремлюга перебил коллегу:

— Все. Хватит философствовать. Работать пора. Мы все-таки на службе находимся.

— Это точно, — грустно кивнул Соколов.

Глава VII

В 1128 году король Шотландии Дэвид I, сын Малколма и святой Маргариты, охотился в окрестностях Эдинбурга.

Однажды во время охоты лошадь короля была испугана неизвестно откуда взявшимся исполинским оленем. Вылетевший из седла монарх оказался в

смертельной опасности. В отчаянии Его Величество отважно схватил оленя за рога в момент, когда буйный зверь собирался пронзить царственную особу. И — о, чудо! — рога оленя волшебным образом превратились в распятие, и король Дэвид остался жив. В тот же вечер благодарный король принял решение — возвести на месте своего спасения аббатство Холируд, посвященное Животворящему Святому Кресту.

Сначала же на территории аббатства был построен дом для гостей, который позже перестроили в замок, ставший резиденцией шотландских королей...

14 мая 1995 года. 8 часов 50 минут.

Молодая и красивая, одетая в джинсы и легкую куртку темно-вишневого цвета, эта женщина села в автобус возле собора Святого Гиля, следующий в сторону королевского замка Холируд. Народу в автобусе было немного: две монашки и живописный дядька средних лет, одетый в шотландский килт. Автобус шел легко и быстро. Монашки вышли на остановке «Канонгейт». Оригинал в килте — на следующей. Молодая женщина в салоне автобуса осталась одна. Но и на конечной остановке «Королевский замок» она выходить не стала. Водитель, молодой рыжий шотландец с рябым лицом, обратился к женщине: «Это конечная остановка, мисс». Женщина не реагировала на слова водителя. Рыжий водитель повторил: «Мисс, автобус дальше не идет! Вам нужно выйти». Но странная пассажирка не двигалась. Тогда водитель встал со своего места и прошел в салон к странной пассажирке. Она сидела, наклонив голову вправо, ее бледное лицо было безжизненным, на куртке в области сердца багровело темное пятно. «О боже!» — растерялся шотландец, но быстро собрался с мыслями и побежал звонить в полицию.

Сержант Арчи Фишер прибыл на место преступления в составе следственной бригады. Роберт, рыжий водитель автобуса, волнуясь, сбивчиво рассказывал детективу о случившемся:

— В автобусе всего-то было четверо пассажиров вместе с этой дамочкой. Две монашки и мужчина в килте. Первыми вышли монашки, потом, на следующей остановке, вышел мужчина. Когда мы подъехали к королевскому замку, я все это и обнаружил. Как только понял, что она мертва, то есть пассажирка эта, сразу позвонил вам.

— Вы, Роберт, поступили совершенно правильно. Видимо, мужчина и есть убийца. Опишите, как он выглядел.

— Среднего роста, лет пятьдесят... Может быть, пятьдесят пять. Правильные черты лица, карие глаза, а может, и не карие...

— А особые приметы были?

— К сожалению, это все, что могу сказать.

— А смогли бы вы его опознать при встрече?

— Наверное, смог бы.

— Что ж... Это уже неплохо. Так, теперь давайте посмотрим, кто эта женщина, — произнес детектив, предчувствуя, как начальство будет драть с него шкуру, если он не раскроет это убийство.

Сержант подошел к убитой. Посмотрев на труп, он взял сумочку жертвы, открыл ее и вывалил содержимое на соседнее сиденье. Изучая содержимое, он вслух повторял: «Духи «Герлен», помада той же фирмы, пудреница, одноразовые салфетки. Деньги... Так... Тысяча триста шестьдесят восемь фунтов стерлингов. Значит, грабить ее не собирались. Ключи. Видимо, от квартиры. Так... А это ключи от машины. А поехала на автобусе. Непонятно. Разберемся. Набор для маникюра. Косметичка. А документов никаких нет».

Сержант взял сумочку в руки, еще раз ее просмотрел, в одном из отделов, закрытом на замок, лежал сотовый телефон. Сержант включил телефон и набрал номер, по которому звонила жертва. Вызов шел недолго. Ответил женский голос:

— Розалин, ты куда пропала? Я звоню тебе со вчерашнего дня. Почему ты телефон отключила?

— Это не Розалин, — ответил сержант.

— А кто это? — спросила женщина.

— Сержант полиции Арчи Фишер.

— Сержант полиции? — удивился голос в трубке. — А где Розалин? Что с ней?

— Она мертва. Ее убили.

— Как убили?

— Выстрелом в сердце.

— Да что вы такое говорите? Прекратите меня разыгрывать! Немедленно позвоните Розалин!

— Мне жаль, мэм. Но я вас не разыгрываю. Она действительно убита. А вы кто?

— Я ее подруга. Меня зовут Шарлотта.

— Вот и отлично, Шарлотта. Вы сможете подъехать к королевскому замку? На конечную остановку автобуса? Прямо сейчас.

— Знаете, я, конечно же, приеду, но у меня в голове не укладывается, за что можно убить простого преподавателя из колледжа? А где ее убили?

— Прямо в автобусе. Так я вас жду.

— Да-да. Я выезжаю.

После разговора с Шарлоттой сержант продолжил осматривать содержимое сумочки. «Ага, записная книжка, это важно, должна помочь в расследовании. Очень на это надеюсь. А это что такое? Пасхальное деревянное яйцо с красивой росписью. Кто-то, наверное, подарил. Если возит с собой в сумочке, значит, для нее дорог этот подарок».

Детектив взял в руки зажигалку и пачку сигарет. «Курила наша погибшая, — перебирал вещи детектив. — Что тут еще интересного?» Но тут его отвлек голос помощника:

— Господин сержант! Вас тут женщина какая-то спрашивает.

Детектив подошел к автобусу. Возле стояла молодая невысокая женщина — темноволосая, короткостриженная. На ухоженном красивом лице застыли тревога и... вопрос.

— Я — Шарлотта. Мы с вами говорили по телефону.

— Да-да... Быстро вы, Шарлотта. Пройдемте со мной в салон автобуса.

Детектив помог женщине подняться в автобус, поддерживая ее за локоть. Подойдя к труп, Шарлотта, взглянув на тело, закрыла лицо руками и тихо произнесла:

— Это она. Это Розалин.

Всхлипывая, она стала шептать:

— Ничего не понимаю. За что? У нее не было врагов. Она вообще никому не могла помешать. Может, ее хотели ограбить?

Стоявший рядом сержант молча слушал ее причитания, когда она успокоилась немного, он пригласил ее на заднее сиденье автобуса — для разговора.

— Шарлотта, как вы думаете, что могло случиться с вашей подругой?

— По-моему, сержант, это я должна вас спросить, что с ней случилось?

— Тогда расскажите о вашей подруге поподробнее.

— Что тут рассказывать, жила себе тихо, спокойно, год назад с мужем развелась. Мы с Розалин работаем, то есть работали, вместе. Преподаем в престижном колледже. Феттес-колледж... Думаю, вы его знаете. Она преподавала русский язык, а я историю.

Сержант удивился:

— Русский язык?

— Да, русский. Она ведь была русская — Адашева Роза Игнатьевна. А мы все звали ее просто Розалин.

— А как она попала в Шотландию? Да еще в такой колледж?

— Все просто, сержант. Пять лет назад она вышла замуж за шотландца и переехала сюда. Четыре года они прожили вместе, а в прошлом году разошлись.

— А кто был ее муж?

— Его зовут Питер Уотсон.

— Вы хорошо его знали?

— Нет, не очень. Но, по-моему, они совершенно не подходили друг другу.

— Как это?

— Да как вам сказать? Розалин была умная и красивая, эрудированная, яркая. Она хорошо разбиралась во многих вещах. А Питер... Он был неудачник. Вечно чем-то недоволен, постоянно менял места работы. Все и везде его не устраивало. Строил грандиозные планы, хотел открыть свое дело, но прогорел.

— Какое дело?

— Хотел заниматься оптовыми поставками нашего шотландского виски в Россию. Он и женился на Розалин из-за этих планов.

Детектив улыбнулся и с гордостью проговорил:

— Да, это достойный бизнес. Наша «вода жизни»... Это же прекрасно и достойно. А прогореть на таком деле — стыдно, стыдно.

Детектив слегка крикнул от удовольствия. Видимо, виски вызывало у него приятные воспоминания.

- Но извините, продолжайте, пожалуйста, — прервал он себя.
- Но не дано было Питеру заниматься бизнесом. В долги влез, в России что-то не заладилось... Я подробностей не знаю.
- А чем он сейчас занимается?
- А ничем. Вероятно, планы строит очередные.
- А как вы думаете, он мог убить Розалин?
- Не думаю. Он был... Как про него говорила Розалин... *Kishka tonka*. Другими словами, тряпка. Хотя... Жизнь такая непредсказуемая вещь, что ничего нельзя предугадать и предположить. Я знаю, что жизнь Розалин была застрахована на крупную сумму. Но ведь они в разводе и он не может получить страховку.
- А кто получит?
- Ее мама.
- А она где живет?
- В России. В городе Воронеже.
- Не слышал о таком.
- Это не самый большой город в России.
- Теперь узнаю о нем подробнее, придется. Да, еще раз девичью фамилию вашей подруги назовите.
- Адашева.
- О'кей. А в России она была замужем?
- Была. Но тоже брак не сложился. Об этом она не любила говорить.
- А после развода с Уотсоном она с кем-то встречалась, какие-то мужчины у нее были?
- Да. Был у нее приятель. Преподаватель из нашего колледжа. Жан Ле Рон. Преподает латынь.
- А он мог ее убить? Из-за ревности, например? Он же, судя по имени, француз — южная буйная кровь... Или по какой другой причине?
- Нет, что вы... Он у нас совсем ребенок, мы его зовем «наш малыш».
- Малыши тоже разные бывают. А вашему сколько?

— Двадцать пять. А Розалин было тридцать шесть.

— И что же их объединяло? Разница в возрасте... м-м-м... приличная.

— Розалин с ним пряталась от одиночества. Мне так кажется.

Детектив задумался. Внезапно он взглянул на Шарлотту и спросил:

— А вы не были... близки с Розалин? Больше, чем просто подруги?

Он попал в точку. Шарлотта сконфузилась, покраснела:

— Не буду скрывать, я любила ее. И она мне тоже отвечала взаимностью. Но об этом я говорить с вами не буду. Это не имеет никакого отношения к ее гибели.

— Ну что ж, спасибо за откровенность. Если понадобится, я найду вас.

Сержант проводил Шарлотту, а сам остался в салоне автобуса. Устроившись в пассажирском кресле поудобнее, он по привычке стал гладить свою лысую голову, которую уже много лет брил. У одного и того же парикмахера.

«Дела... Любовник, любовница, страховка, бывшие мужья, Россия и Воронеж. Голова кругом идет. И убийство необычное — в автобусе, утром и возле королевского замка! А по легенде, именно в этих местах чудом спасся король Дэвид I. А вот Розалин спастись не удалось. Времена другие. Один выстрел в сердце — и все. Нет человека. Судя по выстрелу, крупнокалиберный пистолет». Детектив еще раз вздохнул, выбрался из кресла, подошел к лежавшему в салоне труп. Эксперты продолжали свое дело.

Следующий свой день сержант начал с поездки в Феттес-колледж.

Это учебное заведение было основано в 1870 году. Оно находилось в миле от Эдинбурга. Красивое старинное здание с несколькими корпусами и часовней. Здесь прекрасная библиотека, компьютерные классы, спортивный центр, художественные школы, концертный зал, научный и технологический центры, плавательный бассейн, различные спортивные площадки.

Территория колледжа окружена великолепным парком, где спокойно гуляют олени. Детектив прошелся по парку, по аллее, высаженной некоторыми знаменитостями, учившимися в колледже, и направился в административный корпус. Его встретил представительный мужчина — директор. Он сразу понял, по какой причине здесь появился детектив.

— Вы по поводу трагической гибели нашей преподавательницы госпожи Адашевой, — протягивая руку сержанту, произнес глава заведения.

— Вы проницательны, — то ли в шутку, то ли всерьез ответил детектив. — Не смогли бы вы рассказать об этой женщине? Я бы хотел взглянуть на ее личное дело.

— Конечно, вам предоставят ее документы в течение двадцати минут. Сможете поработать с ними в канцелярии.

— Скажите, сэр, как вы думаете, кто мог убить Адашеву?

— Ну, тут вам я не помощник, сержант. Поговорите с ее коллегами, с теми, с кем она непосредственно общалась.

— Например, с господином Жаном Ле Роном? — перебил его детектив.

— Вот видите, вы об этом тоже уже знаете.

— О чем об этом?

— Ну, они были в близких отношениях.

— Да, знаю. Работа у меня такая.

— А я лично был против подобных связей. Я вообще за чистоту отношений. Но сейчас век другой. И другая мораль. И все это приводит к трагическим развязкам, как в этом случае, например.

Детектив спросил:

— Адашева была хорошим специалистом?

— Неплохим. Иначе бы не смогла у нас работать. Жалоб на нее не было. Она хорошо знала свой предмет. Еще бы — русской да и не знать русского языка!

Детектив потер рукой свою лысину:

— Вы правы. Еще один вопрос. Какие отношения были у Адашевой с Шарлоттой Эйлер?

— О черт... Вы и об этом тоже знаете? — с иронией спросил директор.

— Так что вы на это ответите?

— А что тут нового я могу сказать? У них были чересчур близкие отношения.

— Ну и порядки у вас тут. Такой известный колледж...

— Мы все живем в этом мире, сержант.

Детектив встал, попрощался, поблагодарил директора и вышел. Снова погладив свою лысину, он подумал: «Да... Одни любовники. Кто же тут убийца?»

Вечером того же дня Арчи Фишер зашел к своему другу парикмахеру Эрлиху. Эрлих был истинным шотландцем, любителем виски и футбола — по праздникам надевал килт. И за свои шестьдесят пять лет он сорок пять брил и стриг своих соотечественников, а не только азартно болел за любимый «Селтик».

— Арчи, — обратился он к сержанту, — и что ты мне скажешь насчет последней игры «Селтика» и «Челси»?

Детектив улыбнулся:

— Извини — пропустил. Знаешь ли, у меня на участке убийство, как-то не до футбола сейчас.

При слове «убийство» у Эрлиха вспыхнули глаза. Он тут же забыл про вчерашнюю игру.

— Ого! Убийств давненько не было в наших краях. И кого же убили, если не секрет?

При этом он обмазал пеной голову детектива, взял в руки опасную бритву: когда он брил Арчи, то работал только ей.

— Эрлих, дружище... Опомнись... Уже во всех газетах написали об убийстве русской. Секрета нет никакого.

— Не читал. Русскую, значит, убили? Туристка?

— Нет, не туристка. Преподаватель колледжа.

— А-а-а... Черт их знает, этих училок... И как продвигается расследование? Нашли душегуба-то?

— Пока не нашли. Но есть подозреваемые. У этой русской был муж — из наших, потом еще любовник — француз. И даже любовница. Ну, и в этой России бывший муж остался. Вот они все и входят в круг подозреваемых. Эта русская женщина была застрахована на довольно приличную сумму. Так что есть над чем работать.

Эрлих был весь уже поглощен мыслями о новом преступлении в их городе, напрочь позабыв про «Селтик», что само по себе было немислимо.

— Арчи... — в голосе старого цирюльника появились просящие нотки, — ты уж, будь добр, рассказывай мне, что возможно, конечно же, о ходе

расследования, о поиске убийцы. Ты же меня знаешь столько лет, я лишнего никогда и никому. Ни-ни.

— Конечно, старина. Имя убийцы ты узнаешь первым. После меня, разумеется. Ты же не просто мне череп бреешь — мы же друзья.

После этих слов Эрлих твердым уже голосом произнес:

— Если хочешь, я тебе и помочь смогу. Может, совет какой дам. Я неплохо владею дедуктивным методом.

Арчи рассмеялся:

— Вот и приступим. На твой взгляд, кто может быть убийцей русской?

Положив на голову детективу горячее полотенце, Эрлих важно ответил:

— Я думаю, ее убила русская мафия. О ней так много сейчас пишут. Во всей Британии полно этих русских, и далеко не бедных. А откуда у них такие деньги? Они скупают всю самую дорогую недвижимость в Лондоне и к нашему Эдинбургу подбираются. Они даже замки скупают! И какие замки! Да, это явно мафия.

— Ты кое в чем прав. Но вот один маленький вопросик. Зачем такой грозной русской мафии убивать скромную преподавательницу колледжа? Да еще не с самой стандартной сексуальной ориентацией...

— Как это зачем? Мафия мстит всем своим соотечественникам, живущим в Шотландии.

— Ха, старина! А за что мстит-то?

— Да за все!

— Своим дедуктивным методом ты мне действительно окажешь неоценимую помощь, — уже с иронией проговорил сержант.

Эрлих понял это как похвалу и остался доволен:

— Всегда рад помочь тебе, дружище.

Выходя из парикмахерской, Арчи Фишер с усмешкой пробормотал: «Завтра же начну ловить русскую мафию».

Эрлих, проводив своего последнего и такого важного клиента и друга, стал анализировать полученную информацию, позабыв про футбол и «Селтик». На следующий день он купил все газеты с публикациями об убийстве русской. В одной из газет он вычитал, что в Шотландии ничего подобного никогда не было: чтобы возле королевского замка убили человека. До чего

дошло! В другой газете писали о русской мафии. Эта статья обрадовала Эрлиха. Журналисты этой газеты мыслили с ним одинаково: «Русские идут!»

Но вот в одной из статей пожилой цирюльник прочитал, что Адашеву убил, судя по всему, профессиональный киллер и, по-видимому, этот мужчина ехал с ней в автобусе. Интересно... Все статьи Эрлих вырезал и сложил в отдельную папку. «Так. Я начинаю свое расследование», — бормотал старик, аккуратно раскладывая статьи.

В течение недели он просматривал все газеты в надежде найти что-нибудь новое по делу об убийстве русской, чтобы быть готовым к разговору с сержантом. Когда детектив появился в салоне, Эрлих радостно произнес:

— Старина! Я жду тебя всю неделю. Не поверишь, я завел свое дело по убийству русской. Собрал даже целую папку материалов. Из газет, конечно.

И он с гордостью предъявил друг свое «досье». Детектив погладил лысину. Поморщившись, взял в руки протянутую папку. Просмотрев все статьи, он ничего нового для себя не открыл.

— А ты, Эрлих, неплохо поработал. Это большая помощь для меня.

Эрлих расцвел от похвалы:

— Я знал, что ты останешься доволен. А теперь какие у тебя новости?

— Кое-что и у меня появилось...

— Да ты что! Какая же это новость?

— Русскую убили из крупнокалиберного пистолета марки «Кольт-Браунинг», 45-миллиметрового, с глушителем. И еще одна новость пришла через Интерпол из России.

Тут детектив выждал минуту и строго сказал:

— Но я, между прочим, пришел голову побрить. Не забывай про это.

И сел в клиентское кресло.

— Арчи! Как можно! Все сделаю в лучшем виде, не сомневайся.

Детектив продолжил:

— Из России сообщили, что бывший русский муж убитой Адашев Сергей Дмитриевич не прочь получить страховку своей бывшей жены. А это ни много ни мало — 500 тысяч долларов.

Эрлих выдохнул: «Ох!!!» — но тут же спросил:

— А то, что они разведены, разве не имеет значения?

— Ха-ха! Дело в том, что у них общий сын — Алексей. Ему двенадцать лет.

— Да, это уже серьезно. Этот Адашев мог заказать ее — такие деньги немалые!

Обслужив детектива и проводив его, Эрлих сделал в своей папке кое-какие записи. Немного поразмыслил насчет бывшего мужа Адашевой. После всего этого он засобирился домой. Жил он поблизости. На улице уже стемнело. Ночной Эдинбург горел огнями — древняя столица Шотландии постепенно превращалась развитый экономический центр, но при этом город умудрялся сохранять все обаяние старины. На противоположном берегу реки, разделяющей город на старую и новую части, старинная крепость вырисовывалась на ночном небе причудливым силуэтом. На крышах домов многочисленные трубы каминов поддерживали этот сказочный пейзаж, требуя присутствия трубочистов. Эрлих шел по родному городу пружинистой походкой. Несмотря на свои шестьдесят пять лет, он вообще был в отличной форме. Небольшого роста, средней комплекции... Сейчас он себя ощущал настоящим детективом. Он шел и рассуждал: «В этом деле есть над чем подумать. И страховка приличная, и любовники. Вот и пистолет...» Он принял решение заняться этим пистолетом. Нужно собрать всю информацию об этой модели...

Глава VIII

22 сентября 2002 года. 07 часов 05 минут. Санкт-Петербург. Россия.

Машина по уборке и перевозке мусора въехала во двор одной из улиц Северной столицы. Старые дома дореволюционной постройки, не реставрировавшиеся и не ремонтировавшиеся многие десятилетия, в утренней мгле напоминали уснувших древних великанов, на теле которых светились редкие огоньки окон. Эти огоньки свидетельствовали, что люди в домах потихоньку начинали просыпаться.

Водитель мусоровоза, небритый мужчина лет пятидесяти, и его молодой напарник ехали молча. Разговаривать не хотелось ни тому, ни другому. Старшой, Леонид Иванович Кузьменко, или просто Иваныч, всю свою жизнь отработал на свалке. Город чистил. Эта работа давала возможность его семье сводить концы с концами, учить двоих сыновей и кое в чем помогать совсем уже престарелым родителям. Он сам давно забыл, когда и отдыхал-то... Были, конечно, отпуска, но в эти дни он пахал на даче вместе с женой Татьяной. Неплохая у него жена. Заботливая, экономная, хозяйственная. Была и радость у водителя мусоровоза в жизни, вернее, пристрастие. Читать он любил. Детективы. Читал много. Запойно. Артур Конан Дойл, Агата Кристи, Джеймс Хедли Чейз, Жорж Сименон, Эрл Стенли Гарднер. Из русских современных Акунина недавно для себя открыл. Вот и сейчас в

кабине у него лежал очередной томик модного детективщика — «Любовник смерти». Кузьменко уже предвкушал: появится свободная минутка, и он окончится вместе с автором в очередное расследование.

Полностью уходя в книгу, немолодой водитель отвлекался от своей «мусорной» жизни. Читая очередной детектив, он мог представить себя и сыщиком, и свидетелем, и даже преступником-убийцей. Именно эта отдушина позволяла ему не совсем застывать, работая водителем по утилизации городского мусора.

И в этот день Иваныч со своим помощником ехал по дворам Санкт-Петербурга и собирал из мусорных ящиков отходы жизнедеятельности горожан.

Рядом сидел молодой помощник Колька Павлов. Ему в этом году исполнилось двадцать два. После армии он успел поработать охранником в одном из питерских ресторанов. Но, получив сотрясение мозга — клиенты в кабаке серьезно сцепились, и пришлось активно вмешаться — и отлежав приличное время на больничной койке, принял решение не возвращаться к такому опасному труду. Коля нашел место спокойнее. Да и в работе на свалке была своя «философия жизни». За год работы Николай насмотрелся на ее обитателей, живущих по своим законам и строго их чтивших. Среди бомжей в авторитете был не только мордобой, но и своя — особая — мудрость. Со многими обитателями он познакомился даже. Кое с кем даже подружился. Так, с одной женщиной без возраста — Нарцисс. Так ее все звали. Естественно, он спросил, почему так зовут. Смеясь, она ответила:

— Пахну, как нарцисс. Цветок такой есть в природе.

Николай, да и не только он, удивлялся, как можно, живя на свалке, так умело пользоваться духами.

— А сколько тебе лет, Нарцисс?

— Ну, во-первых, женщин о возрасте не принято спрашивать, но, раз спросил, отвечу. Семь.

— Угораешь?

— Ничуть. Я живу тут семь лет. Значит, мне и есть семь лет.

— Ладно. А сколько лет было в прошлой жизни?

— А у меня нет прошлой жизни, — прозвучал жесткий и даже немного злой ответ странной бомжихи.

Был еще один приятель — Женя Волга. Его так звали за то, что он в свое время работал капитаном сухогруза на Волге. Если не врал, конечно. Этот

Женя и рассказал Николаю, почему Нарцисс не говорит о своем прошлом. Там, в прошлом, у нее была семья, муж, дочь, свой дом за городом. Муж был успешным бизнесменом, она занималась домом, хозяйством, дочерью. Муж считал, что это ее работа. Но в один «прекрасный» момент он взял и выгнал ее на улицу, а в дом привел другую женщину, молодую. Три года Нарцисс боролась, чтобы вернуть себе дочь. Но победили деньги мужа. Дочь осталась с отцом, а мать оказалась на питерской свалке.

Мусоровоз выехал, загрузившись содержимым баков из очередного двора. Проехали мимо оздоровительного центра с красивым названием «Жейнер». За этим необычным названием скрывалась обычная сауна с проститутками. Маршрут мусоровоза был всегда одним и тем же. Кузьменко знал его наизусть. У входа в «Жейнер» под светом фонаря он вдруг увидел лежащего на асфальте человека. Подумал, что кто-то из посетителей сауны решил не торопиться домой в силу приличного подпития и прилег на тротуаре, так как ничего более комфортного рядом не было. Кузьменко взглянул через опущенное стекло. Понял — что-то тут не так. Притормозив, он вышел из кабины. За ним вышел и Николай. Вдвоем они подошли к лежавшему. Это был мужчина. И он был мертв. Вокруг — кровь. Мужчина лежал на спине, раскинув руки, голова склонилась набок, глаза широко раскрыты, взгляд застыл. По мобильному Кузьменко набрал 02. «Вот тебе и детектив наяву», — подумал он.

Недалеко от тротуара, где лежал труп, стоял «Ленд Крузер» черного цвета. Не зря Кузьменко читал детективы: «Видимо, джип принадлежал убитому». А Николай произнес вслух:

— На таких машинах простые люди не ездят.

Кузьменко усмехнулся:

— И не говори, Коля. Простые люди ездят на таких тачках, как у нас с тобой.

Николаю это уточнение не понравилось, он отошел от трупа и сел в кабину со словами:

— Да уж лучше живым на нашей тачке ездить, чем на таком «Крузаке» убитым быть.

В составе оперативно-следственной группы на место преступления прибыл старший оперуполномоченный капитан милиции Зайцев. Несмотря на то что он носил такую фамилию, в жизни Владимир Ильич «зайцем» не был никогда. Никто. Никогда. Так. Его. Не называл. Даже в детстве. Скорее он был «волком». В работе, конечно.

Осмотрев совместно с «прокурорским» труп и рядом стоящий джип, Зайцев понял: нити преступления связаны, скорее всего, с сауной. Следовательно

прокуратуры Юра Соснин согласился. Следователь был молодым розовощеким парнишкой, отработавшим в прокуратуре чуть больше года после окончания юрфака питерского университета.

Труп осмотрел судмедэксперт, который сделал предварительное заключение: убили хозяина джипа не более двух часов назад, так как труп еще не остыл. Убит он был выстрелом в грудь из пистолета, судя по ране, крупного калибра.

Капитан Зайцев направился к входу в «Жейнер». Нажал кнопку у двери. Вызов шел, но открывать дверь явно не торопились. Капитан уже собрался отойти, но тут кто-то с обратной стороны стал греметь замком.

— Чего надо? — спросил охранник с опухшей рожей.

— Милиция. Рядом с вашим заведением человека убили.

Опухший, и, по-видимому, не только ото сна, охранник как-то быстро пришел в себя, поправил волосы, подтянул ремень на брюках:

— Убийство? А мы тут при чем? Ничего я не знаю, не видел, не слышал.

— Ну понятно. Вы же работали, вон как от работы опухли. Впустите нас. Поговорить нужно.

— А вы удостоверение покажите.

— Легко. Пожалуйста, вот удостоверение. Оно, надеюсь, дает нам право войти на ваш секретный и строго охраняемый объект?

Охранник внимательно, а может, делая вид, что внимательно, дабы потешить чувство собственной важности, просмотрел удостоверение и впустил милицию внутрь объекта.

Оздоровительный объект представлял собой просторное помещение. С отделкой под дерево. Сауна. Бассейн. Кабинки для массажа. Бильярд. Комнаты отдыха. Ничего необычного. Обычная сауна с девочками. Надо отдать должное: чисто и прибрано. Зайцев все это отметил про себя и заключил: «Бордель как бордель». В одной из комнат отдыха спала молодая женщина.

— Кто это? — спросил сыщик охранника.

— Это администратор наша. Нелли Яковлевна. Нелли Яковлевна! Просыпайтесь! Милиция! — стал тормошить охранник женщину. Через несколько минут она пришла в себя и вместе с охранником стала давать первые показания. Как свидетели.

Администратор Нелли Яковлевна, невысокая некрасивая молодая дамочка, но с большой грудью и ярко-рыжими короткими волосами, говорила первой. Охранник только поддакивал и кивал головой в знак согласия. Они явно были напуганы присутствием представителей правоохранительных органов в их заведении. И администратор, и охранник подтвердили, что да, все-таки убитый мужчина отдыхал у них в компании двух девиц.

— Проституток? — жестко уточнил Зайцев.

Администратор, нимало не смутившись, ответила:

— Мы обслуживаем всех клиентов, пожелавших отдохнуть в нашем оздоровительном комплексе. С кем они приходят — нас это не касается. Это их право приводить сюда своих подруг или друзей.

— А если мы докажем, что именно ваше заведение предоставляет вашим клиентам девиц, то это как будет называться? Дополнительные услуги? — с иронией спросил сыщик. Администратор не растерялась:

— Знаете ли, мы такие услуги не предоставляем.

— Понятно. Напрямую не предоставляете. Вот через массажи свои завуалированно и предоставляете. Так ведь? Молодцы какие! А ведь это — уголовно наказуемое деяние. Ну ладно, перейдем к вашему сегодняшнему клиенту. Сейчас мы с вами выйдем на улицу для опознания трупа.

Труп был опознан. Затем все вновь вернулись в сауну, к допросу.

— И как он поправлял у вас свое здоровье, Нелли Яковлевна? С кем оздоравливался? — спросил сыщик.

И выяснил у «служителей разврата», как он их называл, что последние часы своей жизни Инюшин Иван Капитонович — так звали убитого, что следовало из документов, найденных в борсетке, уроженец Тверской области, 1961 года рождения, — провел в компании двух молоденьких девиц. Приехал он в 23.45 по предварительной заявке. Одну из девушек звали Яна. Вторую — Светлана. Обеим по двадцать лет. Клиент пил водку, девицы — сухое красное вино. Все трое были веселыми, купались в бассейне, в сауне сидели вместе. Все как обычно. От описания подробностей в плане оказания интимных услуг администратор уклонилась. А в 5 часов утра они ушли.

«Обычная история», — подытожил сыщик. Видимо, киллер поджидал мужчину при выходе из комплекса. Девицы, испугавшись, убежали. Но найти их будет нетрудно. Есть имена. Да и приметы, опять же, хорошие. С этими мыслями сыщик подошел к следователю прокуратуры, оформлявшему протокол осмотра места происшествия.

— Ну и как? Каковы первые ощущения? — с почти отеческой улыбкой спросил Зайцев.

Следователь — ну совсем еще пацан — ответил:

— Чисто заказное убийство, похоже. Документы, деньги — все на месте. Сумма в бумажнике — немаленькая. Полторы тысячи евро. Двести долларов США. Двадцать две тысячи рублей.

— Нехило! — присвистнул сыщик.

— Версия ограбления сразу отпадает. Другие мотивы убийства надо искать. Нужно побывать у него на работе.

— А у вас что? — обратился к сыщику следователь.

— Да обычное посещение сауны с двумя девками. Проститутки, которых, по-видимому, сама администратор клиенту и подложила. С ее слов, убитый приехал в оздоровительный комплекс с девицами без пятнадцати двенадцать. Заявку сделал по телефону. Резвился тут до пяти утра. Ушли они вместе. Думаю, что, когда мужчину убили, девчата испугались и убежали. Сегодня займусь ими, найти будет не трудно. Приметы есть. Сейчас пойду поговорю с водителем мусоровоза. Правда, не думаю, что он скажет что-то новое и интересное для нас. «Ехал, увидел, остановился и т. д.». Примерно так, наверное, и будет.

Зайцев оказался прав на все сто.

— Ехали, увидели, позвонили, — в один голос отвечали Иваныч и Коля. А еще они попросили быстрее их отпустить, так как мусор нужно отвезти. Их отпустили, и мусоровоз двинулся в сторону городской свалки, до которой было около часа езды. Кузьменко молчал в дороге, хотя ему очень хотелось выговориться по поводу произошедшего. Но Коля, усевшись в кабину, тут же задремал, его, по-видимому, убийство как-то даже расслабило, потому что он даже похрапывал. После увиденного заснуть мог человек либо с крепкими нервами, либо с очень низким порогом возбудимости нервной системы. Но Кузьменко не стал вдаваться в анализ психики напарника. Он стал анализировать свою жизнь. Это было ближе и более знакомо. Иваныч думал о том, что мог бы стать, как и этот капитан, сыщиком. И был уверен, что у него это неплохо бы получалось, имеется в виду расследование всяких преступлений. Но он стал мусорщиком, а не сыщиком. Увы...

Кузьменко представил, что участвует в разоблачении крупной мафиозной группировки, торгующей людьми и наркотиками. От этих фантазий у него даже защемило в груди, но на горизонте показалась свалка. «Вот она — «моя мафия», — с тоской подумал Иваныч. Он толкнул в бок Николая:

— Прибыли. Просыпайся, помощничек. Будем разгружаться.

Разгрузившись, они покурили и отправились за следующей партией мусора. На пути в город первым заговорил Николай:

— Знаешь, Иваныч, я тут все думал, а ведь я этого мужика, которого грохнули, где-то видел.

Кузьменко рассмеялся:

— Ну ты даешь! Где ты его мог видеть? Наверное, в ресторане рядом за столиками сидели? Или в казино? А может, устриц в Париже ели на Елисейских Полях?

— Нет, Иваныч. Конечно, я устриц с ним не ел. Но где-то я его видел, это точно. Память у меня, кстати, ништяк. Мне об этом даже в армейке говорили. Я вот все время вспоминаю где, — авторитетно заявил Коля.

— Интересно, — пробормотал Кузьменко.

Они сделали в этот день еще один рейс на свалку, разговор о трупе возник еще раз. Но Николай так и не мог вспомнить, где он встречал погибшего.

После обеда капитан Зайцев беседовал с девушками-проститутками, обслуживавшими убитого. Нашел он их без особых усилий. Обе были невысокого роста. Одна тощая, как жердь. Другая более упитанная, даже пухленькая. Они быстро стали рассказывать, как все было. Их в составе шестерых девушек доставили в оздоровительный комплекс. Клиент выбрал двоих. Они обслуживали его с 24 часов до 5 утра. Когда они выходили из комплекса, мимо проезжала легковая машина темного цвета, из которой раздался хлопок, после чего их клиент упал на асфальт. Они, естественно, испугались и побежали.

— Но, насколько мне известно, как правило, вас забирает сутенер или водитель фирмы. Почему в этот раз вышло по-другому?

— А ничего особенного. Он заказал нас на сутки. Мы должны были ехать куда-то еще. Развлекаться.

Как сыщик ни старался, но уточнить у девчонок марку машины, кто в ней сидел, не смог. Этого они никак не могли вспомнить.

— Девчата, девчата... Бросайте вы эту работу. Ведь совсем молодые еще. Найдите себе занятие более достойное, — попытался повоспитывать их Зайцев. А те только усмехались...

Ровно через неделю следователь прокуратуры Юрий Соснин получил заключение баллистической экспертизы. В ней прямо указывалось, что

убийство совершено из пистолета марки «Кольт-Браунинг» 45-миллиметрового калибра...

На рабочей встрече с капитаном милиции Зайцевым следователь был немного обескуражен:

— Это у нас на сегодняшний день единственная зацепка. Что думаете по этому поводу, Владимир Ильич?

Зайцев выслушал следователя и ответил:

— Дело непростое. Зацепок почти никаких. Проститутки ничего не прояснили. Опрос других свидетелей тоже ничего не дал. Похоже, мой юный друг, мы плавно заходим в тупик. Я с тобой согласен, нужно вплотную заняться этим пистолетом. Может, он где-то еще проходит. По другим преступлениям по России.

Сыщик немного призадумался:

— Насколько мне известно, киллеры пистолетом «Кольт-Браунинг» пользуются очень редко. Я так и вообще не припомню таких случаев. Наверное, надо сделать запрос в Главное управление Уголовного розыска МВД России, Главное экспертное управление МВД, а также, по-видимому, в Интерпол. И где-нибудь да и проявится эта чертова пушка.

Высказав свои мысли следователю, Зайцев получил согласие с его стороны на запросы.

— Да, еще одна информация, — вспомнил Зайцев. — Вчера звонил водитель мусоровоза Кузьменко. Тот самый, что обнаружил труп. Так вот он со своим напарником Павловым утверждают, что убитый был связан с кем-то на свалке. С кем конкретно, они сказать не могут. Я проверю эту информацию, результат тебе доложу.

— Действуйте, Владимир Ильич. Мое дело закреплять полученные улики. Удачи вам. До встречи.

— Пока.

Попрощавшись со следователем, Зайцев отправился в офис погибшего Инюшина. Предварительно собрав всю информацию о его бизнесе. Начинал Инюшин с кооператива, будучи совсем молодым, еще в горбачевские времена. В лихие девяностые сумел урвать кусочек собственности в системе общепита и стал одним из ведущих рестораторов Санкт-Петербурга. На момент убийства имел в собственности четыре ресторана, семь кафе и большую теплицу под Санкт-Петербургом, снабжающую его заведения круглый год свежими овощами. Бизнес Инюшин начинал с двумя приятелями — некими Орловым и Киселевым. Но, как водится в России, что-

то они не поделили и разругались напрочь. Удачливее всех оказался Инюшин. Он выдал бывших друзей из бизнеса и стал единоличным хозяином сети ресторанов и кафе Best, которая приносила нехилую прибыль.

Офис компании Best находился в центре города, что говорило о многом. Двухэтажный особняк в стиле ретро с красивой оградой из литого чугуна. Архитектурной ценности дом не представлял, но зато подтверждал, что компания процветает и хозяин ее — человек серьезный. Мордатый охранник на входе в особняк был предупрежден о визите сыщика. Поэтому открыл ему узорную чугунную дверь, едва тот подошел к офису. Правда, предъявленное удостоверение изучил внимательно. После чего по рации связался с начальником службы безопасности. Сыщик вошел на территорию только после разрешения, данного охраннику начальством. «Как в бункере у Гитлера, честное слово, — отметил сыщик. — А может, просто понты. Такое тоже мы видели. И не раз».

В офисе его встретил начальник службы безопасности. Одет он был в дорогой темно-синий костюм, дорогой галстук, модные туфли. «Выходец из спецслужб. Не иначе», — отметил сыщик.

— Вас ждет наш генеральный директор, — с каменным выражением лица обратился к Зайцеву бывший особист.

— Да. Я договаривался через секретаря.

— Пройдемте.

— Спасибо.

Проходя через офисные помещения, Зайцев обратил внимание на интерьер: интересные вазы, расписанные «под Пикассо», — женские улыбающиеся лица и извивающиеся фигуры. На стенах — такие же картины.

В приемной сидели трое. Две молодые красивые женщины и парень не старше тридцати лет. Этот парень и завел Зайцева в приемную генерального директора. Им оказалась... тоже молодая женщина около тридцати — тридцати пяти лет, что просто обескуражило бывалого сыщика. Классический серый костюм очень шел к ее голубым глазам. На пальце правой руки у женщины было шикарное кольцо с большим голубым топазом, что тоже чертовски шло к ее глазам.

— Римма Николаевна Светозарова, — представилась хозяйка кабинета, сдержанно улыбаясь.

— Капитан Зайцев, — ответил сыщик, подумав про себя, что повода для улыбки у генерального директора в общем-то быть не должно. Вслух же произнес:

— Какой красивый генеральный директор у фирмы Best.

— Спасибо. Хотите кофе, чай?

— Спасибо. Кофе.

— Так что вас привело к нам? — уже серьезным голосом спросила директор.

— А вы, Римма Николаевна, не догадываетесь? Я занимаюсь расследованием убийства хозяина вашей фирмы Инюшина. Как вы думаете, чьих рук это дело? Кто бы мог его убить или заказать?

— Понятия не имею. Хотя врагов у него хватало. Ресторанный бизнес — сложный и тяжелый. Даже расстрельный. Лет пять назад, когда шла борьба за передел собственности, Иван Капитонович выжил... И преуспел, а теперь, когда наступила какая-то стабильность, его убили.

Светозарова, рассматривая свое кольцо, опустила глаза, обдумывая следующую фразу.

— Иван Капитонович был жестким человеком. Но по-другому и нельзя. Конкуренты раздавят.

— И поэтому он выжил своих друзей из бизнеса? Киселева и Орлова?

— Ну что вы... Все было полюбовно. Они получили очень неплохие отступные. Повторяю: очень. В твердой валюте. Им-то как раз жаловаться было не на что.

— А они могли заказать Инюшина? В порядке мести? Да и деньги, знаете ли, все-таки деньги — не часть бизнеса.

— Нет, они понимали, что лидером в бизнесе был Инюшин. Самостоятельно они бизнес вести не могли. Нет, заказывать Инюшина они не стали бы. Не те люди.

— Ну почему же... Как раз такие люди, которые самостоятельно ничего не добиваются в жизни, и идут на подобные преступления.

— Выпить, соблазнить молоденьких дур — это они еще могут, а убийство заказать... На это они не способны. Вы, когда их увидите, сами все поймете. Когда Инюшин выдал им приличные суммы, они могли бы открыть свое дело... Но ничего не сделали. Для бизнеса нужны талант, хватка. Этого нет — ни у одного, ни у второго.

— А какие отношения были у вас с Инюшиным.

— Хотите знать, спала ли я с боссом? Спала. Он ушел от жены из-за меня.

Открылась дверь, и молодой человек из приемной поставил на стол поднос с кофе.

— Спасибо, — сказала Светозарова, обращаясь к помощнику. — Алешенька, не соединяй меня ни с кем, пожалуйста, — серьезный разговор. Угощайтесь, товарищ следователь.

— Благодарю. Скажите, а бывшая жена Инюшина? Она могла бы заказать его? Из-за ревности, к примеру. И где она сейчас?

— Как-то я спросила Ивана о жене, но он зло так ответил: «Не спрашивай о ней никогда. Она столько мне крови испортила в борьбе за ребенка, что я знать ее не хочу». Пропала она куда-то, и я не знаю, что с ней. Мне это не особенно интересно.

— А когда они расстались?

— Лет пять назад. Последний разговор о ней был уже после суда, когда Инюшин все-таки отбил у нее ребенка.

Сыщик, отдав должное отличному кофе, решил отвлечься от основной темы разговора:

— Римма Николаевна, я обратил внимание на интерьер вашего офиса, вашего кабинета. Такие вазы интересные, картины... Кто этим занимается?

Светозарова почти самодовольно улыбнулась:

— Я. Я сама разрабатывала и оформляла интерьер. Люблю все красивое и необычное. Пикассо люблю. Когда бываю за границей, ищу в музеях его работы. И не только его. Вот посмотрите.

Директор встала. Встал и сыщик. Подошли к картине.

— Виктор Рар. Малоизвестный художник. Из Европы. Какой осенний пейзаж. Выполнен, видите, какими яркими желтыми и голубыми красками. Что скажете?

— Скажу откровенно. Не впечатлен. Как-то не особо трогают абстрактные вещи. Круги, эллипсы, геометрические фигуры. Уж простите — не мое.

Зайцев подошел к другой картине:

— А вот эта мне нравится.

Там в серых тонах изображен был кот, смотревший большими круглыми глазами на сыщика.

— А ведь это один и тот же художник, — снисходительно заметила Светозарова и вернулась за свой стол. Зайцев тоже подошел к столу.

— Римма Николаевна, а где бы я мог побеседовать с начальником вашей службы безопасности?

— У него в кабинете. Вас туда проводят.

— Спасибо. Спасибо — и до свидания.

Побеседовав с начальником службы безопасности, Зайцев ничего нового для себя не открыл. Но он и не рассчитывал на что-то иное. Вышел из офиса и подумал: «Светозарова вполне могла заказать своего любовника и шефа. Мотив отличный — стать полновластной хозяйкой бизнеса. Хотя и бывших компаньонов нельзя сбрасывать со счета. Да еще и бывшая жена. У этих был мотив — месть. Мечь — вещь страшная. Да, работать и работать по этому делу, товарищ капитан».

Часть вторая

Глава IX

28 декабря 2008 года. Мексика. Мехико.

Ухоженная женщина лет за пятьдесят, с короткой стрижкой крашенных волос, красивым лицом, на котором большие печальные синие глаза смотрели так грустно, что казалось — она вот-вот расплачется, сидела в холле дорогого отеля. Ровно год назад она была в этом городе вместе с тем, кого любила...

Юлия Федосеевна Перкуль, так звали женщину, прилетела из России в далекую Мексику с одной целью — навестить этого друга. Жила она в России, в небольшом поселке Су-Псех под Анапой. Курортное место, красивый особняк, море — рядом.

Из отеля она заказала такси, а потом с автобусной станции, разумеется, на автобусе поехала до Акапулько. Там она должна была встретиться со своим возлюбленным.

Легкий комфортабельный автобус класса люкс ровно в 10 часов, точно по расписанию, выехал из Мехико в Акапулько. Водитель автобуса, молодой красавец-мексиканец, на чистом английском языке через микрофон сообщил, что транспорт проведет в дороге пять часов. Обслуживала пассажиров молодая девушка, входившая в бригаду автобуса. Ее звали Марсия. Она сразу предложила пассажирам напитки. Перкуль вежливо отказалась. Удобно расположившись в откинутах назад кресле, она смотрела в окно. Автобус пересек огромный Мехико, город, растянувшийся на многие и многие километры. Мегаполис с многомиллионным населением, один из самых больших городов мира. С высоты полета авиалайнера ночью он представляет

собой не море, а необозримый океан огней. Город с таким богатым трагическим прошлым. Древний Теночтитлан, уничтоженный Кортесом и возродившийся вновь. Город нищеты, грязи и богатства. Это история не только Мексики, это история мира.

Перкуль удобно устроилась в откинувшемся кресле, закрыла глаза и погрузилась в свое прошлое. Ее детство началось не в особняке у моря, а в бараке небольшого далекого городка в Вологодской области. В семье было пятеро детей. Каково было родителям, выбивающимся из последних сил, чтобы прокормить, одеть и поставить на ноги этих пятерых! Но, как и у всех простых людей в то время, дети эти выросли и окончили школу. Тогда у Юлии Федосеевны была другая фамилия. И она, ныне Перкуль, училась в советской школе. Влюбилась в одноклассника, жившего с нею в одном бараке. Вышла рано за него замуж и промучилась с ним пять лет. Терпела все эти годы унижения, его жлобство и жадность. Но потом нашла в себе силы и ушла от него вместе с маленькой дочкой. Решила начать новую жизнь. В общем-то, обычная история. Она уехала в областной центр, устроилась на мелкую административную должность в местный драматический театр. Зарплата маленькая — проблем миллион. Спивающиеся провинциальные актеры ухаживали за ней. Но любви не было и в помине.

Когда Юлии исполнилось всего тридцать семь лет, она потеряла дочь, которая поехала поступать в театральное училище в Москву. Не поступила, осталась в Москве и через год погибла трагически.

Перкуль открыла глаза. Огромный Мехико был позади. Дорога шла среди красивых невысоких гор, автобус проезжал по мостам, пересекавшим небольшие горные речушки. Красивые пейзажи сменяли друг друга за окнами. Подошла стюардесса Марсия и предложила чаю. Перкуль, улыбнувшись симпатичной девушке, согласилась. Отхлебывая вкусный чай, Перкуль вновь погрузилась в воспоминания. До чего же тяжелая была у нее жизнь.

«А бывает ли она легкой?» — думала женщина. Маленькая однокомнатная квартира на первом этаже пятиэтажной хрущевки, нищенская зарплата. Юбилей с водкой и селедкой в этой же квартирке среди сослуживцев по театру. Когда гости расползлись, юбилярша сидела и ревела белугой: «Вот он — итог жизни!» Впрочем, у нее были все основания горевать. После этого «праздника» ее стали посещать мысли о самоубийстве. Теперь голова ее была занята вариантами возможного «наложения рук». Отравиться? Газ? Может, повеситься? Морально она готова была к любому варианту. Оставалось продумать детали ухода. И тут от профсоюза ей выделили путевку в санаторий. В Сочи! Никогда она там не была. Отказываться было просто глупо...

Стоял сентябрь 1995 года. Бабье лето. Море теплое, а зноя нет. И фруктов полно. Наплыва отдыхающих тоже уже не было. И вот она — тут, на курорте — увидела ЕГО. Он был единственным среди отдыхающих в их санатории, кто являлся к завтраку, обеду и ужину в элегантном светлом летнем костюме, в красивых туфлях. Такого мужчину невозможно не заметить! Возраст за пятьдесят, но выглядел весьма моложаво. Подтянутый, выше среднего роста. Коротко постриженные, тронутые сединой волосы. И усталый взгляд. Это единственное, что портило этого потрясающего мужчину. Юлия сразу решила: «Наверное, из новых русских. У них обычно рядом должна быть девушка с длинными ногами и глупым личиком. Но что-то не видно такой. Интересно и удивительно».

Люба, соседка по номеру, сразу заявила, что такой мужик должен принадлежать, хотя бы на время, ей. У нее был богатый опыт курортных романов, поэтому в своих силах она не сомневалась:

— На отдыхе мужики хотят расслабиться и забыть про своих жен и секретарш. Они хотят полноценного о-т-д-ы-х-а. И как им помочь, я знаю. Знаешь, у меня был такой роман с главным инженером одного крупного завода. Такой роман! До сих пор мурашки по телу, как вспоминаю. А были с ним мы всего-то три ночи. Три! Но что это были за ночи — ах! А этот наш очень похож на него. Такой же усталый взгляд. И тоже хочет тут расслабиться.

— Возможно, ты и права, Люба, — грустно отвечала Юлия. — Но я думаю, что он женат, и любовница у него есть, а здесь он просто решил здоровье поправить. Видимо, работа сложная.

— Ну-ну. Посмотрим. Давай поспорим на хороший коньяк, что он будет моим. И очень скоро, — не сдавалась Люба.

— Давай. Почему бы и нет, — соглашалась Юлия.

Вечером в баре Люба подошла к нему:

— Добрый вечер. Не угостите даму сигареткой? Меня зовут Люба.

Мужчина, еле взглянув на даму, молча пододвинул пачку сигарет. Люба не смутилась:

— А огонька?

Мужчина молча поднес огонь.

— Спасибо! — поблагодарила «знойная женщина».

Мужчина кивнул. В этом кивке было: «Ты мне неинтересна. Уходи». Но, упрямая, она, затянувшись сигаретой, вновь обратилась к мужчине:

— Вы так всегда холодны с женщинами?

Тот молча взял свою пачку сигарет и... вышел из-за стойки бара, направляясь к выходу. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Люба проиграла коньяк.

— Видимо, мужик не от мира сего, — сделала она «экспертное» заключение.

— Не от мира курортных романов, — поправила ее выигравшая спор соседка.

На следующий день Юля гуляла после обеда. Гуляла по дорожке среди соснового леса. И гуляла, как всегда, одна. Ей нравилось кормить белок, сидеть на лавочке, думая о себе, о жизни, которая проходила мимо, мимо, мимо... В тот день погода была солнечная, и немолодая женщина, сидя на лавочке, даже задремала немного и была напугана, когда вдруг услышала:

— Что же вы тут одна сидите? Не скучаете?

Перед ней стоял ОН. В светлых брюках, темном пиджаке, легком светло-голубом свитере.

— Знаете, а одной даже приятнее — никто думать не мешает.

— А я и не буду вам мешать. Просто посижу рядом. Тоже подумаю. Вы не против?

— Пожалуйста, присаживайтесь.

— Меня зовут Виктор, — как-то по-простому представился мужчина.

— Юлия, — так же просто ответила женщина.

— Вот и познакомились. Очень приятно.

Юлия была ошарашена происходившим. Он. Подошел. Первым. А вчера с Любой даже разговаривать не стал...

Они немного посидели. В молчании. Потом он произнес:

— А вы не составите мне компанию на отдыхе? Я тут уже несколько дней, и хочется с кем-то просто сидеть и молчать.

— ??? — Юлия была не просто удивлена, она не верила своим ушам. Ей предлагали компанию на отдыхе! И кто предлагал! Да... Она покорно отвечала, что совершенно не против — вместе сидеть и молчать. Именно с этого и началось их знакомство. Именно это вспоминала Юлия Перкуль, сидя в автобусе класса люкс, направлявшемся в Акапулько...

Вечером того же дня они сидели вместе в баре, пили какое-то невероятно дорогое сухое вино. Люба, увидев эту картину, изменилась в лице настолько, что постарела на несколько лет.

Юлия рядом с таким мужчиной чувствовала себя уверенно. И совершенно спокойно. В нем ей нравилось все. И то, как он говорит, как одевается, как держит себя. Она обратила внимание на его красивые... уши. Именно уши вызывали в ней какое-то новое чувство к этому мужчине. Очень сексуальное чувство. Впервые за свои сорок пять лет, а для женщины это серьезный возраст, она ощутила нечто подобное. Она была уверена, что уже в этот вечер будет в его постели. И ждала этого. Но... после бара он проводил ее в комнату, поцеловал руку, пожелав спокойной ночи. Но какое уж тут спокойствие? Она ожидала вполне конкретного предложения, от которого и не собиралась отказываться. Однако предложение поступило. Правда, лишь через неделю их знакомства, когда она уже решила, что с мужчиной... не все в порядке. В тот вечер они сидели в баре и даже потанцевали. Юлия ждала прощального поцелуя — теперь уже, правда, в щеку — и традиционного: «Спокойной ночи».

Но Виктор вдруг резко притянул ее к себе, поцеловал в губы, потом расстегнул на ней пуговицы кофточки и стал целовать ее грудь. Как мальчишка. Прямо в холле.

— Ты будешь моей? Хотя бы сегодня?!

Она ждала этих слов целую неделю, уже не надеясь их услышать.

— Как я могу тебе отказать, когда я этих слов жду с того самого момента, когда впервые увидела тебя... Ты... ты — сумасшедший, — почти простонала она.

А он только сильнее прижал ее к себе, страстно целуя, прошептал:

— Пойдем ко мне. Ты ни о чем не пожалеешь. Поверь мне.

Она поверила. И ни о чем не жалела. Он оказался нежным и внимательным. Потрясающим любовником. Утром она лежала в его большой кровати номера люкс, и он принес сваренный именно для нее кофе. Она была просто на седьмом небе от такого внимания. По ее щекам покатались — сами собой — слезы, потом начались рыдания.

— Юлечка? Я чем-то обидел тебя?

— Что ты, я просто счастлива. Знаешь, просто счастлива. Спасибо тебе.

— Знаешь... Я тебе предлагаю такой вариант. Отныне ты — моя женщина. Если, конечно, ты не против? И так будет не только здесь, на отдыхе. Кроме

кофе в постель, у тебя будет много чего другого. Романтического и хорошего. Веришь?

И она верила каждому слову. Она готова была для него на все. Если бы он потребовал от нее невозможного, она пошла бы и на это. И он понял, что эта женщина сделает для него все и жизнь отдаст. Если нужно будет.

Отдых подходил к концу. И Юлия стала в последние дни совсем грустной, предчувствуя разлуку. Курортный роман... Но он, целуя ее, говорил, что не хочет с ней расставаться. Обещал приехать. К ней в Вологду. Она не верила:

— Да что ты. Я — взрослая женщина, понимаю, что у тебя своя жизнь. У меня — своя. Все, что произошло между нами, — уже произошло. Продолжения просто не может быть. Да и не нужно что-то продолжать, иначе все испортим. Нам было вдвоем хорошо. Для меня это вообще что-то нереальное. Знаешь, как метеорит, который горел, а упал на землю... И все.

— Нет, ты ошибаешься, ничего еще не сгорело. Все только началось, — отвечал он.

— Ну хорошо, хорошо, не сгорело, — успокаивала она его.

Где-то за два дня до отъезда она, лежа в его постели, спросила Виктора, чем он занимается, где работает. Странно. Но он не ожидал этого. Слегка даже побледнел, дернулись мышцы лица. Он стал нервно покусывать губы. Вопрос явно не понравился. Но быстро справившись с волнением, он широко улыбнулся и негромко произнес:

— Я — бывший работник уголовного розыска. Сейчас занимаюсь частным сыском.

Она от удивления даже охнула. Детективы были ее любимой литературой!

— Я всю жизнь мечтала встретить настоящего сыщика, — с обожанием произнесла она полупшепотом. — И вот... встретила. Да еще и влюбилась!

Виктор, волнуясь, а это чувствовалось, потому что он стал опять покусывать губы, спросил:

— Сыщик сам влюбился. А тебе... Тебе действительно нравится, что я детектив?

— Еще бы! Я просто поклонница всех авторов, которые пишут детективы. Я всегда их любила. Чейза — особенно. Да и других неплохо знаю.

— Да. Мы с тобой просто и коллеги еще в придачу, — рассмеялся он и стал горячо целовать свою женщину. Она отвечала ему с такой же страстью. И благодарила Бога за то, что послал ей эту позднюю любовь.

Вечером, гуляя по аллеям парка, он рассказал ей одно из своих дел, по которому работал. Рассказчиком он был просто потрясающим. Начал он свой рассказ, процитировав Достоевского: «Нет ничего проще, чем осудить злодея, и нет ничего сложнее, чем понять его».

Виктор произнес эти слова, помолчал и продолжил:

— С этим афоризмом я и иду по жизни. Вдумайся, Юлечка, в эти слова великого писателя, знатока человеческих душ. Почему человек идет на убийство, грабеж, насилие? Ведь он создание Господа! Не для преступлений нас Бог создал же. И я всегда, работая по тому или иному делу, пытаюсь понять смысл преступления, которое расследовал. Сейчас в качестве детектива, раньше — как сотрудник уголовного розыска.

В этом году, где-то в середине июля, в офис моего частного агентства обратилась немолодая уже женщина с просьбой найти убийцу ее дочери, умницы и красавицы, — Адашевой Розы Игнатьевны. Дочка работала в Шотландии преподавателем русского языка — в Эдинбурге, в одном из колледжей. Я спросил женщину, сможет ли она оплатить мою работу по этому делу. Она не производила впечатления обеспеченной дамы. Но она сказала, что все оплатит. Я удивился, но за работу взялся. Провел необходимые расспросы, узнал у нее подробности гибели дочери в далекой Шотландии. Но ей было известно не так уж и много. Светлана Потаповна, так ее звали, знала все в общих чертах. Убили ее дочь в рейсовом автобусе. Выстрелом, одним выстрелом из крупнокалиберного пистолета марки «Кольт-Браунинг» 45-миллиметрового калибра. Она сказала, что за два месяца полиция Шотландии не смогла найти убийцу, поэтому пришлось обратиться в мое агентство. Я, конечно, спросил, а что она сама думает об убийстве своей дочери. Она, не раздумывая, ответила, что считает убийцей мужа дочери. Но не российского, а шотландца. Питер Уотсон его звали. Почти Ватсон, да... Я спросил, на чем основывается ее заявление. Женщина подробно рассказала мне, как ее дочь вышла замуж за иностранца, надеясь устроить свою жизнь за границей. Но Пит оказался не тем парнем. Светлана Потаповна тогда, помню, разволновалась, достала носовой платок и стала вытирать слезы. Извинилась. Я же обратил внимание: как-то неискренне все она и говорит, и делает. Горе есть горе, но очень она себя вела неестественно. Напряженно. Ее рябоватое морщинистое лицо почему-то не вызывало у меня доверия. Не вызывало. А я очень доверяю своим ощущениям, возникающим при разговоре с людьми, знаешь. Они меня никогда не подводят. Она же еще раз подтвердила, что платежеспособна и оплатит мои услуги.

А расценки у меня солидные, надо сказать. Одни суточные только 200 долларов, плюс транспортные расходы, проживание в приличных отелях. В общем, набегала крупная сумма. Не считая премиальных в случае моего успеха.

Беседовал я с женщиной около трех часов. Все что мог узнал о погибшей и ее семье. После подписания договора и получения аванса меня удивило, что женщина тут же достала из своей сумочки приготовленные деньги и выплатила весь аванс. Это десять тысяч долларов США, Юля. Взяв деньги, я осторожно спросил, откуда такая крупная сумма у нее с собой.

И тут Светлана Потаповна совсем другим тоном ответила, что моя задача состоит в том, чтобы найти убийцу, а не выяснять ее финансовое положение. Но я так же твердо ответил ей: «Вы глубоко ошибаетесь. Если я приступаю к расследованию этого дела, то вы тоже можете быть подозреваемой в деле убийства вашей дочери. И меня в этом деле интересуют любые мелочи, уважаемая». Мой тон подействовал. И уже более дружелюбно и мягко она ответила, что получила страховку после гибели дочери, и это именно те деньги. Я тем же твердым голосом уточнил: «Какова сумма страховки?» Помявшись, она ответила: «Пятьсот тысяч долларов США». «О! Вполне приличная сумма. И это может быть мотивом для убийства», — сказал я.

Услышав эти слова, вся съежилась Светлана Потаповна. Ее бесцветные глазки сузились, и она скорее прошипела, чем сказала: «Найдите убийцу, и вы поймете, что вы не правы».

Она вышла. Я остался в кабинете один. По привычке, когда начинаю новое дело, я беру чистый блокнот. Взял блокнот и сделал запись: «Подозреваемая номер один в деле убийства Адашевой — ее мать, Светлана Потаповна Зимина. Мотив — получение страховки в пятьсот тысяч долларов США».

Уладив все дела с визой, я вылетел в Лондон и вечерним поездом отправился в Эдинбург. На вокзале взял такси и через некоторое время был в своем отеле Red Horse, что в переводе означает — ну да ты знаешь — «Красный конь». Интересный такой отель, надо сказать. Весь интерьер выдержан в красных тонах, на стенах картины и везде на полотнах присутствуют лошади. В моем номере висела репродукция картины Петрова-Водкина «Купание красного коня». Удивился я сильно. В Эдинбурге — и Петров-Водкин наш пролетарский! «Не отель, а музейная конюшня какая-то», — подумал я про себя и пошел принимать душ.

Спал я в ту ночь беспокойно. Обычно я не вижу снов, а тут снились лошади, охота и прочая дребедень. Да еще и в цвете. И, естественно, в красном. На одной из лошадей я куда-то мчался, она пыталась меня сбросить. Проснувшись, подумал: к чему подобный сон? Наверное, непросто будет работать по делу Адашевой. Но если вспомнить сон, то в седле я усидеть смог, значит, и убийство раскрою.

Через два часа я был в полиции, начал расследование. Мне пришлось заново отработать все версии местных полицейских, но ни одна не нашла подтверждения, я уже засобирился домой, в Россию. И тут мне на помощь

пришли... красные и рыжие кони. Сажу в баре своего отеля, значит, поздно вечером, потягиваю шотландское виски, его, кстати, настоящие ценители пьют без содовой. Это считается у них вообще дурным тоном. Виски если и разбавляют, то водой комнатной температуры. Ну, там вообще есть нюансы, о которых я узнал, когда забрел в магазин, а скорее даже в музей виски, когда бродил по Старому Эдинбургу. Но я отвлекся. И стало мне как-то грустно от неудавшейся поездки. Молодой бармен, видя мое это состояние, тихо так и говорит: «Вам грустно, сэр? Может, девушка скрасит ваше одиночество? Могу предложить. Недорого». Я отказываюсь — проституток не люблю. Бармен пожимает плечами и отходит от меня. А я допил виски, рассчитался и вышел на улицу. Но и в отель идти не хотелось. Я шел просто по улице. В одном из ресторанчиков, что подвернулся на моем пути, звучала музыка — хорошая музыка. Я решил зайти. Сел за столик, заказал виски и салат из морепродуктов. За роялем сидел немолодой с пышной и седой шевелюрой мужчина в белом костюме. Неплохо играл знакомые вещи — мелодии Леграна. Я взглянул на висевшую на стене картину. Художник был мне неизвестен. На картине ярко-красный конь прыгал, а может, падал в пропасть. Я стал более внимательно ее рассматривать. Охваченный пламенем конь изображался в прыжке над пропастью. Упадет? Наверное. Картина называлась «Самопожертвование». Я думал о своем деле. И тут меня осенило! А ведь Адашева сама заказала киллера. Такое тоже возможно. Эта версия никем не отработывалась. Женщина устала от жизни. От мужиков-козлов. Вообще — от мужиков. Иначе бы она не кинулась в объятия своей подружки по работе в колледже. Но самое главное — срочно нужны были деньги для лечения тяжелобольного сына Алексея. Такая версия пришла в мою седеющую голову, когда я рассматривал картину в ресторанчике. На следующий день я сдал билет в Москву и включился в работу по возникшей новой версии. И через неделю я вышел на убийцу. И он подтвердил все мои предположения. Адашевой пришлось сделать выбор между своей жизнью и жизнью сына. Она поступила так, потому что была матерью. Сыну нужна была операция стоимостью 250 тысяч долларов. Двенадцатилетний мальчик страдал редким заболеванием головного мозга. Мать решила эту проблему. Как смогла. Для нее другого выхода не было. По договору, киллер должен был убить ее рядом с королевским дворцом. Так решила Роза Адашева.

Раскрыв это преступление, я долго размышлял над поступком матери. Самопожертвование. Оно всегда вызывает уважение. Умереть и быть достойным. Сохранить уважение к себе. Плененные и обреченные на казнь викинги, чтобы продемонстрировать свое мужество, силу духа и презрение к врагам, добровольно просили сделать им «кровавого орла». Это самый жестокий вид казни. У жертвы разрубались и раздвигались ребра на спине, затем у живого еще человека вырывали легкие вместе с сердцем. Подготовленный к казни говорил: «Жертвуя жизнью, я показываю всем, что я человек, я умру. Это самое достойное, самое значительное, что я могу

сделать». Английский философ и моралист Томас Карлейль говорил: «Высшее счастье есть самопожертвование...»

Молоденькая бортпроводница Марсия прервала воспоминания Юлии Федосеевны Перкуль, пассажирки из России:

— Не хотите ли еще чаю?

— Да, с лимоном и без сахара.

— Бутерброд приготовить?

— Нет, спасибо.

Марсия, улыбнувшись, отошла. За окном открывался великолепный пейзаж. Мексиканские горы. Почему-то раньше в связи с Мексикой Юлия думала о пустыне и кактусах. Горы никак не входили в это представление. И это очень приятно удивляло. Но и кактусов было много. На склонах гор. Они, как деревья, располагались рощами. Или как там называются их скопления? Формы у кактусов были настолько причудливы и многообразны, что рассматривать это великолепие было очень интересно. Деревья тоже, конечно, встречались, но куда им было до кактусов!

Автобус легко шел между ущельями. Перкуль вновь вернулась в свои воспоминания...

Глава X

Через три месяца после расставания в санатории она получила от Виктора приглашение приехать в Анапу. Он хотел встретить Новый — 1996-й — год вместе. Он примерно позаботился о своей женщине. Выслал ей довольно крупную сумму денег. Столько денег она не держала в своих руках никогда в жизни. Вместе с приглашением она получила корзину великолепных белых роз. Само приглашение было записано на видеокассете. Своим живым голосом Виктор обращался к Юлии с единственной просьбой: приехать. Рядом с ним сидел пес породы колли. «Дорогая моя, мы с Гарвеем ждем тебя. Очень ждем».

Затем на кассете был показан дом, выстроенный в классическом стиле, с цветными витражами на больших окнах. Даже на первый взгляд дом очень впечатлял. Затем вновь появилось лицо хозяина дома. Улыбаясь, он произнес: «Юлечка! Дорогая, жду тебя. Целую».

«За что мне все это? Почему не раньше?» — Юлия заплакала. Но теперь — от счастья.

Через неделю Юлия вылетела в Анапу. Виктор встретил ее с букетом белых роз.

— Я рад, что мы вместе. Гарвей тоже будет рад, — нежно прошептал он ей на ухо, обнимая.

— Спасибо, дорогой мой. Я счастлива, что встретила настоящего мужчину.

Он поцеловал ее и проговорил:

— А в машине тебя ждет сюрприз.

В черном «Мерседесе» ее ждал Гарвей. Выйдя из машины, когда Виктор открыл дверцу, пес подошел к Юлии, осторожно обнюхал, поднял голову, стал рассматривать. Все это длилось не более трех минут. Потом он завилял хвостом, лизнул ей руку. Он признал в женщине друга. Она ласково погладила его по голове. Пес был доволен — казалось, он улыбается. Виктор наблюдал за происходящим:

— А ведь ты первая, кого он признал из женщин. Я знал, что не ошибся в тебе. Гарвей это подтвердил только что.

В машине Виктор рассмеялся:

— Я боялся, что Гарвей не примет тебя из ревности. Как я рад, что ошибся.

Юлия сидела молча и думала: «Неужели это я еду в такой шикарной машине, еду в роскошный дом такого мужчины. Боже! Наверное, это все сон».

Виктор взял ее за руку и прошептал:

— Ты правильно сделала, что прилетела ко мне. Не сомневайся.

Через минут двадцать они были у дома, который Юлия уже видела. На кассете. Но то, что она увидела наяву, превзошло все ожидания. Великолепные ухоженные лужайки, цветники. А дом! Нет, это настоящий дворец в классическом европейском стиле. Все это настолько поразило Юлю, что она и слова не могла молвить. Но подумала: «А ведь я могу стать хозяйкой в этом дворце. Не просто ведь он меня пригласил».

Они вошли в дом, Виктор провел ее в комнату, которая должна была стать ее.

— Можешь принять ванну, а через час встретимся за обедом.

Юлия приходила в себя от увиденного. Осмотрелась. Замечательная комната. На стенах картины. «Он предпочитает классическую живопись, это видно». На одной из картин была изображена купающаяся в озере женщина, на берегу ее ждала породистая собака. «Подлинник. Где-то конец XVIII или начало XIX века. Автор мне неизвестен. Незнакомое имя. Да... Красиво».

Ванная комната тоже была достойна всего дома. Стены и пол выложены зеленоватым кафелем. Краны с позолотой. Мягкие пушистые коврики,

халаты, полотенца. Все это вызывало и восторг, и чувство небывалого комфорта. Юлия с грустью подумала: «А моя квартира размером, как ванная...»

Через час в красивом платье под цвет голубоватых витражей дома, с хорошо уложенными волосами, с неброским макияжем она встретила Виктора.

— Ты очаровательна. Пойдем к столу.

Они вошли в зал, служивший столовой. За столом их обслуживала женщина пятидесяти с небольшим лет — Клавдия. Увидев Юлию, она даже не улыбнулась. Еще бы! Хозяин в дом привел женщину в возрасте. И не какую-то малолетку, а вполне серьезную даму. Юлия спокойно, отметив про себя реакцию Клавдии, прошла к столу.

На обед было подано множество закусок и огромная фаршированная щука. Разумеется, красное вино — и, вероятно, умопомрачительно дорогое. Все было вкусно и замечательно. Говорил за столом в основном Виктор. После обеда они пошли к морю. Был конец декабря — не до пляжных радостей. Но зимнее море тоже великолепно. Юлия была счастлива. Ей нравилось абсолютно все. Потому что рядом был ЭТОТ мужчина! Ночью в постели она шептала ему слова благодарности.

А через два дня они встретили 1996 год. Их было трое. Гарвей тоже сидел рядом у стола. Когда часы пробили двенадцать, Виктор достал из кармана красную коробочку и протянул своей женщине:

— Это тебе. Новогодний мой подарок.

— Спасибо, — только и могла она произнести, открыв коробочку, где лежало кольцо с большим бриллиантом.

Виктор подошел к ней, обнял, целуя в губы:

— С Новым годом! Будь счастлива, милая!

— С Новым годом! С новым счастьем! — ответила, возвращая ему поцелуй.

Гарвей, лежа на ковре, наблюдал за ними. В собачьих глазах отражался свет новогодних свечей. Он тоже был счастлив, он все понимал. И, кажется, немного завидовал хозяину...

Первый день нового года они провели втроем, гуляя по берегу моря. Им было хорошо вместе. Ближе к вечеру на полянке около дома Виктор сам приготовил шашлыки. Так закончился этот день. На следующий Виктор проснулся рано. Юлия сразу почувствовала это. Виктор, обняв ее, проговорил, что сегодня улетает по делам — в командировку.

— Оставайся здесь, милая, если хочешь.

— Ты улетаешь... Это надолго?

— Боюсь, что месяца на два. Это моя работа. За которую мне платят большие деньги. А тут ты ни в чем не будешь нуждаться. Деньги я тебе оставляю.

— Но ведь я к тебе прилетела. Понимаешь? К тебе. При чем тут деньги? Мне ты нужен. Не твой дом, не твои деньги, а ТЫ!

— Я ценю твое отношение ко мне. Знаю, что ты меня любишь. Но чтобы красиво жить, мне нужно много работать. С этим, дорогая, придется считаться.

Он улетел. Сразу после обеда. Куда — не сказал, так как сам точно не знал маршрута. «По следу преступника. У меня новый клиент», — так он все объяснил. И Юлия с Гарвеем осталась на два месяца в этом замечательном доме.

Виктор звонил часто, но где он и чем занят, не говорил. «Работаю. Скучаю. Целую».

Вернулся он к марту. Она встретила его и осыпала ласками.

— Уставший какой! Как поработал?

Его глаза сверкнули как-то незнакомо. Лицо немного изменилось при этом вопросе.

— Все нормально. Не будем об этом. Когда посчитаю нужным, сам расскажу.

— Хорошо, — согласилась она. — Не будем.

Потом добавила:

— Я люблю тебя, мой детектив.

Виктор вздрогнул при этих словах:

— Слушай, я такой голодный! Покормишь меня?

— Конечно. Все уже давно готово. Принимай душ. Я жду тебя в столовой.

За столом Виктор опрокинул стопку водки, поел и, разомлев, почти промурлыкал:

— Как хорошо дома... Как я устаю после этих поездок — тебе лучше и не знать. Но работать надо. Пока силы есть.

Гарвей, сидевший рядом, слушал голос хозяина, не сводил с него глаз. Хозяин потрепал его за холку:

— А пойдёмте к морю, а? Погуляем. Воздухом подышим.

Гарвей радостно завилял хвостом, повизгивая.

После прогулки Виктор, целуя Юлию, повел ее в спальню...

Через два дня, 8 марта, рано утром Юлия проснулась и увидела рядом с кроватью корзину чудных белых роз.

— С праздником! — улыбаясь, подмигнул Виктор и поцеловал ее.

— Я предлагаю тебе на две недели отправиться в Италию. Ты не против? Ты не против путешествия в моей компании? Рим, Флоренция, Милан, ну и так далее. А? Что скажешь?

— А что тут еще можно сказать? — закричала она, как школьница, которая вдруг узнала, что она на самом деле принцесса, вскакивая с постели. — Тут можно только согласиться!

И на следующий день они вылетели в Рим. Это были их «римские каникулы». Они побывали в соборе Святого Петра, увидели знаменитую «Пиету» Микеланджело. Какое невыразимое горе в лице Богоматери, потерявшей сына! Какая она хрупкая, нежная. Как трудно ей держать на своих коленях Христа. Юлия, потерявшая когда-то дочку, долго стояла рядом с этим величайшим творением великого мастера, охраняемого от ненужных прикосновений стеклянным куполом.

«Как можно было посягнуть на подобное чудо», — подумала она, вспоминая кретина, который пытался разбить эту скульптуру когда-то. Огромный мраморный собор был столь величествен, что человек терялся в нем. Посетителей было множество, но мрамор поглощал звуки: не было шума, не было голосов. И можно было ощущать себя наедине с Господом. Обойдя собор, Юлия вновь вернулась к «Пиете». Глядя на Мадонну, она вспомнила свою жизнь, слезы потекли по ее щекам. Она не замечала этого. Виктор подошел к ней и тихонько вывел из собора.

— Юля, я все понимаю, но давай не будем уходить в прошлое. Будем жить сейчас.

— Да, конечно. Ты... извини меня. Я больше не буду. А у нас с тобой прекрасное настоящее.

Они гуляли по Риму, бродили по его улицам, сидели возле фонтана Треви, бросали в него монетки. За две недели в Италии они обошли все достопримечательности Рима, попали в Ватикан. Перед входом в это

государство у ворот стоят такие молодцы! Только разглядывая их, Юлия простояла около часа. Пока Виктор не отвел ее в сторону.

— А ты у меня шалунья — любительница красивых молодых мужчин, — пошутил он. — Ох, ревновать буду, — весело погрозил он пальцем.

— Самый лучший мужчина у меня уже есть. А на этих просто красивая форма, — рассмеялась она.

— Да, формы такой у меня нет. И не было. А у них одни головные уборы чего стоят! А штаны! — преувеличенно грустно ответил Виктор и будто сокрушенно вздохнул.

Побывали они во Флоренции — на денек съездили в этот чудный город. Сидели на площади Республики, пили капучино, поглазели на дом, в котором когда-то жил Данте Алигьери. В галерею Уффици не попали — была закрыта. Но зато видели представление уличных артистов. Прямо на площади они плясали, пели, дурачились, приглашая прохожих принять участие в представлении.

Две недели пролетели незаметно. Накупив массу красивого, загрузив память достопримечательностями, они вернулись домой. В начале мая Виктор снова уехал в командировку — ловить очередного преступника, как он сказал. И не было его все лето. Вернулся лишь в середине сентября. Опять уставший, с запавшими потускневшими глазами, какой-то весь вымученный. В подарок Юлии он привез подвеску в виде золотого сердца, усыпанного бриллиантами. Внутри сердца были сплетенные друг с другом змейки, одна из белого, а другая из желтого золота.

— Это мое сердце. Дарю его тебе. В нем ты и я. А вот кто есть кто, поймешь потом. Позже.

— А ты не хочешь сказать мне это сейчас?

— Нет. Я хочу, чтобы ты поняла это сама.

Потом был обед. Потом прогулка втроем по берегу моря. Этим прогулкам особенно радовался Гарвей. Вечером, когда они жарили во дворе шашлыки, Юлия спросила его о работе, поездке. Но Виктор сухо ответил, что на эту тему разговора быть не может. «Не время».

Ночью, лежа в постели, Юлия спросила, почему в дом не приезжают друзья Виктора. Он опять резко ответил, что в его доме никаких друзей, знакомых быть не может тоже.

— Если хочешь с кем-то встретиться, то я не возражаю, но не в моем доме. Это моя, понимаешь, моя крепость. К этому больше возвращаться не будем.

Юлия расплакалась:

— Но я ведь живой человек...

— Я сказал, что мы это не будем обсуждать, — сказал сухо, резко.

Но после этих слов нежно поцеловал ее:

— Ну... Ну разве нам плохо вдвоем?

— Нам хорошо, — ответила она.

— Ну вот видишь. И так будет всегда.

Когда Виктор опять отправился в очередную командировку, Юлия решила слетать к себе домой, уладить вопрос с продажей квартиры. Деньги от продажи она положила на свой счет в банке. Мало ли что может случиться... Теперь ее жизнь была связана с Виктором и подчинена ему. Она называла его «мой Мегрэ».

Глава XI

Где-то через год после очередной командировки Виктор вернулся как никогда уставший. Втроем они гуляли по берегу моря. Юлия чувствовала, что с ним что-то происходит. Каким-то холодом веяло от него. «Прямо чужой становится», — грустно думала она. Попыталась выяснить, что случилось. «Надо отдохнуть. Устал». Вечером после шашлыков они сидели у огня, Гарвей лежал рядом, иногда помахивал хвостом. Виктор вдруг произнес:

— Хочу рассказать тебе о последней командировке. Не могу это носить в себе.

Он выпил рюмку водки и начал:

— В этот раз я работал на краю света. Но в России. В Петропавловске-Камчатском. Там, помнишь, был убит генерал-майор пограничных войск Волков. Убили его в собственном подъезде. Местные менты ни черта не сумели. Не смогли выйти на убийцу. И вдова генерала наняла меня.

Виктор выпил еще рюмку водки.

— Ничего не скажешь — красивая женщина. Нора. Такое необычное имя у нее. Маленькая хрупкая шатенка. Глаза такие большие, серые. В разговоре со мной, знаешь: «Назовите сумму, в которую оцениваете вашу работу. Найдите убийцу». Я назвал. Она согласилась, не колеблясь, хотя сумма была о-о-очень приличная. И аванс внесла — как полагается. Я приступил к работе. Версий, как всегда, было предостаточно. Тут и рыбная мафия, и связи с

преступным миром, и любовница. Но все это было не то. Ни милиция, ни я на убийцу не вышли. Я в очередной раз встретился с вдовой. Попросил подробнее рассказать о последних днях жизни ее мужа. Она, грустно глядя на меня, сказала, что ее об этом уже не раз спрашивали следователи, прокуратура. Но я настоял и услышал, что генерал последнее время очень нервничал, так как решался вопрос о его переводе в Москву на вышестоящую должность. Но кто-то в Москве сильно этого не хотел. Я спросил вдову, знала ли она, кто препятствовал переводу в Москве? Но она этого не знала. И по всему выходило, что и сам генерал, видимо, тоже. Во всяком случае, ей ничего не говорил. Больше ничего нового для себя из разговора я не узнал. Я попросил женщину назвать друзей генерала: с кем учился, служил. На эту просьбу она отреагировала неожиданно. Стала нервничать, в ее глазах я вдруг увидел... испуг. В этом я и почувствовал возможную зацепку. Именно среди друзей генерала я и стал искать убийцу.

Вдове все-таки пришлось назвать — я постарался ее разговорить — людей, которые были близки с ее мужем. Начал с тех, кто служил с ним в Петропавловске, но, проверив троих, понял: надо искать в других городах России. Я вылетел на Сахалин, там продолжал службу бывший однокашник по училищу. Звали его Рябов Геннадий Львович. Полковник. Знаешь, настоящий такой полковник. Порода ощущалась во всем. Облик, выправка, речь. Разумеется, он оказался потомственным военным. Его дед и отец тоже служили. И тоже пограничники.

Беседу об убийстве Волкова мы вели в кабинете Рябова. Он достал бутылку хорошего коньяка, сам порезал лимон. Не приглашая секретаря. Выслушав меня, Рябов выразил свою готовность помочь мне в поисках убийцы. Он сразу сказал то, что я и так собирался услышать: «Подонка ищите среди хахалей его жены». Выпил коньяку и продолжил: «Она всегда была... в центре внимания. Красивая стерва. Я тоже был в нее влюблен. Когда еще с Волковым в училище учились. Да и не только мне она голову вскружила. Полкурса, почитай, готовы были за нее драться. Выбрала Волкова. Правильно рассчитала. Он в тридцать девять лет уже получил генеральские погоны, а она генеральшей стала. Чем все закончилось — знаете. Давай, детектив, за друга моего выпьем». Выпили мы.

Помрачнев, Рябов продолжил: «Я был у них на свадьбе свидетелем. Обычная курсантская свадьба. Пели, пили, плясали. Украла невесту, и я, как свидетель, бросился ее искать. Свадьба проходила в столовой. Я проверил все подсобки. Нет невесты. Решил спуститься в подвал. Зря я это сделал. Она... там с нашим взводным... с лейтенантом Слепцовым... на грязных каких-то мешках. В своем подвенечном платье, юбки задрала... Паскуда, блядь... Мне стало так поганно, веришь? Выбежал быстрее на воздух, приходил в себя минут тридцать-сорок — чуть не вырвало. Вот такое было дело».

Полковник опять выпил. «Когда я вернулся в зал, жених с невестой кружились в танце. Я даже запомнил песню — «Эти глаза напротив» Ободзинского... Хорошая была песня. Я смотрел на счастливого жениха. Как он любил ее! А она... Рысь! Рысь, добывшая лакомый кусок, но и от другого куска не отказавшаяся. Другу я ничего не сказал, конечно, — в такой-то день. Думал, расскажу позже, при случае. Но не решился.

Зато на вечере встречи по случаю десятилетия окончания училища я все высказал ей. И она все отрицала. Мне, который видел все, она лгала в глаза. Заявила, что это мой бред.

Волков первым на нашем курсе стал генералом. Я им гордился. Мы в училище его звали Степаша. Он по характеру, в общем-то, был добродушным человеком, не жлоб, не стукач. А вот как все получилось... С женой не повезло ему. Но это я так считаю. Он — царство ему небесное — может, и счастлив был с нею. Так что ты, детектив, найди убийцу. Очень тебя прошу».

Мы допили коньяк, полковник ответил на все интересующие меня вопросы. На прощание Рябов подарил мне сахалинский сувенир — зуб акулы, сказав: «Найди убийцу, детектив. Найди!»

А через сутки я был уже во Владивостоке. Меня принимал в своем кабинете заместитель командующего Дальневосточным пограничным военным округом генерал-майор... Слепцов Виталий Павлович. Тот самый взводный.

За массивным столом из хорошего дуба сидел хозяин кабинета. Крепкого телосложения мужчина в темных очках, в отлично подогнанной генеральской форме встретил меня. Я представился, он вышел из-за стола, протянул руку. Я почувствовал его крепкую, даже жесткую ладонь. Он спросил, что привело меня к нему. И глаза его прятались за темными стеклами.

«Я по просьбе вдовы генерала Волкова — расследую обстоятельства гибели. Вы были с ним близко знакомы. С ним и его женой». Генерал молчал, видимо, решал для себя, стоит ли вообще говорить об убийстве с частным детективом. Я в это время осматривал кабинет. На одной из стен висели кинжалы, стилеты, клинки и даже меч с тяжелой рукояткой. На столе стоял письменный прибор в виде пушки. Хозяин кабинета — человек военный. И закономерно был равнодушен к оружию. «Но все же не простой генерал», — подумал я.

«Вы знаете, — произнес Слепцов, — я не буду разговаривать с вами на эту тему. Есть официальные лица, которые ведут это дело. Вот им я и буду отвечать на вопросы». Я, честно сказать, не ожидал такого ответа. И вынужден был распрощаться, но, выходя из кабинета, я обернулся и сказал генералу, сказал довольно резко: «А вас совесть не мучила, товарищ генерал,

когда вы, извините, трахали невесту, а потом жену Волкова?» И тут он взорвался. Подбежал ко мне, схватил за грудки: «Послушай, ты, сыщик сраный, не думай, что тебе все позволено. Ты мне не забывайся». Но я оказался посильнее генерала. Отвел его руки от себя и заломил ему за спину: «Это меня не пугай, генерал. Я выполняю свою работу. Я бандитов ищу».

Я снял с его физиономии очки и понял, почему он их носит. На меня уставились бесцветные, даже пустые глаза. Но в этих поросячьих зенках были испуг и смятение. И подумалось мне: «Так он и есть, наверное, убийца!» Я усадил генерала в кресло и заговорил: «Ведь это ты убил Волкова. Мотива пока не знаю, но сделал это ты. Это в твоих глазах видно. Не зря ты их прячешь за темными стеклами». И Слепцов, знаешь, как-то вдруг сник. Он был подавлен. Но еще не сломлен.

«Ты хотел спрятать совесть за темными очками? Не получилось, — продолжал я его давить психологически. — Легко жить без совести? Да? Ничто не грызет, не мешает. Нет совести — нет и ограничителя. Все можно. Твори беспредел». Генерал попытался что-то сказать, но я не позволил: «Кто-то из великих сказал, что единственный способ избавиться от искушения — это поддаться ему. Так? Про тебя сказал. Как же ты на свадьбе друга на его невесту позарился? Офицер... Где честь твоя? Я просто уже убежден, что это ты убил Волкова». И Слепцов заговорил: «Хватит. Хватит. Да. Я это сделал. Не мог я терпеть этого выскочку. Он должен был стать начальником управления. Этого бы я не вынес. Я не вынес бы, чтобы мой бывший курсант во взводе, девку которого я пялил у него же на свадьбе, стал бы моим начальником. А насчет нее, насчет его жены... Она сама ложилась под любого. И я не был исключением».

Генерал опустил голову. «Ты гляди — еще и заплачет», — подумал я. И не ошибся. Неловко и противно было смотреть на его слезы. А встречал меня такой надменный, что прости господи... Генералы обычно сильные достойные люди. Но этот оказался исключением. Размазня.

Весь наш разговор я, конечно, записывал на диктофон, который держал в кармане. Не прощаясь, я вышел из кабинета.

Дело свое я сделал, убийцу нашел. Вернее, я нашел заказчика убийства генерала Волкова. Вот такая детективная история. Как тебе?

Юлия посмотрела на Виктора с обожанием:

— Я горжусь тобой. Ты мой самый умный! Ты мой Мегрэ! Убил этот генерал другого генерала, конечно, из зависти и злости. Какой жалкий, подлый человек. И такое встречается.

Виктор выслушал ее, а потом произнес:

— Ну вот что... Довольно об этой гнусной истории. Но, увы, мне по своей работе приходится встречать и не таких негодяев. Все, забыли. За-бы-ли! Выпьем за нас, за нашу жизнь и нашу любовь. И за Гарвея, верного друга Гарвея.

Оторвавшись от воспоминаний, Перкуль смотрела на пейзажи, мелькавшие за окном автобуса. Проезжали по очередному мосту через небольшую реку. Вдали виднелась легкая необычная конструкция, ближе оказалось, что это оригинальный рекламный щит. Минут через пятнадцать Юлия вновь ушла в себя.

После очередной командировки Виктор повез ее из аэропорта сразу на пристань. Загадочно улыбаясь, он привел ее к причалу. А там... Она увидела красивую небольшую белую яхту с названием «Юлия».

— Сегодня три года нашему знакомству. Три года мы вместе. Это подарок для тебя. Принимаешь?

С трапа яхты сошел средних лет мужчина. Представился:

— Валерий Михайлович Голубь. Капитан.

Юлия был ошарашена всем этим. Валерий, именно так он просил его называть, взял ее под руку и помог подняться на борт. Они обошли все помещения: пять спальных кают, кухню-камбуз, кают-компанию. В ней был накрыт стол. Юлия от счастья не находила слов. Виктор же был с самолета и поэтому направился в душ. Юля стояла на борту и смотрела, как капитан отдавал швартовы.

За обедом Виктор, довольный произведенным эффектом, улыбаясь, предложил тост:

— За Юлию. Теперь у меня их две. Нет, я не прав. Юлия у меня одна. Это у нее есть своя «Юлия».

Рядом лежал и Гарвей, он поднялся и подошел к хозяину, требуя ласки. Тот потрепал его за шею. Гарвей понял, что хозяин любит его по-прежнему.

Выпив рюмку коньяка, Виктор произнес:

— Знаешь, Юлечка, у меня в жизни есть мечта. Я с детства хотел на собственной яхте отправиться в кругосветное путешествие. Сейчас у меня есть яхта, есть любимая женщина, есть Гарвей. Осталось только найти время и отправиться в это путешествие. Мы это обязательно сделаем. Чуть позже. Когда отойду от дел. Обязательно осуществим эту мою мечту.

В этот момент он был... совсем как мальчишка.

С каким обожанием, нежностью и теплотой смотрела Юля на него, на своего большого ребенка! Именно таким она видела его в эти минуты. Большим ребенком, имевшим большую мечту. А Виктор через две недели вновь улетел...

Юлия осталась ждать. К Новому, 1999-му, году он не смог вернуться, она одна встречала праздник. Но Виктор позвонил из Лондона, поздравил. Связь была не очень хорошей почему-то. Юлия разобрала, что он вернется не скоро. Месяца через два-три. Так и оказалось. Вернулся он в начале мая. Юлия, встречая его в аэропорту, целовала любимого, шепча, что страшно скучала. Он, как всегда уставший, улыбаясь, ответил, что пробудет дома месяца три.

— Зато все лето будет наше. Мне нужно серьезно отдохнуть.

Для нее эти три месяца рядом с Виктором были необъяснимым счастьем. Круглые сутки они были вместе. Она очень его любила. И только иногда жалела, что, скорее всего, уже не сможет родить для него ребенка.

— А почему бы не попробовать? — спросил он. Но Юлия понимала, что это нереально. Как жаль, что они встретились так поздно.

Глава XII

В июне, оформив все документы, они на яхте отправились в Турцию. День, точнее вечер, отплытия отчетливо запечатлелся в ее памяти. Они сидели на палубе в шезлонгах, рядом лежал Гарвей, волна была небольшая, дул теплый ветерок. Огромное солнце шло на закат. Такое великолепие. Такое блаженство! Виктор сидел молча. Она рассматривала его. Какой все-таки интересный мужчина! Лицо, руки, какая стать. И эти уши. Красивые, правильной формы уши. Она любила его уши. Встала, подошла к нему и стала ласково тереть эти уши. Он засмеялся:

— Мне хорошо с тобой. Сейчас сижу и думаю о людях, с которыми приходится встречаться по работе. Ведь, казалось бы, все так просто. Живет человек, понимает красоту природы, радуется самой жизни, любит близких людей. Что еще нужно для счастья? А ведь, оказывается, этого мало. Почему-то рождается в человеке чувство злости, жадности, подлости. И это преследует его на протяжении всей жизни и превращает эту жизнь в ад, в пытку. Вот я тебе расскажу сейчас одно мое дело. Европа. Андорра...

— Андорра — это одно из этих крошечных государств? — перебила она его.

— Да, моя умница. Именно такое лилипутское государство. Я там расследовал одно убийство. Убили женщину. Условно назову ее Лурдес. Муж ее известный бизнесмен в России. Имя его в число богатейших людей мира не входит, но для наших, российских, масштабов он богат безмерно.

Пригласил он меня в свой дом на Рублевке для заключения договора. Сразу скажу, тип он пренеприятнейший. Встретил меня у входа один из охранников. Здоровенный амбал. Классический такой... кабан. Лысый череп, накачанный торс, рожа красная с белесыми бровями и ресницами. Обыскали меня, правда, уже другие охранники. Эти были более приличные. Какие-то, пусть и слабые, но проблески интеллекта на их лицах проглядывали. Одеты в хорошие костюмы, современные модные стрижки, парфюм дорогой, знаешь ли... Провели в закрытый бассейн. Там на лежаке взгромоздил свое тело хозяин. Тело было прикрыто белым махровым халатом, который не полностью — вот же гадость! — скрывал хозяйские «прелести». Прямо на этих «прелестях» покоился дорогущий золотой портсигар, усыпанный бриллиантами. Я поздоровался с хозяином дома. Тот внимательно оглядел меня маленькими свиноподобными глазками, перехватил мой взгляд и тихо произнес, эдак в нос: «Фаберже, между прочим». «Ну-ну», — подумал я. Смотрел я на него, на свиноподобного, молча, на его бассейн с искусственным водопадом, со скульптурами обнаженных женщин, стоявших по периметру, и думал: «И вот такому хрену достались такие деньги. И это чмо считает себя хозяином жизни, потому что в этой жизни он — богат».

Хозяин, видимо, уловил мой настрой, поднялся с лежака, запахнул халат и уже более дружелюбно обратился ко мне: «Вас порекомендовали мне серьезные люди. На все ваши условия я согласен заранее. Единственное мое условие, нет, просьба — найдите убийцу моей жены. У нас двое детей. Я хочу знать, кто убил их маму».

Я ответил, что берусь. Все расходы по поездке в Андорру, суточные, бонус за работу в случае успеха он оплачивает. Он даже не моргнул глазом, услышав конечную цифру. Расценки на этот раз я специально завысил. «О'кей. Все финансовые вопросы решаемы. Обратитесь к моему помощнику». Вошел молодой человек — лет двадцать пять — тридцать. «Игорь», — представился он. «Отличный костюм», — отметил я. Тот протянул мне руку, но я сказал, что обойдемся и без рукопожатий. Он усмехнулся и пригласил меня в свой кабинет. Я вышел за ним. В сторону хозяина старался не глядеть, но, проходя мимо, невольно заметил молоденькую красотку с длинными ногами, которая подошла к нему. Тихим голосом она проворковала: «Я готова». Он, сбросив с себя халат, так же тихо ответил: «Приступай».

Подписав необходимые бумаги, получив аванс, я вылетел на следующий день в Барселону искать убийцу Лурдес. Забегая вперед, скажу, что дело далось мне нелегко. Но я честно отработал свои четверть миллиона евро, поверь, милая.

Слушая Виктора, Юлия думала о сцене у бассейна, которую он описал. Спросила:

— Как такие девчонки попадают к этим уродам?

И печально Виктор ответил:

— Во многих городах России сейчас существуют эскорт-агентства — так это называется. Они подбирают для новых русских девчонок. И нет отбоя от желающих там работать. Их готовят, обучают манерам поведения, обследуют состояние здоровья. Деньги платят немалые. Задача каждой из них — продержаться как можно дольше. Зарабатывая такие деньги, они оплачивают свою учебу в вузах, содержат семьи, родителей. Правда, и достается им тоже. Среди богатых и придурков полно. Издеваются над девчонками. Ну, хватит об этом.

Помолчав немного, Виктор продолжил свой рассказ:

— Из Барселоны я выехал автобусом в Андорру. Сразу отправился не в полицию, а на место убийства Лурдес. Приступил к своему расследованию. Ее убили в оздоровительном центре «Калдеа». Я стал каждый день ходить в этот центр, присматривался, общался с персоналом. Служащие могли вывести меня на след убийцы.

Примерно через неделю появились и первые результаты. Через одну из служащих, ничем не примечательную молодую женщину по имени Дженоа, я вышел на ее подругу. Она работала официанткой в одном ресторанчике. Звали ее Рэй. Я помню даже ее фамилию — Кербич. Рэй Кербич. В день убийства она была на своем рабочем месте, обслуживала клиента. Ровно в двенадцать, а клиент сидел за столиком на улице, мимо него быстрым шагом со стороны «Калдеа» прошел мужчина. Очень торопился, и поэтому Рэй обратила на него внимание. Она подробно описала мне этого человека. Худощавый, среднего роста мужчина, пятьдесят — пятьдесят пять лет, в темной спортивной куртке и таких же брюках. Шел быстрой спортивной походкой. На следующий день я нашел местного художника, он со слов Рэй за небольшую плату сделал портрет незнакомца. С этим портретом я обошел все отели города, а их не так уж и много — Андорра-ла-Велья — городок небольшой. Через три дня я вошел в отель «Бегущий олень», что на окраине города. Девушка на ресепшен сразу опознала на портрете мужчину, который останавливался в их отеле. Достав книгу регистрации, она нашла и фамилию постояльца. «Гончар Лев Дмитриевич. Он из Москвы. Проживал трое суток в нашем отеле с двадцать шестого по двадцать восьмое апреля», — мило проговорила она. Я понял, что это тот, кого я искал. Профессионал, этот киллер приехал сюда за день до убийства. И сделал свое черное дело. Я понимал, что имя и фамилия у него вымышленные, поэтому самого человека надо искать по описанию внешности, по его портрету. И в Москве нужно очень хорошо изучить окружение Лурдес, чтобы выйти на заказчика. Я вернулся в Москву. Мне пришлось встретиться со своим клиентом в том же самом бассейне с фонтаном и обнаженными женщинами. Он своих привычек ради меня изменять не собирался. Лениво покоился на лежаке. Рядом крутилась уже другая барышня. Выслушав мой отчет, он почесал жирную

волосатую грудь: «Неплохо поработали, детектив, — тихо и медленно проговорил он. — Что дальше?» Я взглянул в его свиные глазки и ухмыльнулся: «Заказчика теперь искать нужно. Я думаю, что он где-то среди окружения вашей покойной жены».

«Ищите, — через губу молвил толстяк. — Все карты в руки. От меня что требуется?» — «Нужен человек в помощь. Человек должен хорошо знать вашу семью, друзей, близких». — «Да без проблем. Дам такого. Мой помощник из службы безопасности. Сурков. Это бывший полковник ФСБ. Он смыслит в вашем деле. Прям сейчас вас и познакомлю».

Отдав распоряжение найти Суркова, он проговорил: «Что еще?» В это время девица, поглаживая его, промурлыкала: «Дорогуша, пора заняться делом. По расписанию у тебя — время секса». Толстяк обратился ко мне: «Вот видите, сыщик? Ваше время вышло. Свободен». Я еле удержался, чтобы не ответить подобающим образом этому хаму. Для него в жизни главная ценность — деньги. Потому что на них он покупает всех и вся. И он был прав. Сейчас ценности поменялись. Миром правят деньги. Все служат им и ради них. Я сам родом из деревни и хорошо помню то время, когда люди не закрывали на замки свои дома. Можно было зайти к любому, и тебя накормят и напоят, чем могут. А сейчас... Старенькую бабушку могут выгнать из квартиры, чтобы продать жилье и получить какие-то деньги. Жена заказывает своего мужа. Друзья становятся в одночасье злейшими врагами и ненавидят друг друга вплоть до убийства. Мир очень изменился. Не хотят помнить, что за все в этом мире отвечать приходится. За все. Господь ничего не забывает. Мы обращаемся к нему: «Господи, прости...» А достойны ли мы прощения? Надеемся на его великодушие, а сами великодушными быть не хотим. Живем, как скоты, — каждый сам по себе. И получается это оттого, что власть и народ сами по себе. Нет единства у них.

Виктор становился в своих высказываниях все более эмоциональным. Видимо, это было результатом долгих и тягостных раздумий. Увлечшись, он продолжал:

— У людей не осталось авторитетов. А кому верить-то? Не представителям же власти. Губернаторам и депутатам? Газетам и телевизору? Да по ящику кровь льется рекой из сериала в сериал. В газетах только и пишут о личной жизни звезд — кто с кем развелся да кто кого трахнул! Ах, бог ты мой, как это все интересно! Я понимаю... я понимаю, ради чего все это: оболваненным стадом легче управлять. Быдло проще держать в узде. Налей им в корыто — и пусть себе хрюкают.

Я назвал бы наше время так: «Эпоха большой жратвы». Великий Эйнштейн признавался, что его научил мыслить Достоевский, а сегодня в школах сокращаются часы, отведенные на литературу.

Юлия слушала Виктора и удивлялась: он никогда не разговаривал с ней о таких вещах. И он был прав почти во всем. «Прогнило что-то в нашем королевстве».

А Виктор между тем продолжал:

— Меня поражает, почему в стране с переходом к капитализму дорогие машины появились раньше, чем проложили хорошие дороги? Почему в пригородах миллионные особняки появились прежде, чем созрела возможность покупать скромное достойное жилье? Почему в городах стали открываться один за другим дорогие рестораны прежде, чем страна обеспечила себя дешевыми продуктами? Почему в аптеках лежат дорогие импортные препараты, а нет наших отечественных, более дешевых, но не менее качественных? Почему такая огромная разница в зарплатах чиновников, депутатов и врачей, учителей? Почему армейский генерал строит себе особняк, а его же офицеры живут в казармах? Почему, почему, почему... Их возникает множество, этих почему. На эту тему можно говорить долго. Не хочется возвращаться к прошлому, но история повторится, когда наступит предел всему. Такое уже было... Власть должна избавляться от коррупции, иначе... Иначе все плохо кончится. Ну, хватит о плохом.

Виктор встал, обошел шезлонг Юлии, наклонился, обнял ее за плечи, поцеловал в шею:

— Давай выпьем. Завалилась у меня бутылочка настоящего португальского портвейна.

Он спустился в кают-компанию и принес пузатую зеленую бутылку.

— Это настоящий португальский портвейн. Видишь, это знак национального института португальского портвейна — стопроцентная гарантия качества. Это «Лагрима». Самый сладкий из всех портвейнов. Пьется охлажденным. Хорош с мясом и оливками. Мы и будем закусывать оливками. Только свежими, а не консервированными.

А еще есть винтажные сорта портвейна, которые стоят баснословных денег. Немного в мире людей, которые могут позволить себе такое вино. По стоимости его сравнивают со стоимостью картин импрессионистов. Вот так-то... Но и наше с тобой вино тоже не из дешевых. Отличное вино, тебе понравится. За нас!

Сделав глоток, он стал продолжать рассказ о расследовании убийства Лурдес:

— Я познакомился с Сурковым, начальником службы безопасности моего пухлого клиента. Оказалось — толковый грамотный мужик. Нужной для

меня информацией он обладал полностью. Всегда подтянутый, хорошо одетый, сосредоточенный и сдержанный. Когда он не в духе бывал, то привычку имел играть желваками. Но это было редко. Мы с ним быстро нашли общий язык.

Недели через три, после тщательного изучения окружения Лурдес, определился круг подозреваемых. Он состоял из трех человек. Это любовник Лурдес с запоминающимися фамилией и именем — Павел Павловец — совсем молодой человек. Студент технического университета, четвертого курса. Моложе Лурдес на восемнадцать лет. И мотив был — ревность.

Сотрудник охраны и садовник. Слуг своих она сильно доставала своим скверным характером. Мотив с их стороны — месть. Выйти на заказчика можно было, установив связь с киллером. С Сурковым мы, используя портрет киллера, опросили массу людей. Но безуспешно. Я уже стал подумывать о прекращении работы. И решил уже было вернуться домой, к вам с Гарвеем. Но пришлось задержаться еще на месяц.

Отрабатывая технический университет, где учился Павел Павловец, я показал студентке третьего курса, знакомой Павловца, портрет киллера. И она узнала его! Девушку звали Мария Литц. Рыжеволосая худенькая девочка. Она, нимало не сомневаясь, сказала, что этого человека она видела в компании... Хохлова Валерия, ее однокурсника. И так мы вплотную подошли к раскрытию убийства. Дальше было делом техники. С Сурковым мы установили скрытое наблюдение за Хохловым, взяли на прослушку его мобильный. На третий день стало ясно: он был бойфрендом дочери Лурдес. Для меня это был шок. А для Суркова тем более. Еще бы! Ведь мы вышли на родную дочь Лурдес. Алина, так ее звали. Училась в Англии, в Оксфордском университете. Она прилетала периодически в Москву к Хохлову. Вот и представь, родная дочь со своим бойфрендом заказали мамашку. Зачем? Доченька становилась единственной наследницей богатого папашки. Ей было известно, что между родителями назревал разрыв. При разделе имущества матери доставалась половина. А это почти сто миллионов долларов США. И все это получила бы доченька. Но сказано же в книге пророка Захарии: «Мечты всегда пусты, когда глупы»...

— Сойди им все это с рук, следующей жертвой стал бы папашка, — заключила Юлия.

— Ты абсолютно права, моя умница. Они уже стали разрабатывать этот вариант. Когда киллера арестовали, он подтвердил, что поступил заказ и на отца. Я про себя тогда подумал, что общество много бы не потеряло, когда бы одной свиньей на Земле стало бы меньше. Давай закончим разговор о мерзостях жизни, будем любоваться ее красотой.

Давно наступила уже ночь, и они стали любоваться ночным морем, небом, звездами.

— Я тебя очень люблю, — сказала Юлия.

...Перкуль от воспоминаний оторвал голос бортпроводницы, сообщившей, что автобус делает остановку на двадцать минут. Она предложила желающим пройти в придорожный маркет, где находилось небольшое кафе. Перкуль улыбнулась, прочитав название кафе — Hamlet. «Быть или не быть», — подумала про себя. И решила, входя в кафе: «Быть». Она заказала местную горячую экзотическую закуску из кактусов, что-то вроде супа, и кофе. Суп ей понравился — очень неожиданное блюдо. Кофе оказался не таким приятным. Вышла на улицу. Еще в автобусе ее внимание привлекла японская пара — и вот они рядом, у кафешки. «Ах вездесущие японцы, где их только не носит. Наверное, свадебное путешествие», — подумала Юлия. Молодая японочка, поймав ее взгляд, улыбнулась. Та улыбнулась в ответ. Объявили посадку в автобус. Перкуль входила в салон вслед за японской парой, подумав, что это так здорово — вдвоем путешествовать по миру. Даже немного позавидовала им. Автобус продолжил свой путь, а Перкуль — свои воспоминания.

Глава XIII

...Миновало пять лет их совместной с Виктором жизни. Он по-прежнему мотался по своим деловым поездкам, а она по-прежнему ждала его. Ждал и верный Гарвей, который стал ее единственным другом. Он всегда находился рядом — ложился и клал свою морду на передние лапы, следя за Юлией. Она гладила его по голове, приговаривая, что хозяин вернется и надо ждать. Хозяин возвращался. Это происходило через месяц, два, три. Редко бывало, что проходило более трех месяцев. И его возвращение всегда было праздником. Встреча проходила по сложившейся традиции. Была прогулка по берегу моря, потом шашлык на лужайке. Виктор отдыхал недели две, потом предлагал съездить в Европу или Юго-Восточную Азию. И, надо сказать, они успели попутешествовать.

2000 год они встречали на острове Краби. Таиланд! Экзотика! Миллениум они встретили верхом на слонах, отправившись в джунгли. Два худеньких вертких проводника и они. Сначала сидевшая впервые на слоне Юлия не представляла, как это они будут пробираться сквозь джунгли. Но все оказалось куда как просто. Шли по протоптанным дорожкам, правда, никого вокруг. Но в этом и был кайф. Миллениум встретить верхом на слоне! Такое не каждый придумает. А ее Виктор придумал. Конечно, можно было отрываться как все — на песчаном берегу отельного пляжа. Тоже красиво, но вполне обычно. Виктор любил принимать нестандартные решения — это Юлия давно поняла. Трое суток они путешествовали на слонах, останавливались в маленьких деревушках, купались в море. Сам Новый год они встретили в хижине из бамбука. Костер и кругом — только джунгли.

Сначала встретили миллениум по времени местному, потом — по российскому. Ночь нового тысячелетия — Юлия Перкуль с улыбкой вспоминала ту ночь...

Ей было даже немного жутковато от звуков, доносившихся из джунглей. Но рядом с Виктором она не боялась ничего. И хотя они побывали во многих странах — любовались водопадами в Швейцарских Альпах, в Скандинавии — фьордами, в Шотландии — зарослями вереска, озерами... Но ночь в джунглях не могла сравниться ни с чем. И какой там был секс! Этого тоже не забудешь. Экстрим во всем!

Весной Виктор, вернувшись из командировки, сказал, что до конца года не будет брать работу. Потому что устал. Он действительно выглядел не лучшим образом: сильно похудел, глаза ввалились, нервничал, дергался по каждому глупому поводу. Юлия окружила его заботой и вниманием. Сама готовила еду, они много гуляли. После прогулок Виктор много спал. Лишь месяца через два он пришел в себя. На очередной прогулке стал рассказывать о своем — очередном — деле. Юлия понимала, что ему необходимо периодически выговориться. Но он должен был сделать это сам. Просить его было бесполезно. Ей же было безумно интересно слушать о его работе. Тем более как он все интересно рассказывал!

— Знаешь, — начал он новый рассказ, — я всегда не перестаю удивляться человеческой жестокости и низости. В Якутске был застрелен полковник милиции, начальник управления по борьбе с организованной преступностью. Якутск — город небольшой. Вроде бы и столица Якутии, но от центра отъедешь — деревня деревней. Дороги разбиты, старые неказистые дома. Столько добывают алмазов — ими все дороги можно было бы выложить, но... Как и везде в России... Короче, обратились ко мне местные бандюки. «Братва». После убийства полковника их просто затерроризировала местная милиция. Каждый день — облавы, необоснованные задержания, аресты. И вот сами бандиты за большие деньги наняли меня, чтобы я нашел убийцу полковника. Они так и заявили мне: «Найди убийцу. Мы точно его не трогали». Деньги предложили немалые. Я приступил к расследованию. В моей практике подобное было впервые. Меня наняли, чтобы нашел я убийцу начальника управления по борьбе с организованной преступностью Якутии! И наняли сами эти «организованные преступники».

Лучшие силы якутской милиции занимались этим делом. Со всеми своими немалыми возможностями — и у них ничего не вышло. Казалось бы, что я могу? Но я взялся... «Братки» очень просили. На встречу со мной пришел один из лидеров по кличке Кабан.

Внешне на бандита Кабан не походил. Дорогой костюм, со вкусом подобранный галстук, качественные туфли, часы из белого золота. Да...

Посмотрел я на него и подумал: «Не зря они вплотную работают с алмазами. Ох, не зря...»

Кабан цену себе знал. Голос звучал, как у диктора центрального телевидения, слова проговаривал отчетливо, мысли доводил до сведения собеседника быстро. Мы договорились. Кабан сразу пошел на все мои условия. Красивая яркая женщина, которая пришла с ним, выдала мне аванс. Вероятно, она была его бухгалтером или что-то в этом роде. Но, судя по всему, разбиралась она не только в финансах. Сложена как Памела Андерсон. Грудь, ну и все остальное...

Виктор, глядя, как в шутку хмурится Юля, улыбнулся:

— Я вполне объективно говорю. При таком Кабане другого финансиста и быть не может. Срок для работы мне дали небольшой — один месяц. Кабан так жестко и сказал: «Один месяц. Поэтому такие большие деньги и плачу». Сказал, как молотом по наковальне ударил. Собрал свиту и вышел из моего номера. Они ушли, а я подумал: «Может, вернуть деньги да и уехать?» Но такие большие деньги... И я решил остаться. Спустился в ресторан отеля, вкусно пообедал. Взял тушеную оленину, строганину из одной местной рыбы. Выпил немного под такую закуску. А потом поднялся в номер, взял чистый лист бумаги и сел за работу. Набросал план действий. Бандитов как заказчиков я сразу отбросил. Они не стали бы меня нанимать, если бы были замешаны. Значит, искать нужно среди представителей властных структур, бизнеса и личного окружения. План был такой:

1. Кому из представителей власти полковник мог перейти дорогу?
2. Чьему бизнесу он мешал?
3. Установить круг близких людей. Каковы отношения между ними?
4. Была ли любовница? Если замужняя женщина, кто муж? Мог ли он из ревности убить или заказать полковника?
5. Взаимоотношения с подчиненными. Кто-то мог отомстить за грубость или несправедливое / справедливое отношение или взыскание.
6. Взаимоотношения с близкими людьми, женой. Могла ли жена заказать?

От следователя прокуратуры я, за небольшое вознаграждение, разумеется, как частный детектив получил нужную мне информацию о ходе расследования.

Проработав по делу две недели, я понял, что заказчики убийства сидят в министерстве финансов республики. Именно там в последнее время «рыл», капитально «рыл» полковник!

Министр финансов, он же вице-премьер правительства Республики Саха-Якутия, Иван Викторович Лысов стал у меня основным подозреваемым по делу. Я изучил его жизнь. Имел он шикарный загородный дом с крытым бассейном. Это-то в Якутии, где зима десять месяцев в году! И много чего очень ценного я для себя узнал. Но когда поделился догадками со следователем прокуратуры, тот лишь рассмеялся: «Не там ищите, коллега».

Получая очередной транш в сумме тысячи долларов США, этот немолодой, с широким лицом и хитрыми глазками человек не производил впечатления доверчивого якута, как мы привыкли думать о них. В нем чувствовалась крепкая волчья хватка. Но я, заплатив, конечно, настоял, чтобы проверили как следует Лысова. И я оказался прав. На очередной нашей встрече следователь сообщил мне, что, контролируя телефоны Лысова, им удалось выйти на исполнителя убийства. Тот угрожал Лысову по телефону, требуя окончательного расчета за проделанную работу.

Неожиданно Виктор прервал свой рассказ, словно задумался над чем-то. Затем, вздохнув, продолжил:

— Ради сохранения власти всегда совершались преступления. Убивали отцов, матерей, детей, братьев, сестер. Своих и чужих. Императоры, цари, вожди понимали толк и вкус в этом деле. Сажали своих подданных на колья, подсыпали яды в еду и питье, четвертовали, вешали, просто расстреливали. Ради сохранения власти шли на все! И на более низком уровне также вечно шла борьба за власть. За теплое место. Быдло всегда рассуждало: «Чем мы хуже царей?» И потому рвало друг другу глотки. Но у каждого свои масштабы и цели. Общеизвестно, что сама власть счастья не приносит. Но действует она как наркотик. Привыкание к ней происходит быстро. И, чувствуя страх, человек чувствует страх потери ее — потому и идет на различные ухищрения, чтобы сохранить статус-кво. Лучшие умы человечества ломали и до сих пор ломают головы над феноменом власти. Расследуя убийство полковника, я пришел к выводу, что Наполеон был абсолютно прав, когда сказал, что «лучше сто баранов, предводительствованных львом, чем сто львов, предводительствованных бараном». Увы, бараны в основном и лезут во власть. Она их развращает. Им всегда ее мало.

Ах, Юлечка, вспомним историю России... Помнишь, каким мягким и человеколюбивым был в начале своего правления Иван Грозный, а затем... Сколько душ загубил! Одна опричнина чего стоит! Короче, примеров можно привести сотни, и не только из нашей истории, но и из мировой. В России доверие народа к власти с годами уменьшается в геометрической прогрессии. Устают люди от вранья, которым прикрывают свое бессилие политики. Телевидение, радио, газеты, соревнуясь друг с другом во лжи, убеждают нас, что жизнь у нас становится лучше и лучше! Но на деле она улучшается лишь у чиновников да олигархов.

Как противно жить в этом дерьме... И приходится мне ловить убийц — даже если они министры. Один из них заказал полковника милиции за то, что тот вышел на схему откатов при получении государственных заказов. Для республиканской больницы был сделан заказ на медикаменты, оборудование. Кому его отдали? Естественно, подконтрольной фирме. В Германии оборудование это стоило тридцать миллионов рублей. С учетом растаможивания из бюджета взяли девяносто семь миллионов рублей. В три раза больше! Министру — треть суммы отката. Нормально? Короче, полковника убили, а у него жена и двое детей остались.

...От воспоминаний у Юлии разболелась голова. Она попросила у Марсии стакан воды, выпила таблетку.

А за окнами расстилалась равнина и, как часовые, на посту стояли ветряки — ветряные генераторы. Чтобы отвлечься, она стала считать этих солдатиков. Но их было много, и она быстро сбилась со счета. Зато головная боль прошла. И опять чередой пошли воспоминания.

Глава XIV

2002 год. В апреле умер Гарвей. Это была утрата. Собака была умным и верным другом. Накануне пес долго болел. Юлия как с ребенком возилась с ним. Лечила и ухаживала, строго выполняла предписания ветеринара. Но возраст собаки взял свое — умер Гарвей. Виктор был в командировке, Юлия позвонила ему, сообщила грустную весть. И, судя по голосу, Виктор по-настоящему расстроился.

— Завтра буду дома, — отрывисто сказал и положил трубку. И на следующий день действительно вернулся. Гарвея, укутав в ковер, отнесли к морю, на берег. Виктор вырыл для него глубокую яму в полсотне метров от воды, на высоком холме, рядом с огромным валуном.

— Это будет памятник Гарвею, — сказал он, формируя могильный холмик. Впоследствии они на прогулках всегда приходили к этому месту...

Когда Виктор вернулся после очередной командировки, то сказал, что они отправляются в Париж. Ему снова необходим был отдых.

Вздыхнув, Перкуль вспоминала Париж. Они бывали и раньше там, но Париж такое место, куда можно возвращаться постоянно. Он никогда не надоедает. Каждый раз открываешь в нем что-то новое. В этот раз они побывали на Монмартре, у «стены любви». Здесь на трех сотнях языков мира люди писали и пишут слова любви. Отыскав подобные слова на русском, Юлия показала их Виктору: «Я тебя люблю».

Побродив по городу, они зашли в уютное кафе, заказали по бокалу вина. Виктор выглядел уставшим. Юлия понимала, что ему нужно выговориться,

но не торопила. Поэтому, выйдя из кафе, они пошли просто гулять «куда глаза глядят». Забрели в Люксембургский парк, сели на лавочку. И тут Виктор произнес:

— Послушай о расследовании убийства в одном из отелей Барселоны. Убили немолодого мужчину — русского. Точнее, еврея. Маленький, лысенький, невзрачный. Я назвал бы его Гном. Его застрелили, когда он принимал душ. Одним выстрелом прямо в сердце. Из крупнокалиберного пистолета. Трудился Гном простым завхозом в небольшой фирме. Впервые выехал за границу. Ни друзей, ни врагов у него не было. И быть не могло. Больших денег у него в семье никогда не водилось. Но нашелся двоюродный брат, у которого хватило средств нанять меня для расследования обстоятельств этой смерти. Кому Гном перешел дорогу?

Я начал со страховки. Но ее не было. Отработал жену и дочь. Но у них денег на губную помаду иной раз не хватало — не то что киллера нанять. Эти версии отпали. Мне пришлось из Москвы, где я вел первоначальное расследование, вылететь в Барселону. Небольшой отель, где погиб Гном, в старой части города мне понравился. Я и сам решил остановиться в нем. Опросил всех служащих, побеседовал с полицейскими, но ничего существенного не узнал. Гном прожил в отеле пять дней. Ни с кем не встречался. Тихий вежливый постоялец. Так все и говорили о нем. Но ведь кто-то его убил! И убили за что-то. Через пару дней я, изучая обстановку, зашел в пивной бар недалеко от моего отеля. Показал фотографию Гнома бармену с лицом помятым и уставшим то ли от пива, то ли от женщин, а может, и от того, и от другого вместе взятых. «А-а-а... Это тот русский, — без тени сомнения в голосе протянул он. — Я знал его. Он привез из России сувенир для моего друга Мартина». Я ушам не поверил. Переспросил: «А вы, сеньор, не ошибаетесь?» Бармен слегка даже обиделся, но все-таки дал мне телефон своего друга Мартина, который был владельцем небольшого антикварного магазина на улице Рамблас, главной улице Барселоны. Я сразу вздохнул с облегчением — появилась зацепка в расследовании.

Найти салон и Мартина труда не составило. Он был того же возраста, что и бармен, — лет около сорока. Но выглядел иначе: ухоженные руки, редкие крашенные волосы тщательно прилизаны. И голос противный. Высокий и скрипучий. Странное сочетание. Увидев фотографию Гнома, он заволновался, в глазах появился испуг. Я воспользовался его растерянностью и сказал, что, если он мне все расскажет, я не буду сообщать в полицию, так как являюсь частным детективом. Он оказался парнем сообразительным: сразу сдал мне всю информацию. Мартин сообщил, что Гном привез контрабандную посылку с очень редкими украшениями, золото, драгоценные камни. Погребальную диадему с изображением Афродиты. Век третий до нашей эры. Найдена при раскопках в окрестностях Анапы. Представляешь? Совсем недалеко от нас. А также две подвески-серьги в виде фигурок Эрота. С третьего по первый век. И тоже — до нашей эры. Бесценные украшения!

Рыночная стоимость их велика необычайно. Гнома использовали вслепую. И когда он выполнил задание, его убрали. На всякий случай.

Заказчиком убийства был его шеф — Бирюков Клавдий Евгеньевич. Большой гад. Он, якобы за хорошую работу, отправил этого бедолагу за границу по турпутевке. А потом хладнокровно убрал его. Ему нужно было лишь, чтобы тот передал посылку подельникам. А потом — концы в воду.

Гном даже не подозревал, что он вывозит из России. Но согласился на услугу. За деньги. За деньги в конечном итоге и пострадал. Деньги, деньги, деньги... Все на них замыкается. Украшения были посвящены Афродите, богине любви. Дочь Зевса, жена бога огня Гефеста. Не наши это боги, но наказали они Гнома. И Бирюков, шеф Гнома, поплатился за свою алчность. Он погиб в автокатастрофе при весьма странных обстоятельствах, так и не узнав, что заказанное им убийство было мной раскрыто.

...Автобус вновь сделал небольшую остановку. Юлия вышла прогуляться. Мрачный вид автовокзала вызывал только отрицательные эмоции. На территории вели строительные работы, и это как-то раздражало. Юлия Перкуль вернулась в салон. Появились новые пассажиры, которые рассаживались по местам, немного шумели. Наконец все расселись и автобус тронулся. Перкуль закрыла глаза и в который раз погрузилась в прошлое.

Однажды Виктор вернулся на удивление в приподнятом настроении:

— Смотри, какой подарок я привез для тебя.

И указал на небольшой деревянный ящик с отверстиями. Юлия приоткрыла ящик, а там... Да-да — маленький щеночек колли свернулся в клубок и смотрел на нее темными глазками-пуговками.

— Это Гарвей вернулся к нам, — прошептала Юлия. Она взяла щенка на руки, поцеловала в моську. Щенок заскулил, хватанул зубками-иглочками за палец.

— Ах ты хулиган. Кусака! — рассмеялась Юлия и спросила: — А сколько ему?

— Два месяца, — улыбаясь, ответил Виктор.

— И сегодня мы пойдем втроем на прогулку. Правда? Пойдешь с нами, Гарвей-младший? Привыкай, — Юлия гладила щенка по рыжеватой шерстке.

— Рано ему еще на такие большие прогулки ходить. Чуть подрастет, тогда и будем брать его с собой, — разочаровал ее Виктор.

— Ну, тогда я не пойду, буду с ним гулять на лужайке, — попробовала закапризничать Юля.

— А вот и нет. Ты пойдешь гулять со мной, а малыш посидит дома. Через пару месяцев окрепнет, получит все прививки, тогда втроем гулять будем, — отрезал Виктор.

И они оставили щенка дома, а сами отправились на берег. Как обычно, подошли к месту, где захоронили Гарвея-старшего. Виктор вполне серьезно обратился к лежавшему в земле псу, рассказал, что у них появился щенок, которого тоже назвали Гарвей. Гарвей-младший.

После прогулки на лужайке устроили пир с шашлыком, на котором присутствовал Гарвей-младший. Он стал новым членом их семьи.

До 2005 года оставалось меньше месяца. Виктор сообщил Юлии, что он принял решение встретить этот год в Мексике. В Акапулько он подобрал отель «Пирамиды». На берегу океана, вдали от шумного города.

Встречали Новый год на самом берегу, под шум волн открывая шампанское. Великолепно! Сам Акапулько тоже понравился. Такие красивые бухты, само побережье. И особая суэта, свойственная курортным местам, не ощущалась. Вся туристическая тусовка переместилась из Акапулько в Канкун. А когда-то, много лет назад, именно Акапулько считался курортом номер один на тихоокеанском побережье Мексики. Американцы облюбовали его и понастроили отелей под себя. «Пирамиды» был именно из их числа. Огромный, максимально комфортабельный, с отличной микроструктурой и великолепной кухней.

Виктор с Юлией выезжали в город ночью, когда спадала жара. Ночной Акапулько — это огни казино, ночных баров и ресторанов. Шум, веселье, отдых. Виктору очень понравился этот небольшой город-порт и курорт. Он решил вернуться сюда в этом же году. И через полгода они опять остановились в «Пирамидах».

Глава XV

И снова в Акапулько они наслаждались морем, солнцем, отменной кухней. Сидя однажды ночью на берегу, Виктор начал очередную историю:

— Какой красивый мир! Сколько чудесного, прекрасного на свете. А люди почему-то не хотят видеть красоту. Или не замечают, наверное. Будни все заслоняют, время отнимают, не дают возможности любоваться окружающим миром. А еще люди убивают друг друга. Это самое страшное и отвратительное, что они придумали за все время своего существования...

Ко мне однажды обратилась председатель Европейского клуба любителей рододендронов. Женщина лет сорока — сорока пяти. Очень эффектная. Среднего роста, стройная, с черными глазами, короткой стрижкой темных волос. Именно такие женщины, подумал я тогда, должны возглавлять

подобные общества. Элегантные и изящные. Имя у нее тоже было необычное, оригинальное — Радолина Кирий. В первую нашу встречу она была одета в темно-синее платье — небольшое декольте, длинный рукав, тонкий лаковый пояс вишневого цвета. Туфли на высокой шпильке тоже вишневого цвета. На шее нитка розового жемчуга. Ничего лишнего.

Радолина сразу перешла к делу: «Нам необходимо найти убийцу нашей коллеги — Лидочки Извольской. Она погибла в Гётеборге, в Швеции. Мы все были шокированы. Денег больших у нее не было. Любовников, желающих ее смерти, — не было. За что могли убить Лидочку? Нам нужна ваша помощь».

Мне понравилась председатель Европейского клуба любителей рододендронов. Ради нее, да и ради самих рододендронов — правда, на взаимовыгодных условиях — я согласился на это дело. После заключения договора — шенгенская виза у меня уже была — я сразу вылетел в Швецию.

Юлия, слушавшая Виктора, отметила, что обычно он дает псевдонимы жертвам убийств, а тут он впервые назвал реальное имя. Она спросила Виктора: почему?

— Мне ни к чему скрывать ее имя. Это была простая русская женщина — молодая и красивая, и за ней никто не стоял. Я расследовал многие дела. Но это было особенным. Это было КРАСИВОЕ дело. Да, да, да. Именно так. Красивое. Рододендроны — потрясающе красивые цветы. Вообще-то, это кустарник, но цветы его... По-моему, краше их просто нет.

Для меня понятие красоты весьма конкретно. Красивая машина, красивая яхта, красивая обувь, красивая музыка, красивая женщина. Вот сейчас нас окружает красивая звездная ночь. В моем расследовании присутствовали красивые цветы — рододендроны. И я их по-настоящему увидел там, в Гётеборге. Рано утром приходил в парк, где погибла Извольская. Уходил вечером, перед самым закрытием. Три дня я провел там. Конечно, я приходил не только для того, чтобы любоваться цветами, — я работал. Но, признаюсь, рододендроны так меня очаровали, что готов был сам вступить в клуб любителей этих растений. Я попал на самую пору их цветения. Какое разнообразие форм, размеров, оттенков! И в различное время суток они были разными. Я это увидел, наблюдая за ними. К сожалению, я увидел, как некоторые из них увядают. Увы, ничто не вечно.

Это дело было не только самым красивым, но и самым сложным за все время моей работы. Ни одной зацепки не было. Не просматривался и мотив. Ничего не было у меня. Убивать молодую женщину, которая последние годы своей недолгой жизни занималась рододендронами, было просто бессмысленно. Но я решил эту трудную задачу. Я вышел в итоге на убийцу.

Извольская занималась фотосъемкой не только цветущих рододендронов, она фотографировала лица людей. Она своим искусством показывала, как могут быть красивы люди, любящие свою работу. Красота эта не в правильности черт лица, а в том, как человек меняется, иногда до неузнаваемости, когда занимается любимым делом. Именно такие красивые и одухотворенные лица интересовали фотохудожницу. У нее были разные портреты совершенно разных людей.

Хирург. В обычной жизни ничем не привлекательный мужчина. Оттопыренные уши, нос картошкой. Но у него совершенно необыкновенное лицо, когда он готовится к операции. Как меняются его глаза — именно они привлекают к себе внимание. Зритель не обращает внимания на его уши, на его неказистый нос на этом сосредоточенном лице. Глаза — они притягивают к себе внимание.

Или спортсмен с маленькими глазками, тонкими губами, залысинами. Но вот он же, но на финише, в момент преодоления рекордной дистанции. Он — победитель! Сколько эмоций на лице человека, которого можно не заметить в обычной жизни. Я просмотрел массу портретов людей, которых снимала Лидия. Я понял, что ее интересовало в этих людях. Передо мной прошли школьные учителя, водители автобусов, инспекторы уличного движения, рабочие на заводе, военные, продавцы. Я вспомнил слова Уолта Уитмена: «К сорока годам каждый человек сам отвечает за то, какое у него лицо». От себя бы я добавил: «Красивым делает лицо каждого человека его красивое дело, если оно есть».

И что-то подсказывало мне, что в фотоархиве убитой нужно искать и разгадку ее гибели. Ежедневно я просматривал массу снимков, сюжетов в движении, стоп-кадров. Я искал, а кто ищет, как известно, найдет.

И через несколько дней мое внимание привлекла необычная фотосессия на улицах Москвы. Сначала я не обратил внимания на эти снимки. Пешеходы спешили по своим делам. Лица самые разные — усталые, улыбающиеся, сердитые, сосредоточенные, даже злые. Обычные люди. Но на одном кадре я заметил автофургон с надписью «Ремонт бытовой техники на дому». Двое мужчин забрасывали в кузов фургона тяжелые сумки. Я присмотрелся к запечатленным в кадре лицам. Молодые люди явно чем-то насторожены, даже напуганы. Они торопятся. На снимке стояла дата. По этой дате и сообщениям в газетах я установил, что именно в этот день в Москве был ограблен крупный коммерческий банк. Банк находился в двух кварталах от места, где Извольская вела видеосъемку прохожих. Ей не повезло. Она случайно зафиксировала момент, когда грабители перебрасывали сумки с деньгами из одной машины в другую. От машин грабители избавились, а вот лица их остались на пленке. Для меня найти этих людей было делом техники и личного сыска. Бедная Извольская — талантливая фотохудожница, сама

того не ведая, подписала себе смертный приговор. Я подумал, что мир красота, может, и спасет, а вот отдельного человека загубит.

Виктор прекратил рассказ. Встал и пошел к океану. На берег с шумом обрушивались огромные волны. Пена от гребней волн оставалась на песке. Обняв Юлию, Виктор прокричал:

— Мир так прекрасен, ничего менять в нем не нужно! Надо только видеть красоту и наслаждаться ею!

Юлия прижалась к нему:

— Я согласна с тобой. Надо любить жизнь и просто жить. И любить, как я люблю тебя.

Глава XVI

...Юлия Перкуль открыла глаза. Автобус на приличной скорости уже летел по прямой автостраде. Горы закончились. Кругом расстилалась равнина. Перкуль попросила чай с лимоном. Его тут же принесли. Выпив чаю, Юля немного посмотрела за окно и прикрыла глаза... Она вернулась к той ночи у океана.

...Постояв еще на берегу и послушав шум волн, они, обнявшись, отправились в отель.

— Хочу умереть именно здесь, — тихо проговорил Виктор.

Она насторожилась.

— Обещай, что похоронишь меня вдали от России, на этом берегу с пальмами.

Она испуганно ответила:

— Что с тобой? Какая смерть, о чем ты говоришь? Мы, немолоды, конечно, но и не такие старики, чтобы думать о смерти.

— О смерти надо думать всегда, — жестко ответил Виктор. — Поверь, Юлечка, я знаю, что говорю и когда говорю. Я составил на твое имя завещание. Все свое имущество я переписал на твое имя. Все достанется тебе. И Гарвею-младшему, — добавил с улыбкой он.

— Я ничего не хочу слышать об этом. Ничего. Мне ничего не нужно. Мне нужен ты.

— Послушай, если я заговорил об этом, значит, так нужно. Ты же должна пообещать, что похоронишь меня здесь, в этом городе.

— Хорошо, хорошо, успокойся, все будет, как ты сказал. Но мы еще долго будем вместе.

— Отлично. Эта тема закрыта, — сказал он, целуя ее глаза.

Прошло два года. Виктор, как прежде, уезжал и возвращался. Гарвей-младший вырос и превратился в прекрасного пса, который безумно любил хозяев. Они за это время четыре раза побывали в Акапулько. Последний раз встречали там Новый, 2007-й, год. До этого к разговорам о смерти Виктор, как и обещал, больше не возвращался. Но 1 января утром, лежа в постели, он тяжело вздохнул и проговорил:

— Я чувствую, что этот год последний в моей жизни.

Юлия хотела что-то произнести, но он одернул ее:

— Молчи. Я все знаю.

Он немного полежал, думая о чем-то, потом заснул. Она же долго не могла прийти в себя. Разглядывая любимое лицо, не могла поверить услышанным словам. Возникло чувство... Нет, не жалости к себе и Виктору... Возникло чувство надвигающейся беды. Внутри повеяло мерзким холодом. Потом такая же противная дрожь охватила ее саму. И возник страх. Страх потери любимого. У Юлии в этой жизни, кроме Виктора, не было никого. Настолько любила его, что не мыслила существования мира без этого мужчины. Они встретились, будучи уже немолодыми. И то чувство, которое было с ними все эти годы совместной жизни, настолько привязало их друг к другу, что назвать его просто любовью было нельзя. Это было нечто гораздо большее. И для них двоих. Именно такие чувства вызывают уважение и зависть, потому что не каждый испытывает их. Не всем Бог посылает это необыкновенное ощущение потребности в близком человеке. И соверши Виктор какое-то страшное преступление, Юлия, не задумываясь, оправдала бы и мгновенно простила бы его. Даже если бы преступление он совершил в отношении нее.

Снова открыв глаза, Юлия увидела, что автобус подъезжал к автовокзалу. «Скоро я буду у тебя», — подумала женщина.

В сентябре 2007 года Виктор вернулся совершенно измученный, и он был... почти весь седой. Юлия никогда не видела его таким. В аэропорту он сказал ей, что через два дня они вылетают в Акапулько. В машине, как обычно, сидел Гарвей-младший. Виктор гладил его, приговаривая:

— Как я соскучился по тебе, собака, хорошая наша собака. Как соскучился. Как я устал. Эта командировка вымотала меня.

Юлия сидела тихо и думала: «Хватит ему работать. Эти вечные поиски убийц его скоро доконают. Есть молодые Пинкертоны — пусть они и занимается этим. А нам... Нам надо просто спокойно жить...»

Виктор словно услышал ее мысли, устало пробурчал:

— Все. С работой надо завязывать. Ухожу на отдых. Будем с тобой выращивать цветы. Может быть, рододендроны. В клуб в ихний вступим...»

Она ответила с радостной дрожью:

— Конечно, конечно. Давно пора. И будем мы вместе. Всегда рядом. Ты, я и Гарвей. И, может быть, рододендроны.

Глава XVII

Сентябрь 2007 год. Дэвид Криспа, комиссар полиции шведского города Гётеборга, сидел в своем кабинете, пил горький кофе и размышлял о неприятном: «Прошло больше двух лет после убийства этой русской по фамилии Извольская — хоть бы что! Неужели я закончу свою карьеру с нераскрытым убийством? Ведь мне уже на пенсию пора, а это убийство... Неужели я — комиссар Криспа — уйду побежденным? А ведь это не в моих правилах».

Размышления комиссара прервал вошедший в кабинет помощник — детектив Курт.

— Вызывал, шеф?

— А! Проходи, проходи. Кофе не предлагаю. Знаю, тебе больше «Будвайзер» по душе, а мы на работе. Итак, к делу. Полетишь в Россию. В Москву. Срочно.

Курт удивленно посмотрел на шефа.

— А ты уж забыл об убийстве с рододендронами? Полетишь по делу той русской. Помнишь? Извольская.

— Да как же тут забудешь? Дело висит над нами уже сколько? Два года — не меньше. И ничего не смогли мы выяснить. Но я помню, что подобных убийств по Европе была целая серия.

— Вот видишь, какой ты умный. Тем временем в Москве очередное убийство, похожее на наше, — жестко проговорил Криспа. — Интерпол нам сообщил. Убит депутат Государственной Думы России. Убит из пистолета «Кольт-Браунинг», и тоже 45-й калибр. Возможно, это шанс для нас, чтобы не оказаться навсегда дураками. Я уже не молод — сам знаешь. Не сегодня,

так завтра — на пенсию. И не хочу я, понимаешь, уходить, когда за плечами нераскрытое убийство.

— Ты серьезно, шеф?

— Еще как серьезно. Ты и русский немного знаешь, кстати...

— Ну, раз такое дело... Вылетаю, как оформлю все необходимые бумаги.

— Ты не понял, Курт. Ты вылетаешь завтра. Я уже все сделал, обо всем договорился — вот твои бумаги, билеты... Тебя встретят коллеги из Московского уголовного розыска. Есть там такой — записывай — Балакирев Юрий. С ним будешь работать. Все. Свободен. Удачи. Звонить будешь из Москвы. Ежедневно. Докладывать о делах.

Старший оперуполномоченный по особо важным делам Московского уголовного розыска майор милиции Балакирев имел большой опыт работы. На его счету числилась не одна разработка и проведение операций по задержанию опасных преступников. Внешне Балакирев был похож на цыганского барона: смуглое лицо, иссиня-черные волосы и черные живые глаза. Когда его коллеги спрашивали, а русский ли он, отвечал неизменно: «Россиянин».

Именно ему руководство поручило раскрытие убийства депутата Государственной Думы Григорьева. Балакирев уловил нить расследования сразу, поэтому стал собирать информацию о подобных убийствах в России, совершенных из пистолета системы «Кольт-Браунинг» 45-го калибра. И ниточка потянулась, потянулась... Было установлено, что убийства с тем же почерком и применением пистолета «Кольт-Браунинг» совершались и в Санкт-Петербурге, где был застрелен крупный бизнесмен Иван Инюшин, и в Петропавловске-Камчатском, где в подъезде собственного дома был убит генерал-майор пограничных войск Степан Волков, и в Якутске, где с помощью такого же пистолета расправились с начальником управления по борьбе с организованной преступностью МВД Якутии полковником милиции Анатолием Ивановым. Общий почерк этих преступлений был очевиден. Все жертвы погибали сразу от прямого выстрела в сердце. Было установлено семнадцать жертв, убитых подобным образом. Семнадцать! Во Владивостоке, Хабаровске, Тюмени, Красноярске, Чите, Самаре, Саратове, Нижнем Новгороде, Иваново, Курске, Мурманске, Нижневартовске и Сызрани.

Убийца, профессиональный киллер, работал один. Никаких свидетелей. И он не возвращался туда, где совершал убийство.

Майор Балакирев изучил информацию по линии Интерпола и попросил о помощи шведскую сторону, откуда к нему вылетел сотрудник по имени Курт. Именно его и встречал Балакирев в аэропорту Шереметьево-2.

Объявили о посадке самолета рейса авиакомпании Malmo Aviation, прибывшего из Стокгольма. Через некоторое время к Балакиреву, стоявшему с табличкой «Kurt», подошел молодой человек с копной растрепанных рыжих волос, веснушчатым лицом и широкой улыбкой. Он протянул руку и произнес:

— Добрый день. Я — Курт.

Говорил он по-русски с ярким акцентом. Балакирев попытался ответить по-английски:

— Меня зовут Юрий. Приятно познакомиться.

Мужчины крепко пожали друг другу руки. Через пять минут машина уже несла их в Москву. До Петровки пришлось добираться долго. Московские пробки — такая вещь... Всю дорогу Курт удивлялся загруженности дорог. В управлении они были где-то к вечеру. За чашкой кофе уже порядком уставший Курт сокрушенно пожаловался, что в их родном Гётеборге подобных пробок не бывает. А Балакирев ответил:

— Зато у нас бывают такие вещи, из-за которых я живу именно в России, а не в Швеции. У нас гораздо больше всего интересного, о чем вы, шведы, даже и не подозреваете. Да и вообще, Гётеборг — это не Москва. И даже не Стокгольм.

— Ну да... Ну да, — согласился Курт.

Обменявшись мнениями, они приступили к обсуждению дела, ради которого швед прибыл в Москву.

На следующий день с намеченным планом расследования Балакирев и его коллега из Швеции сидели в кабинете старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры России Олега Шмакова. Выслушав доклад, Олег Викторович согласился с разработанным планом. Было принято решение составить фоторобот предполагаемого преступника и разместить его на соответствующих сайтах в Интернете. По всему миру. Решено было задействовать также обычные средства массовой информации.

Глава XVIII

Бортпроводница Марсия сообщила пассажирам, что их автобус прибыл в Акапулько. Двери открылись, пассажиры стали выходить из салона. Марсия с улыбкой провожала каждого, желая удачи и хорошего отдыха. Юлия Перкуль вышла из автобуса и направилась к стоянке такси. Водителю она коротко сказала:

— На городское кладбище.

Тот молча кивнул, взял небольшой чемодан Перкуль, пристроил его в багажник автомобиля машины, и они поехали. В машине Перкуль вновь вернулась в прошлое.

...Когда они прилетели в Акапулько, Виктор был настолько раздражителен, что даже отказался вечером прогуляться по берегу. Он нервничал, дергался по малейшему поводу, грубо отвечал на вопросы Юлии. Она решила, что все это от перенесенного напряжения, усталости. Пыталась его отвлечь. Виктор резко отвечал, что с ним все в порядке, нужно отдохнуть, для этого просто необходимо время. Время шло, но ситуация не менялась. Виктор все больше уходил в себя. Он вдруг как-то резко постарел. На лице появились глубокие морщины, выражение настороженности. Его спина согнулась, походка стала тяжелой. При каждом резком звуке он вздрагивал. К концу отдыха у него пропал аппетит, он отказывался спускаться к завтраку. Еду приносили в номер.

Однажды в очередной раз он отказался выйти к завтраку. Потом и на прогулку не пошел. Настроение у него было мрачное.

— Виктор, что с тобой? — осторожно спросила Юлия, уже боясь вызвать его гнев.

Он ответил, пытаясь пошутить:

— Попал в капкан. За свою долгую работу с людьми я научился презирать свое воображение, свои мысли, свой статус в этом мире. В молодом возрасте жизнь кажется бесконечной. Но и она подходит к завершению. Тогда начинаешь задумываться, а какой след ты оставляешь за собой?

Голос его предательски дрогнул, но он продолжил:

— Мне страшно за то, что я оставляю после себя. Простит ли Господь меня за это? Не перебивай меня, Юля. Не перебивай, слушай. Я всю жизнь хотел красиво жить, есть, пить, носить дорогие вещи, любить ярких женщин. Вроде бы у меня все получалось. Есть ты, есть деньги, есть красивый дом. Но последнее мое дело, похоже, подкосило меня...

Я расследовал убийство депутата Государственной Думы России. Об этом убийстве много писали. Григорьев его фамилия... Правдолюб и борец с коррупцией. За это дело я взялся неохотно, как чувствовал — ничего хорошего из этого не выйдет. Но родственники и друзья покойного платили огромные деньги.

На убийцу я вышел быстро, через две недели работы. Вышел и на заказчиков. Когда я вышел на заказчиков, то, поверь, мне расхотелось жить в России.

Юлия с испугом и вниманием слушала его, старалась не перебивать, понимая, что ему так необходимо выговориться, облегчить душу.

— Иногда я сравнивал свою работу со строительством моста. Мост соединяет берега и дает возможность людям соединиться. Есть мосты большие, красивые, есть — маленькие, неказистые. Я же считал себя чаще разрушителем этих мостов. Пойманный убийца лишь усугубляет страдания близких людей убитого. Сознание, что погибшего не вернуть, а убийца будет жить, — невыносимо! В тюрьме, за решеткой, но он будет жить! С этим сложно смириться. Очень многие люди считают: в нашей стране должна быть смертная казнь за преступления, связанные с убийством.

Когда я был совсем юнцом, то не поверишь — боялся девушек, своих сверстниц. Я был очень застенчив, неуклюж в общении с ними. Ребята, с которыми я учился, были другими. Они запросто знакомились с девчонками, рассказывали о своих победах над ними, маленьких и больших. Я же мог себе еще мысленно представить, как обнимаю или целую девочку, но чтобы представить, только лишь представить, что раздеваю ее... О нет, я не был из тех мальчишек, которым все это было легко и просто. Сейчас все по-другому, другое время...

Так вот... Как я уже сказал, для расследования убийства депутата меня наняли представители высших эшелонов власти. Меня пригласили в одну из резиденций в Подмосковье. Попасть в такой дом непросто. Охрана тщательно обыскала меня. Меня провели в зал с сауной, где вновь обыскали и предложили полностью раздеться. Я уже рассказывал, как один олигарх встречал меня у бассейна. Здесь были другие люди, другой уровень. Меня завели в парилку и только там перешли к делу. Объяснили, что в этом месте нет прослушивающих устройств. Когда мы обо всем договорилась, вышли из парилки, нас ждали молодые девчонки. И тут началось такое, что у меня в глазах потемнело. Что творили эти представители власти! Их извращенной фантазии не было предела. И за это они хорошо платили. Как мне сказали потом, девчонкам заплатили по несколько тысяч евро...

Ненавижу! Ненавижу этих сволочей! Как ненавижу! Уж им ли думать о народе? Деньги и похоть — вот чем заняты их свиные головы.

Неожиданно Виктор прервал себя, подошел к бару, но не нашел нужной бутылки. И попросил Юлию спуститься в бар отеля и купить бутылку хорошего коньяка. При этом он как-то виновато улыбнулся. Она вопросительно взглянула на него, но послушно спустилась вниз.

Купив коньяк, Юлия поднялась в номер. Дверь была закрыта, она постучала, Виктор не открыл. Подождав минуту, она вновь постучала. Тишина. И тут она почувствовала, что что-то произошло. Стало страшно. Очень. Она

забарабанила в дверь, закричала. На ее крики прибежала горничная, своим ключом открыла номер.

Виктор сидел в кресле. Голова его была в крови и откинута назад. Кровь растеклась по рубашке, брюкам, попала на кресло.

Рядом с креслом лежал пистолет больших размеров. Крупнокалиберный.

Юлия потеряла сознание. Бутылка коньяка покатила по полу. Когда она пришла в себя и открыла глаза, увидела в номере множество людей. Сама она лежала на диване. Люди не обращали на нее внимания, занимаясь своим делом. Там были представители полиции, медики, какие-то в штатском. Она пошевелилась, к ней подошел врач:

— Сеньора, ваш муж покончил с собой. Примите мои соболезнования, мадам.

... — Вот мы и прибыли, мадам. Вы слышите меня? Мы на городском кладбище, — услышала голос водителя Юлия.

Сначала ей показалось, что это голос того врача в отеле, потом она поняла, что такси приехало — на кладбище.

Юлия рассчиталась с водителем, пошла к входу на кладбище. По центральной аллее она шла быстро, свернула направо, потом — налево. Прошла несколько метров еще и остановилась у одной из могил.

— Вот я и приехала. Мой дорогой. Мой Виктор. Мой Мегрэ, — тихо проговорила она. — Я приехала к тебе, милый. Дома все по-прежнему. Мы вдвоем с Гарвеем-младшим. Я все объяснила ему. Думаю, он все понял. Во всяком случае, лежит все время на полу с вытянутыми лапами. По берегу не бегает. Ест плохо. Когда вернусь, займусь ремонтом дома. Деньги у меня есть, спасибо тебе — ты их много оставил. Хватит до конца моей жизни.

Она достала из сумочки листок бумаги, сложенный вчетверо.

— Вот твоя предсмертная записка. Я ее ношу с собой. Ты написал: «Юля! Я обращаюсь к тебе, потому что никого ближе тебя в этой жизни у меня не было и нет. Мое настоящее имя — Казанцев Петр Ефимович. Своих родителей я не знал. Рос в детском доме. Я пытался их найти, когда мне исполнилось шестнадцать лет, но не смог. Гораздо позже в личном деле, которое мне удалось раздобыть, было сказано, что мои родители — Казанцев Ефим Викторович и Казанцева Клавдия Павловна — пропали в одной из экспедиций близ Байкала, недалеко от поселка с названием Озеро Желаний. Я всегда хотел съездить к тому месту, но так и не съездил. Просто было страшно оказаться там, где погибли родители.

Всю свою жизнь я думал, почему судьба так безжалостна ко мне... Но Время — самое страшное чудовище во Вселенной. Оно стирает с лица земли всех. Короли и банкиры, президенты и инженеры, врачи и сантехники, бедные и богатые — все уходят в небытие. Подошло и мое время. Через несколько секунд это чудовище сожрет меня.

Есть и последняя просьба у меня к тебе. Хочу, чтобы ты съездила в тот поселок — Озеро Желаний. Поставь там памятник моим родителям.

Прощай».

— Виктор, я была там, сделала все, как ты просил. Там уже стоял деревянный крест, на самом берегу небольшого озера. Я поставила там крест из черного мрамора — местные власти позволили мне. Они, твои родители, были достойными людьми. Геологи. Их группа погибла во время переправы — погода была плохой, их лодка перевернулась. Погибли все. И твои родители были среди них.

Вдруг Перкуль почувствовала, что кто-то стоит позади нее. Она обернулась. Это был немолодой мужчина. Худощавый и седой. Цепкий взгляд умных серых глаз...

— Вы знали моего покойного мужа? — негромко спросила она и почему-то по-английски.

Тот ответил тоже по-английски, скупно улыбаясь:

— Я комиссар полиции из Гётеборга. Из Швеции. Скоро ухожу в отставку. Не мог не приехать сюда. Меня зовут Дэвид Криспа. По работе я знал вашего мужа.

Про себя он добавил: «Это был единственный не пойманный мной профессиональный убийца. Единственный — за всю мою полицейскую карьеру».

КОНЕЦ